

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ЛИНГВИСТИКА**

2018 Том 22 № 3

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
К ЮБИЛЕЮ АННЫ ВЕЖБИЦКОЙ**

Приглашенный редактор **АННА ГЛАДКОВА**

**Научный журнал
Издается с 1997 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) **Свидетельство о регистрации** ПИ № ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUSSIAN JOURNAL
OF LINGUISTICS**

2018 Volume 22 No. 3

**STUDIES IN SEMANTICS
FOR ANNA WIERZBICKA'S ANNIVERSARY**

Guest Editor **ANNA GLADKOVA**

**Founded in 1997
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать: 36436.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика — периодическое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала:

- ◆ способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей;
- ◆ знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- ◆ публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры, сознания и коммуникации;
- ◆ освещать научную деятельность как российского, так и международного научного сообщества.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования. Основные рубрики журнала: *язык и культура, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода*. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 10.00.00 — филологические науки; Специальности научных работников: 10.02.01 — русский язык, 10.02.04 — германские языки, 10.02.05 — романские языки, 10.02.19 — теория языка, 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@rudn.university.

4 issues per year

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

The Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal:

- ◆ to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists and specialists in related areas of investigation;
- ◆ to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of Linguistics developed both in Russia and abroad;
- ◆ to publish results of original research on a broad range of interdisciplinary issues relating to language, culture, cognition and communication;
- ◆ to cover scholarly activities of the Russian and international academia.

As a Russian journal with international character, it aims at discussing relevant intercultural/linguistic themes and exploring general implications of intercultural issues in human interaction in an interdisciplinary perspective. The most common topics include *language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, and theory and practice of translation*. In addition to research articles, the journal welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

E-mail: lingj@rudn.university.

Подписано в печать 10.09.2018. Выход в свет 20.09.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 25,58. Тираж 500 экз. Заказ № 828. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: ipk@rudn.university

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.В. Ларина, РУДН, Россия. E-mail: larina_tv@rudn.university

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Иштван Кечкеш, Университет Штата Нью-Йорк, Олбани, США. E-mail: ikecskes@albany.edu

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А.С. Борисова, РУДН, Россия. E-mail: borisova_as@rudn.university

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Альба-Хуэс Лаура, Национальный университет дистанционного образования UNED (Мадрид, Испания)

Биби Стивен А., Университет штата Техас (Сан Маркос, США)

Богданова Людмила Ивановна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Гусман Тирадо Рафаэль, Гранадский университет (Гранада, Испания)

Деваеле Жан-Марк, Лондонский университет (Лондон, Великобритания)

Дементьев Вадим Викторович, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

Еленевская Мария, Технион — Израильский политехнический институт (Хайфа, Израиль)

Еслами Зохранэ, Техасский университет А&М в Катаре (Доха, Катар / Техас, США)

Жельвис Владимир Ильич, Ярославский государственный педагогический университет (Ярославль, Россия)

Зализняк Анна Андреевна, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Иванова Светлана Викторовна, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

Ирисханова Ольга Камалудиновна, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Карасик Владимир Ильич, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Карбо Донал, Массачусетский университет (Амхерст, США)

Лассан Элеонора, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)

Леонтович Ольга Аркадьевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Миллс Сара, Университет Шеффилд Холлэм (Шеффилд, Великобритания)

Ойши Етсуко, Токийский исследовательский университет (Токио, Япония)

Павленко Анета, Университет Осло (Осло, Норвегия)

Понтон Дуглас Марк, Университет Катании (Катания, Италия)

Путиц Мартин, Университет Кобленц-Ландау (Ландау, Германия)

Сифьяну Мария, Афинский национальный университет им. Каподистрии (Афины, Греция)

Сунь Юйхуа, Даляньский университет иностранных языков (Далянь, КНР)

Сурьянараян Нилакши, доктор, профессор, Делийский университет (Дели, Индия)

Шнайдер Клаус, Боннский университет (Бонн, Германия)

Эбзеева Юлия Николаевна, РУДН (Москва, Россия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.university; vestnik_linguistics@mail.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana Larina, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: larina_tv@rudn.university

HONORARY EDITOR

Istvan Kecskes, State University of New York at Albany, USA. E-mail: ikecskes@albany.edu

EXECUTIVE SECRETARY

Anna Borisova, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: borisova_as@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Laura Alba-Juez, National Distance Education University (Madrid, Spain)

Steven A. Beebe, Texas State University (San Marcos, USA)

Liudmila Bogdanova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Donal Carbaugh, University of Massachusetts (Amherst, USA)

Vadim Dementyev, Saratov State University (Saratov, Russia)

Jean-Marc Dewaele, Birkbeck, University of London (London, UK)

Julia Ebzeeva, RUDN University (Moscow, Russia)

Zohreh Eslami, Texas A&M University at Qatar (Doha, Qatar / Texas, USA)

Rafael Guzman Tirado, University of Granada (Granada, Spain)

Olga Iriskhanova, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

Svetlana Ivanova, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)

Vladimir Karasik, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Eleonora Lissan, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)

Olga Leontovich, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Sara Mills, Sheffield Hallam University (Sheffield, UK)

Etsuko Oishi, Tokyo University of Science (Tokyo, Japan)

Aneta Pavlenko, University of Oslo (Oslo, Norway)

Douglas Mark Ponton, University of Catania (Catania, Italy)

Martin Pütz, University of Koblenz-Landau (Landau, Germany)

Klaus Schneider, University of Bonn (Bonn, Germany)

Maria Sifianou, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)

Sun Yuhua, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Neelakshi Suryanarayan, Delhi University (New Delhi, India)

Maria Yelenevskaya, Technion — Israel Institute of Technology (Haifa, Israel)

Anna Zalizniak, the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*
Computer Design *Ekaterina P. Dovgolevskaya*

Editorial office:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Tel.: +7 (495) 434-20-12;
e-mail: lingj@rudn.university; vestnik_linguistics@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: к юбилею Анны Вежбицкой

СОДЕРЖАНИЕ

Anna Gladkova (Мельбурн, Австралия), Tatiana Larina (Москва, Россия) Anna Wierzbicka, Words and the World (Анна Вежбицкая, слова и смыслы)	499
Igor Mel'čuk (Монреаль, Канада) Anna Wierzbicka, Semantic Decomposition, and the Meaning-Text Approach (Анна Вежбицкая, семантическое разложение и подход «Смысл-Текст»)	521
Cliff Goddard (Брисбен, Австралия) A Semantic Menagerie: The Conceptual Semantics of Ethnozoological Categories (Семантическая менажерия: концептуальная семантика этнозоологических категорий)	539
Sally Rice, John Newman (Эдмонтон, Канада) A Corpus Investigation of English Cognition Verbs and their Effect on the Incipient Epistemization of Physical Activity Verbs (Корпусное исследование английских глаголов мышления и их влияния на начальную эпистемизацию глаголов физического действия)	560
Jock Onn Wong (Сингапур) The Semantics of Logical Connectors: <i>therefore</i> , <i>moreover</i> and <i>in fact</i> (Семантика логических коннекторов: <i>therefore</i> , <i>moreover</i> и <i>in fact</i>)	581
Рахилина Е.В. (Москва, Россия), Казкенова А.К. (Алматы, Казахстан) Заметки о русском числе	605
Зализняк Анна А., Падучева Е.В. (Москва, Россия) Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов: <i>пожалуй</i> , <i>никак</i> , <i>все-таки</i>	628
Valentina Apresjan (Moscow, Russia) Russian Constructions with Syntactic Reduplication of Colour Terms: A Corpus Study (Русские конструкции с синтаксической редупликацией цветообозначений: корпусное исследование)	653
Шмелев А.Д. (Москва, Россия) Еще раз о русских словах <i>свобода</i> и <i>воля</i>	675

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Которова Е.Г. (Зелёна-Гура, Польша) Анализ терминов родства с помощью Естественного Семантического Метаязыка: подход Анны Вежбицкой	701
--	-----

**STUDIES IN SEMANTICS:
For Anna Wierzbicka's anniversary**

CONTENTS

Anna Gladkova (Melbourne, Australia), Tatiana Larina (Moscow, Russia) Anna Wierzbicka, Words and the World	499
Igor Mel'čuk (Montreal, Canada) Anna Wierzbicka, Semantic Decomposition, and the Meaning-Text Approach	521
Cliff Goddard (Brisbane, Australia) A Semantic Menagerie: The Conceptual Semantics of Ethnozoological Categories	538
Sally Rice, John Newman (Edmonton, Canada) A Corpus Investigation of English Cognition Verbs and their Effect on the Incipient Epistemization of Physical Activity Verbs	560
Jock Onn Wong (Singapore) The Semantics of Logical Connectors: <i>therefore</i> , <i>moreover</i> and <i>in fact</i>	581
Ekaterina Rakhilina (Moscow, Russia), Aimgul K. Kazkenova (Almaty, Kazakhstan) Notes on Russian Number	605
Anna Zalizniak, Elena Paducheva (Moscow, Russia) Towards a Semantic Analysis of Russian Discourse Markers: <i>pozhaluj, nikak, vsjo-taki</i>	628
Valentina Apresjan (Moscow, Russia) Russian Constructions with Syntactic Reduplication of Colour Terms: A Corpus Study	653
Alexei Shmelev (Moscow, Russia) Russian Words for 'Freedom' Revisited ...	675

REVIEWS

Elizaveta Kotorova (Zielona Góra, Poland) Analysis of Kinship Terms Using Natural Semantic Metalanguage: Anna Wierzbicka's Approach	701
---	-----

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520

Anna Wierzbicka, Words and the World

Anna Gladkova^{1,2} and Tatiana Larina³

¹Monash University
20 Chancellors Walk, Clayton Campus, Monash University

²Australian National University
Melbourne, VIC 3800, Australia

³Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya, 117198, Moscow, Russia

Abstract

This introduction to the Special Issue summarises Anna Wierzbicka's contribution to the linguistic study of meaning. It presents the foundations of the approach known as the Natural Semantic Metalanguage (NSM) developed by Wierzbicka. The current state of the approach is discussed in the article with the ideas of 65 semantic primitives, universal grammar and the principle of reductive paraphrase in semantic explications. It traces the origin of Wierzbicka's ideas to Leibniz. The framework has been tested on about thirty languages of diverse origin. The applications of the approach are broad and encompass lexical areas of emotions, social categories, speech act verbs, mental states, artefacts and animals, verbs of motion, kinship terms (among others), as well as grammatical constructions.

Keywords: *Anna Wierzbicka, semantics, Natural Semantic Metalanguage (NSM), semantic primitives, reductive paraphrase*

Анна Вежбицкая, слова и смыслы

А.Н. Гладкова^{1,2}, Т.В. Ларина²

¹Monash University
20 Chancellors Walk, Clayton Campus, Monash University

²Australian National University
Melbourne, VIC 3800, Australia

³Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya, 117198, Moscow, Russia

Аннотация

В вводной статье к специальному выпуску, посвященному семантическим исследованиям, обобщается вклад Анны Вежбицкой в языковые исследования смысла. В ней представлены основы разработанного ею подхода Естественного Семантического Метаязыка (ЕСМ) и обсуждаются последние разработки данного подхода, которые включают 65 семантических примитивов, универсальную грамматику и принцип упрощенных перифраз. Прослеживается связь между идеями А. Вежбицкой и Г.В. Лейбница. Универсальность подхода тестировалась на более тридцати языках различного происхождения. Подход имеет широкое применение и успешно используется в анализе терминов эмоций, социальных категорий, глаголов речевого действия, ментальных состояний, артефактов и животных, глаголов движения, терминов родства, а также грамматических конструкций.

Ключевые слова: *Анна Вежбицкая, семантика, Естественный Семантический Метаязык (ЕСМ), семантические примитивы, упрощенные перифразы*

1. INTRODUCTION

The current and the next issue of the *Russian Journal of Linguistics* are dedicated to Anna Wierzbicka. Anna Wierzbicka is an internationally renowned linguist who systematically integrated language, culture and cognition in her studies and demonstrated the logic of culture-specific modes of linguistic interaction. In 2018 Anna Wierzbicka celebrates her anniversary and the *Russian Journal of Linguistics* highjacks two issues to celebrate her scholarship and the warmth of her personality. Those of us who are fortunate to know her personally are moved by her kindness and moral support. She has been an inspiration to a countless number of colleagues, young scholars, and students in Russia and beyond. Over the years her scholarship, intellectual rigor, and academic integrity have been exemplary. The Editorial Board of the journal, the authors and the readers wish that her intellectual journey will continue for many more years to come.

Professor Anna Wierzbicka is a Professor Emeritus in Linguistics at the Australian National University in Canberra, Australia. She is a Fellow of the Australian Academy of the Humanities, the Australian Academy of Social Sciences, the Russian Academy of Sciences, and the Polish Academy of Arts and Sciences. She is the recipient of two Honorary Doctoral Awards from the Marie Curie-Sklodowska University, Poland (2004) and from the Warsaw University, Poland (2006). She is also the recipient of the Dobrushin Prize 2010 (established in Russia in honour of the Russian mathematician Roland Lvovich Dobrushin) and the Polish Science Foundation Prize 2010 for the humanities and social sciences. Anna Wierzbicka is well known for her contributions in the field of semantics and the development of the Natural Semantic Metalanguage (NSM). Her work spans a number of disciplines, including anthropology, psychology, cognitive science, philosophy and religious studies in addition to linguistics. She has published over twenty books and edited or co-edited several others.

Anna Wierzbicka is a widely acclaimed scholar in the Russian linguistic circles. Five books of hers (Wierzbicka 1996, 1999b, 2001a, b, 2011) along with numerous articles have been published in Russia. In this regard, Elena Paducheva rightly notes (2009[1996]: 629):

Undoubtedly, the influence of Wierzbicka's scholarship on linguistic studies in Russia (in general linguistics and Russian linguistics in the first place) is notably greater than in any other country. This could be due to the original Slavic commonality which successfully overcomes territorial and language barriers, but, most likely, this is due to the consonance of linguistic paradigms [...]. In Russian linguistics, one is unlikely to find another author who is cited as widely and passionately as Wierzbicka [...]. (Translation is ours — AG, TL)

The first volume relates to Anna Wierzbicka's contribution to the development of the theory of meaning and her methodology of linguistic analysis known as the Natural Semantic Metalanguage. Consequently, the introductory article to the first volume summarises her contribution to the study of meaning. The main focus of the second volume will be Anna Wierzbicka's research dealing with the relationship between meaning and culture as well as other applications of her approach.

2. NATURAL SEMANTIC METALANGUAGE: A BRIEF OVERVIEW

The most distinctive feature of Anna Wierzbicka's linguistic research is attention to meaning. At the time of linguistics being dominated by formal and structuralist approaches centered on syntax, Wierzbicka suggested a daring shift in the paradigm by stating that meaning is what language is primarily about and that the study of language should first and primarily be conducted through the prism of meaning. Wierzbicka (1996: 3) famously declared:

To study language without reference to meaning is like studying road signs from the point of view of their physical properties (how much they weigh, what kind of paint are they painted with, and so on), or like studying the structure of the eye without any reference to seeing.

Being committed to the principle of the centrality of meaning to linguistic analysis, Wierzbicka set a research agenda of developing a way of studying linguistic meaning that could be versatile enough to give access to a variety of linguistic phenomena and be applicable across languages. In her 1972 book "Semantic Primitives" she launched a theory which is now known under the acronym "NSM" (Natural Semantic Metalanguage) and is being internationally recognized as one of the world's leading theories of language and meaning.

2.1. Semantic primitives

Inspired by Leibniz's idea that all languages have a finite number of concepts by means of which other concepts can be explained Wierzbicka set an agenda of identifying these concepts by the process of a detailed linguistic analysis of different semantic domains (cf. Wierzbicka 1972). Leibniz acknowledged that some words are more basic and simple in meaning than others: "Amongst the words, some are frequently used and serve as auxiliary to the others" (Leibniz 1987[1678]: 162). He called these words "the alphabet of human thoughts" (cf. Wierzbicka 1972: 6).

Goddard and Wierzbicka (2014a: 11) write:

One has to attempt a very large number of definitions to be able to find out which words can, and which cannot, be defined, and consequently, which words (or word-meanings) can be regarded as elementary building blocks out of which all complex concepts (and word-meanings) can be built.

This agenda had been pursued by Wierzbicka throughout her career passionately and diligently.

Wierzbicka's (1972) initial list of universal human concepts, or primes, included 14 words. Over the years, this list considerably expanded and developed into a versatile metalanguage of linguistic analysis. This development was due above all to collaboration with Cliff Goddard (currently Professor of Linguistics at Griffith University in Australia), and also to collaboration with other colleagues who applied and tested the metalanguage in a considerable number of unrelated languages¹. The metalanguage was given the name

¹ It is also important to acknowledge the synergy between the Natural Semantic Metalanguage approach, the Moscow School of Semantics (Apresjan 1992, 2005) and the Meaning-Text Theory (Mel'čuk 1989, 2012, 2013, 2015).

the “Natural Semantic Metalanguage” because it is based on the concepts expressed as words of natural language (any natural language) and because it was primarily developed as a tool for semantic analysis. The theory has advanced significantly over more than 40 years. It continues to develop and some aspects continue to be clarified and refined. The current state of the theory is reflected in Wierzbicka (1996), Goddard and Wierzbicka (eds. 2002, 2014a), as well as Goddard (2011, 2018)².

In identifying universal human concepts the NSM theory accepts Leibniz’s hypothesis that they should be shared by people regardless of the language they speak. The NSM theory suggests that there are 65 meanings or human concepts of this kind (see Table 1). These meanings are called semantic primitives or primes and they have been identified by a process of trial and error.

Table 1

Exponents of semantic primes in English and Russian
(after Gladkova 2010, Goddard and Wierzbicka 2014a)

JA, TY, KTO-TO, ČTO-TO~VEŠČ', LJUDI, TELO I, YOU, SOMEONE, SOMETHING~THING, PEOPLE, BODY	substantives
ROD~VID, ČAST' KINDS, PARTS	relational substantives
ÉTOT, TOT ŽE, DRUGOJ THIS, THE SAME, OTHER~ELSE	determiners
ODIN, DVA, NEKOTORYE, VSE, MNOGO, MALO ONE, TWO, SOME, ALL, MUCH~MANY, LITTLE~FEW	quantifiers
XOROŠIJ~XOROŠO, PLOXOJ~PLOXO GOOD, BAD	evaluators
BOL'ŠOJ, MALEN'KIJ BIG, SMALL	descriptors
ZNAT', DUMAT', XOTET', NE XOTET', ČUVSTVOVAT', VIDET', SLYŠAT' KNOW, THINK, WANT, DON'T WANT, FEEL, SEE, HEAR	mental predicates
GOVORIT'~SKAZAT', SLOVA, PRAVDA SAY, WORDS, TRUE	speech
DELAT', PROISXODIT'~SLUČAT'SJA, DVIGAT'SJA DO, HAPPEN, MOVE	actions, events, movement
BYT' (GDE-TO), BYT'~EST', BYT' (KEM-TO/ČEM-TO) BE (SOMEWHERE), THERE IS, BE (SOMEONE/SOMETHING)	location, existence, specification
MOJ/MOJA/MOE (IS) MINE	possession
ŽIT', UMERET' LIVE, DIE	life and death
KOGDA~VREMJA, SEJČAS, DO, POSLE, DOLGO, KOROTKOE VREMJA, NEKOTOROE VREMJA, MOMENT WHEN~TIME, NOW, BEFORE, AFTER, A LONG TIME, A SHORT TIME, FOR SOME TIME, MOMENT	time
GDE~MESTO, ZDES', NAD, POD, DALEKO, BLIZKO, STORONA, VNUTRI, KASAT'SJA WHERE~PLACE, HERE, ABOVE, BELOW, FAR, NEAR, SIDE, INSIDE, TOUCH	place
NE, MOŽET BYT', MOČ', POTOMU ČTO, ESLI NOT, MAYBE, CAN, BECAUSE, IF	logical concepts
OČEN', BOL'ŠE~EŠČE VERY, MORE	intensifier, augmentor
KAK~TAK LIKE~AS	similarity

Notes: • Exponents of primes can be polysemous, i.e. they can have other, additional meanings. • Exponents of primes may be words, bound morphemes, or phrasemes. • They can be formally complex. • They can have language-specific combinatorial variants (allolexes, indicated with ~). • Each prime has well-specified syntactic (combinatorial) properties.

² *The NSM Homepage* is a good source of updated information on the approach. It has downloadable materials and a full bibliography of NSM-based publications.

They constitute the core of human lexicon and can be used to explicate more complex meanings. Apart from words, these meanings can be expressed by bound morphemes or phrasemes. These meanings equal lexical units (cf. Apresjan 1992, Mel'čuk 1988). This means that if a word is polysemous, the meaning of a prime equals only one meaning of this word. To distinguish the meaning of a prime from the other meanings of a given word (in printed text), the primes are, by convention, represented by small capital letters (e.g., THINK, GOOD, PEOPLE).

Wierzbicka's inspirational ideas about the universal metalanguage have been tested by different scholars in a number of typologically divergent languages: Malay, Mandarin Chinese, Polish, Spanish, Lao, Mangaaba-Mbula (in Goddard and Wierzbicka eds. 2002), Hawaii Creole English (Stanwood 1997), Korean, Amharic, Cree (in Goddard ed. 2008), French, Spanish, Italian, Portuguese (in Peters ed. 2006), Russian (Gladkova 2010), Arabic, Hebrew (Habib 2011), Finnish (Vanhatallo et al. 2014). Partial studies of NSM primes and syntax have been conducted on the basis of another two dozen languages (e.g., Goddard and Wierzbicka eds. 1994).

2.2. Universal grammar

The primes constitute a metalanguage because they have an ability to combine with each other in different ways. As Wierzbicka (1996: 19) notes:

Despite its obvious limitations, Leibniz's old metaphor of an "alphabet of human thoughts" is still quite useful here: conceptual primitives are components which have to be combined in certain ways to be able to express meaning.

The primes are united by a governing syntax. That is, each prime is identified as being able to combine with certain other primes. They form a mini-language which lies at the core of every language. The syntactic properties of primes are revealed in their valency options. For example, the prime SAY allows a universal valency option of "addressee" and "locutionary topic" — 'someone (X) said something to someone else (Y)' and 'someone (X) said something about something (Z)'. Similarly, the exponent of SAY in Russian — *GOVORIT'/SKAZAT'* — has the same syntactic properties as its English exponent. In Russian these sentences with *GOVORIT'/SKAZAT'* are '*kto-to (X) skazal čto-to komu-to drugomu (Y)*' and '*kto-to (X) skazal čto-to o čem-to (Z)*' respectively.

The 'syntactic properties' of the primes are identified in the list of canonical contexts or canonical sentences (Goddard and Wierzbicka eds. 1994, 2002). Canonical contexts are combinations of primes which reflect their syntactic properties and which can be used in semantic explications. The prime SAY has the following canonical sentences (Goddard and Wierzbicka 2002: 60):

- X said something
- X said something about something
- X said: "---"
- X said something to someone
- X said some words (these words)
- X said something with (or in) some words

Most recent overview of canonical sentences is presented in Goddard and Wierzbicka (2014b).

2.3. Reductive paraphrase principle and semantic explications

The primes in their canonical combinations are used to explicate meaning in the form of reductive paraphrase. Wierzbicka (1996) identifies the importance of paraphrase in semantic studies as follows:

Semantics can have an explanatory value only if it manages to “define” (or explicate) complex and obscure meanings in terms of simple and self-explanatory ones. If a human being can understand any utterances at all (someone else’s or their own) it is only because these utterances are built, so to speak, out of simple elements which can be understood by themselves (Wierzbicka 1996: 11).

Semantic explications written in NSM present formulae which can be substituted for the meanings explained. A formula of this kind is written in the form of a mini text with each component presented on a new line. Each component is related to the previous component, more precisely, it has an anaphoric relationship with the previous components.

The following is an example of a semantic explication of the English word *happy* worded in NSM (Goddard and Wierzbicka 2014a: 103):

He was happy

- a. this someone thought like this for some time at that time:
- b. “many good things are happening to me now as I want
- c. I can do many things now as I want
- d. this is good”
- e. because of this, this someone felt something good at that time
- f. like people feel at many times when they think like this for some time

The universality of the “primitive” concepts and their syntactic properties used in the NSM allows for the explications to be translatable into any language without any loss or addition in meaning. The Russian version of this explication would be:

He was happy

- a. étot kto-to dumal tak nekotoroje vremja v to vremja:
- b. “mnogo xorošix veščej proisxodit so moj sejčas kak ja xoču
- c. ja mogu delat’ mnogo veščej kak ja xoču
- d. éto xorošo
- e. poétomu, étot kto-to čuvstvoval čto-to xorošee v éto vremja
- f. kak ljudi čuvstvujut často, kogda oni dumajut tak nekotoroje vremja

Similarly, this explication can be represented in any version of NSM without any change of meaning due to universality of the metalanguage.

The NSM has developed into a versatile tool that has been successful in the analysis of a large variety of linguistic phenomena. Wierzbicka and her followers have applied it in the study of emotions (e.g., Wierzbicka 1992, 1999, 2009, 2017), social categories (Wierzbicka 1997), speech act verbs (Wierzbicka 1987), mental states (Wierzbicka 2006), artefacts and animals (Wierzbicka 1985), verbs of motion (Goddard, Wierzbicka

and Wong 2016), kinship terms (Wierzbicka 2015) (to name just a few). It has also served in explications of meanings of grammatical constructions (e.g., Wierzbicka 1988, 2006, Goddard and Wierzbicka 2016)³.

With the pool of knowledge acquired from the analysis of diverse vocabularies and grammars, especially in a cross-linguistic perspective, Wierzbicka developed a way of applying her approach to the study of cultural phenomena embedded in language. This led to the idea of the salience of cultural key words (Wierzbicka 1997) and cultural scripts (Wierzbicka 2002, 2003). We will cover these aspects of Wierzbicka's approach and work in the next issue of the *Russian Journal of Linguistics*.

3. THE ARTICLES OF THIS ISSUE

The current issue comprises articles written by Anna Wierzbicka's colleagues, friends and collaborators who either directly use her approach of linguistic analysis or are considerably influenced by it.

The first article is written by **Igor Mel'čuk** (Montreal, Canada), the creator of the Meaning-Text linguistic approach (Mel'čuk 2012, 2013, 2015, 2016). In this article he argues that the main contribution of Anna Wierzbicka to linguistics is the idea of semantic decomposition—that is, representing meaning in terms of structurally organized configurations of simpler meanings. He further demonstrates how this idea can be applied using two Meaning-Text mini-models for English and Russian at four levels—semantic, deep-syntactic, surface-syntactic, and deep-morphological. Examples of formal rules relating the representations of two adjacent levels are presented.

In the next article, **Cliff Goddard** (Brisbane, Australia) — a long-term Anna Wierzbicka's collaborator and a co-developer of the Natural Semantic Metalanguage, follows the seminal work of Wierzbicka (1985, 2013), and proposes and discusses a set of semantic analyses of words from three different levels of the English ethnozoological taxonomic hierarchy: *creature* (unique beginner), *bird*, *fish*, *snake*, and *animal* (life-form level), *dog* and *kangaroo* (generic level). The research is conducted using the analytical framework of the Natural Semantic Metalanguage approach (Wierzbicka 1996, 2014, Goddard and Wierzbicka 2014a). The work implements NSM constituents — semantic primes, semantic molecules and semantic templates (Goddard 2012, 2016). Other issues considered include the extent to which cultural components feature in the semantics of ethnozoological categories, and the extent to which semantic knowledge may vary across different speech communities.

Sally Rice and **John Newman** (Edmonton, Canada) investigate the usage in English of basic verbs of ideation (*think*, *know*) and physical activity (*strike*, *hit*, *go*, *run*) as they take on new epistemic meanings and functions. The choice of words and meanings overlaps with some semantic primes from Wierzbicka's Natural Semantic Metalanguage. The authors find that many verbs and phrasal expressions, ideational or not, seem

³ A full bibliography of Anna Wierzbicka's work is available on her *ANU webpage* and the *NSM Homepage*.

to be associated with rather narrow collocational patterning, argument structure, and inflectional marking in almost idiom-like and constructional fashion. Moreover, it is argued that expressions associated with 1SG and 2nd person “cognizers” are, to a large extent, in complementary distribution, giving rise to fairly strong semantic differences in how *I* and *you* “ideate”. This study demonstrates the extent of inflectional and collocational specificity for verbs of cognition and physical activity and discuss implications that lexico-syntactic idiosyncrasy has for cognitive linguistics.

Jock Onn Wong (Singapore) demonstrates how the Natural Semantic Metalanguage can be applied in language teaching. In particular, he uses it to capture the meaning of three logical connectors, *therefore*, *moreover* and *in fact* for English language teaching purposes. He demonstrates that the knowledge and understanding of the meaning of these words is essential for constructing logical texts and building logical connections. The author explains that the advantages of using simple universal concepts for explicating such words for pedagogical purposes are their accessibility and non-ethnocentric nature.

The paper by **Ekaterina Rakhilina** (Moscow, Russia) and **Aimgul Kazkenova** (Almaty, Kazakhstan) also relates to the issues of language pedagogy and deals with a well-known problem of the distribution of grammatical markers within a certain category and whether this distribution is motivated semantically or not. It discusses the choice of singular and plural forms of nouns in Russian texts. The paper builds on Anna Wierzbicka’s seminal work recognizing that the rules which regulate the usage of number markers in Russian are language-specific (Wierzbicka 1988). The research relies on data from Kazakh-Russian bilinguals. The paper demonstrates that the deviations in nominal number marking in the texts of bilinguals are not arbitrary but semantically motivated. They follow semantic strategies which are characteristic of speakers appealing to both systems at once. The paper argues that the violation of standard usage observed in the learner corpus can specify the rules governing Russian number usage which have been violated.

Anna Zalizniak and **Elena Paducheva** (Moscow, Russia) address their article to the analysis of discourse markers with the meaning “speaker’s opinion about a certain state of affairs”. The paper builds on Wierzbicka’s research discussing the presence of the speaker in the utterance (e.g., Wierzbicka 1972, 1987, 2003[1991]). The paper presents an analysis of three Russian discourse words *pozhaluj*, *nikak*, *vsjo-taki* based on the National Corpus of Russian data. The study offers the prospect of an integral research of discourse words which combines methods of classical semantic analysis, contextual-semantic method, conceptual analysis and narratology.

Valentina Apresjan (Moscow, Russia) presents a corpus-based study of Russian reduplicated constructions with colour terms. The study establishes that absolute frequencies of non-reduplicated colour terms in Russian reflect both Anna Wierzbicka’s “universals of visual semantics” (Wierzbicka 1990, 2005), as well as certain language and culture-specific tendencies. Her findings establish the importance of corpus methods

in the study of colour terms and reduplication, demonstrate that the use and interpretation of lexical and syntactic items hinges both on semantic and pragmatic factors, and add to the understanding of semantics and pragmatics of Russian colour terms and reduplication construction.

The article by **Alexei Shmelev** (Moscow, Russia) deals with the Russian words referring to ‘freedom’ (*svoboda*, *volja*, and their derivatives *svobodnyj*, *vol’nyj*, *vol’nost’*, etc.) in both synchronic and diachronic aspects. It seeks to elaborate and to refine the analysis given in some earlier publications by Wierzbicka (1997) and Shmelev (Shmelev 2003, 2013). The paper analyzes the spatial dimension in the meaning of the words under consideration, the contrast between *svoboda* and *volja* before the Revolution, their semantic development during Soviet times and their current semantic status. In addition, the author considers the use of the words in question in the translations of various texts into Russian (with reference to the parallel corpora of the Russian National Corpus).

The issue concludes with a Review Article by **Elizaveta Kotorova** (Zielona Góra, Poland). The author reviews three recent articles by Anna Wierzbicka on kinship terminology. It demonstrates how Wierzbicka introduces a novel way of analysing the semantics of kinship terms by using the methodology of Natural Semantic Metalanguage. It is shown that this kind of approach allows the researcher to successfully overcome Eurocentrism in studying kinship terminology in diverse languages by relying on universals of human cognition.

4. CONCLUDING REMARKS

The Special Issue dedicated to Wierzbicka in recognition of her contributions to linguistics will be continued in the next issue. It will focus on Anna Wierzbicka’s research aimed at the relationship between language and culture and other applications of her approach to studying meaning.

We would like to express sincere gratitude to all authors contributing to this issue. We would also like to congratulate again Anna Wierzbicka on her anniversary and to thank her for her inspiring work, generosity, moral support and kindness.

RU

1. ВВЕДЕНИЕ

Этот и следующий выпуск нашего журнала мы посвящаем всемирно известному лингвисту — Анне Вежицкой, много сделавшей для демонстрации системной связи между языком, культурой и мышлением и выявления логики культуры, воплощенной в языке и коммуникации. В этом году Анна Вежицкая отмечает свой юбилей, и мы вместе с ее друзьями, коллегами и учениками, почитателями

ее таланта и прекрасных человеческих качеств решили преподнести ей этот интеллектуальный подарок. Тех из нас, кому повезло встречаться с Анной и узнать ее лично, всегда покоряли ее доброта, открытость, постоянное желание поддержать и помочь. Своими новаторскими идеями, неустанным научным поиском и преданностью науке она вдохновляла и продолжает вдохновлять своих коллег, молодых ученых и студентов в России и за ее пределами.

От имени редколлегии нашего журнала, наших авторов и читателей мы сердечно поздравляем Анну Вежбицкую с замечательным юбилеем и желаем ей доброго здоровья и новых творческих достижений!

Анна Вежбицкая — заслуженный профессор лингвистики Австралийского национального университета, член Австралийской академии гуманитарных наук, Австралийской академии общественных наук, Российской академии наук и Польской академии искусств и наук. Она является лауреатом двух почетных докторских премий — Университета имени Марии Склодовской-Кюри, Польша (2004 г.) и Варшавского университета (2006 г.), а также лауреатом международной премии имени Р.Л. Добрушина (2010) и премии Польского научного фонда (2010).

Анна Вежбицкая — автор более двадцати книг и множества статей, которые, помимо лингвистики, охватывают ряд смежных дисциплин — антропологию, психологию, когнитивистику, философию и религиоведение. В своих междисциплинарных исследованиях она интегрирует язык, культуру и познание, демонстрируя их взаимную обусловленность и конкретные типы их взаимодействия.

Труды Анны Вежбицкой хорошо известны в российском лингвистическом сообществе. Многие ее книги и статьи переведены на русский язык и опубликованы в России, где ее ценят и любят. Среди них — *Язык. Культура. Познание* (1996), *Семантические универсалии и описание языков* (1999), *Понимание культуры через посредство ключевых слов* (2001), *Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики* (2001), *Семантические универсалии и базисные концепты* (2011).

Е.В. Падучева в этой связи справедливо отмечает:

Несомненный факт, что влияние работ Вежбицкой на лингвистику в России (речь идет прежде всего об общем языкознании и русистике) заметно больше, чем в какой-либо другой стране. Возможно, здесь сказывается исконная славянская общность, с успехом преодолевающая территориальный и языковой барьер, но скорее всего, дело во внутренней созвучности лингвистических концепций [...]. В русской лингвистике едва ли найдется столь широко и без оглядки цитируемый автор, считая в равной мере как своих (нет пророка в своем отечестве!), так и заграничных (Падучева 2009 [1996]: 629).

В первом томе нашего специального выпуска мы хотим обобщить вклад Анны Вежбицкой в семантику, в разработку теории значения и методологию анализа и описания слов. Большое внимание будет уделено применению раз-

работанного ею Естественного Семантического Метаязыка (Natural Semantic Metalanguage — NSM). В нашей вводной статье мы коротко остановимся на ее основных идеях.

2. ЕСТЕСТВЕННЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ МЕТАЯЗЫК (ЕСМ): КРАТКИЙ ОБЗОР

Отличительной чертой лингвистических исследований Анны Вежицкой является ее внимание к смыслу. В то время, когда в лингвистике доминировали формализм и структурализм, Вежицкая предложила осуществить сдвиг в парадигме лингвистических исследований в сторону семантики, смело заявив, что смысл первичен в языке и анализировать язык следует прежде всего с точки зрения смысла. В одной из своих работ она образно пишет:

Изучать язык, не обращаясь к смыслу, — это все равно, что изучать дорожные знаки с точки зрения их физических свойств (сколько они весят, какой краской покрашены и т.д.), или изучать структуру глаза, игнорируя его способность видеть. (Wierzbicka 1996: 3) (Здесь и далее перевод наш. — *А.Г., Т.Л.*).

Считая смысл важнейшим объектом лингвистического анализа, Вежицкая предложила гибкий подход к его анализу, который способен обеспечить понимание различных языковых явлений и может быть применен к разным языкам. В книге 1972 года “*Semantic Primitives*” (Семантические примитивы) она впервые изложила свою теорию, известную теперь под аббревиатурой NSM (Natural Semantic Metalanguage), в русском переводе — ЕСМ (Естественный Семантический Метаязык), которая в настоящее время признана во всем мире одной из ведущих теорий изучения значения.

2.1. Семантические примитивы

Вдохновленная идеей философа Готфрида Вильгельма Лейбница о том, что все языки имеют ограниченное число понятий, посредством которых могут быть объяснены другие понятия, Вежицкая предложила методику выявления этих понятий путем детального лингвистического анализа различных семантических доменов (см. [Wierzbicka 1972]). Лейбниц признавал, что некоторые слова являются более простыми по значению, чем другие, они часто используются и служат вспомогательными для других слов (Leibniz 1987 [1678]: 162). Он называл эти слова «алфавитом человеческих мыслей» (“the alphabet of human thoughts”) (см. [Wierzbicka 1972: 6]).

В 2014 году К. Годдард и А. Вежицкая пишут:

Необходимо попытаться предложить множество определений слов, чтобы выявить, каким словам можно дать определение, а каким нет, и, следовательно, какие слова (или значения слов) можно рассматривать как элемен-

тарные строительные блоки, из которых могут быть построены все сложные понятия (и смыслы) (Goddard and Wierzbicka 2014a: 11).

Эту задачу Анна Вежбицкая успешно решает на протяжении всей жизни. Первоначальный список универсальных понятий включал 14 слов (Wierzbicka 1972). Со временем он расширился до 65 и превратился в универсальный метаязык лингвистического анализа. Этому способствовало плодотворное сотрудничество с Клиффом Годдардом (профессором лингвистики в Университете Гриффит в Австралии и одним из авторов этого выпуска), а также с другими коллегами, которые использовали и тестировали метаязык на многих не родственных языках⁴. Метаязык получил название Естественный Семантический Метаязык, поскольку он основан на понятиях, выраженных словами естественного языка (любого естественного языка) и был в основном разработан как инструмент для семантического анализа. Более чем за 40 лет данная теория получила значительное развитие. Она продолжает развиваться и сейчас, некоторые ее аспекты уточняются и конкретизируются (см. [Goddard and Wierzbicka 2002, 2014a, Goddard 2018]).

При определении универсальных понятий теория ЕСМ основывается на гипотезе Лейбница о том, что данные понятия должны одинаково восприниматься людьми независимо от языка, на котором они говорят. Слова, называющие такие понятия, были выделены в результате проб и ошибок и получили название семантических примитивов (*semantic primitives/primes*). Сюда входят субстантивы (Я, ТЫ, ЧТО-ТО), оценочные атрибуты (ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ), ментальные предикаты (ДУМАТЬ, ЗНАТЬ, ХОТЕТЬ), слова, обозначающие время (СЕЙЧАС, ДО, ПОСЛЕ), пространство (ЗДЕСЬ, ДАЛЕКО, БЛИЗКО) и др. (см. Таблица 1). Для того чтобы отличить значение семантического примитива от других значений данного слова, их принято обозначать прописными буквами. Данные слова составляют ядро лексики и могут быть использованы для объяснения более сложных смыслов. Помимо слов они могут быть выражены связанными морфемами или фразами. Они равны лексическим единицам (см. [Apresjan 1992, Mel'čuk 1988]), то есть, если слово является многозначным, значение семантического примитива равно только одному значению этого слова.

Идеи А. Вежбицкой об универсальном метаязыке были успешно апробированы рядом ученых на нескольких типологически различных языках: польском, испанском, малайском, китайском, лао, мангааба-мбула (Goddard & Wierzbicka 2002), креольском английском (Stanwood 1997), корейском, амхарском, кри (Goddard 2008), французском, итальянском, португальском (Peters 2006), русском (Гладкова 2010), арабском, иврите (Habib 2011) и финском (Vanhatallo et al. 2014). Частичные исследования семантических примитивов ЕСМ были проведены на основе еще двух десятков языков (см. [Goddard and Wierzbicka 1994]).

⁴ Важно также отметить сходства и синергию подходов Естественного Семантического Метаязыка, Московской семантической школы (Apresjan 1992, Апресян 2005) и теории «Смысл ↔ Текст» (Mel'čuk 1989, 2012, 2013, 2015).

Семантические примитивы в английском и русском языках
(по Гладкова 2010, Goddard and Wierzbicka 2014a)

Я, ТЫ, КТО-ТО, ЧТО-ТО~ВЕЩЬ, ЛЮДИ, ТЕЛО I, YOU, SOMEONE, SOMETHING~THING, PEOPLE, BODY	субстантивы
РОД~ВИД, ЧАСТЬ KINDS, PARTS	субстантивы отношения
ЭТОТ, ТОТ ЖЕ, ДРУГОЙ THIS, THE SAME, OTHER~ELSE	детерминаторы
ОДИН, ДВА, НЕКОТОРЫЕ, ВСЕ, МНОГО, МАЛО ONE, TWO, SOME, ALL, MUCH~MANY, LITTLE~FEW	квантификаторы
ХОРОШИЙ~ХОРОШО, ПЛОХОЙ~ПЛОХО GOOD, BAD	оценка
БОЛЬШОЙ, МАЛЕНЬКИЙ BIG, SMALL	дескрипторы
ЗНАТЬ, ДУМАТЬ, ХОТЕТЬ, НЕ ХОТЕТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ, ВИДЕТЬ, СЛЫШАТЬ KNOW, THINK, WANT, DON'T WANT, FEEL, SEE, HEAR	ментальные предикаты
ГОВОРИТЬ~СКАЗАТЬ, СЛОВА, ПРАВДА SAY, WORDS, TRUE	речь
ДЕЛАТЬ, ПРОИСХОДИТЬ~СЛУЧАТЬСЯ, ДВИГАТЬСЯ DO, HAPPEN, MOVE	действия, события, движение
БЫТЬ (ГДЕ-ТО), БЫТЬ~ЕСТЬ, БЫТЬ (КЕМ-ТО/ЧЕМ-ТО) BE (SOMEWHERE), THERE IS, BE (SOMEONE/SOMETHING)	расположение, существование, спецификация
МОЙ/МОЯ/МОЁ (IS) MINE	принадлежность
ЖИТЬ, УМЕРЕТЬ LIVE, DIE	жизнь и смерть
КОГДА~ВРЕМЯ, СЕЙЧАС, ДО, ПОСЛЕ, ДОЛГО, КОРОТКОЕ ВРЕМЯ, НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ, МОМЕНТ WHEN~TIME, NOW, BEFORE, AFTER, A LONG TIME, A SHORT TIME, FOR SOME TIME, MOMENT	время
ГДЕ~МЕСТО, ЗДЕСЬ, НАД, ПОД, ДАЛЕКО, БЛИЗКО, СТОРОНА, ВНУТРИ, КАСАТЬСЯ WHERE~PLACE, HERE, ABOVE, BELOW, FAR, NEAR, SIDE, INSIDE, TOUCH	пространство
НЕ, МОЖЕТ БЫТЬ, МОЖЕТ, ПОТОМУ ЧТО, ЕСЛИ NOT, MAYBE, CAN, BECAUSE, IF	логические концепты
ОЧЕНЬ, БОЛЬШЕ~ЕЩЁ VERY, MORE	интенсификатор, аугмент
КАК~ТАК LIKE~AS	подобие

Примечания. • Экспоненты примитивов могут быть многозначными, то есть у них могут быть другие дополнительные значения • Экспонентами примитивов могут быть слова, связанные морфемы или фраземы • Они могут быть формально сложными • Они могут иметь лингво-специфичные комбинаторные варианты (аллолексы помечены ~) • У каждого примитива есть свои определенные синтаксические (комбинаторные) свойства.

2.2. Универсальная грамматика

Примитивы образуют (мета)язык, так как обладают способностью сочетаться друг с другом. Как отмечает Вежбицкая, несмотря на очевидные ограничения, метафора Лейбница «алфавит человеческих мыслей» здесь по-прежнему весьма актуальна: концептуальные примитивы — это компоненты, которые необходимо соединить определенным способом, чтобы иметь возможность передать тот или иной смысл (Wierzbicka 1996: 19).

Примитивы объединяются в формулы посредством особого синтаксиса, то есть каждый примитив идентифицируется как способный сочетаться с некоторыми другими примитивами некоторым определенным образом. Они образуют «мини-язык», лежащий в основе каждого языка. Синтаксические свойства примитивов раскрываются в их валентности. Например, примитив СКАЗАТЬ~ГОВОРИТЬ

позволяет использовать универсальную валентность «адресат» и «тема» — «кто-то (X) сказал что-то кому-то другому (Y)», и «кто-то (X) сказал что-то о чем-то (Z)».

Синтаксические свойства примитивов идентифицируются в списках канонических контекстов, или канонических предложений (Goddard and Wierzbicka 1994, 2002), представляющих собой комбинации примитивов, которые отражают их синтаксические свойства и могут быть использованы в толкованиях смыслов. Например, для примитива СКАЗАТЬ~ГОВОРИТЬ определены следующие канонические предложения:

- кто-то сказал что-то
 - кто-то сказал что-то о чем-то
 - кто-то сказал: «---»
 - кто-то сказал что-то кому-то
 - кто-то сказал несколько слов (эти слова)
 - кто-то сказал что-то некоторыми словами
- (Goddard and Wierzbicka 2002: 60)

Аналогичным образом канонические предложения формулируются для каждого примитива. Последний обзор канонических предложений представлен в (Goddard and Wierzbicka 2014b).

2.3. Принцип упрощенных перифраз и семантические толкования

Примитивы в их канонических комбинациях используются для толкования значений в форме упрощенных перифраз. Семантические толкования на естественном семантическом метаязыке (ЕСМ) представляют собой формулы, которые могут быть заменены поясняемыми значениями. Формула такого рода записывается в виде мини-текста, каждый компонент которого начинается с новой строки. Каждый последующий компонент соотносится с предыдущим, а именно имеет анафорическую связь с предыдущими компонентами. Ниже приведен пример семантического толкования английского слова *happy*, сформулированного при помощи ЕСМ (Goddard and Wierzbicka 2014a: 103):

- He was happy** (Он был рад)
- a. this someone thought like this for some time at that time:
 - b. "many good things are happening to me now as I want
 - c. I can do many things now as I want
 - d. this is good"
 - e. because of this, this someone felt something good at that time
 - f. like people feel at many times when they think like this for some time

Универсальность понятий и их синтаксических свойств, используемых в ЕСМ, позволяет передавать толкования на любом языке без каких-либо смысловых потерь или добавлений. Русская версия этого толкования будет выглядеть следующим образом:

- He was happy** (Он был рад)
- a. этот кто-то думал так некоторое время в то время:
 - b. «много хорошего происходит со мной сейчас, как я хочу

- c. я могу делать многое, как я хочу
- d. это хорошо»
- e. поэтому этот кто-то чувствует что-то хорошее в это время
- f. как люди часто чувствуют, когда они думают так некоторое время

Благодаря универсальности метаязыка это толкование может быть представлено в любой версии ЕСМ точно так же, без какого-либо искажения смысла.

Естественный семантический метаязык является универсальным инструментом, который успешно применяется для анализа различных языковых явлений. Вежбицкая и ее последователи использовали его при изучении эмоций (например, [Wierzbicka 1992, 1999, 2009, 2017]), социальных категорий (Wierzbicka 1997), речевых актов (Wierzbicka 1987), глаголов мышления (Wierzbicka 2006), наименований артефактов и животных ([Wierzbicka 1985]), глаголов движения (Wong, Goddard, Wierzbicka 2016), терминов родства (Wierzbicka 2015) и многого другого. Он также используется при объяснении значений грамматических конструкций (например, [Wierzbicka 1988, 2006, Goddard and Wierzbicka 2016])⁵.

Идея семантического разложения смыслов Анны Вежбицкой имеет широкую сферу применения как в теории, так и в практике, прежде всего — в обучении иностранным языкам и в практике перевода. Она учит по-новому смотреть на слова и их значения, выявлять в них ранее не замеченные компоненты смыслов и, главное, понимать, что за каждым словом стоит иной мир, который в нем отражается.

Обладая знаниями, полученными при анализе словаря и грамматики, особенно при сопоставлении различных языков, Вежбицкая разработала способ применения своего подхода к изучению воплощенных в языке аспектов культуры. Это привело к идее о существовании ключевых слов культуры (Wierzbicka 1997) и культурных сценариев, а также необходимости их учета в анализе текста. Данные аспекты подхода Вежбицкой будут рассмотрены в следующем номере журнала.

В этот номер, который посвящен главным образом исследованию значения (смысла) на основе ЕСМ, нам прислали статьи друзья, коллеги, ученики и последователи Анны Вежбицкой, которые разделяют и используют ее теоретические положения и подходы к изучению языка в своих исследованиях. Среди них — много ярких имен. Кратко представим наших авторов и их работы.

3. КРАТКИЙ ОБЗОР СТАТЕЙ ВЫПУСКА

Открывает номер **И.А. Мельчук** (Монреаль, Канада) — известный советский и канадский лингвист, создатель лингвистической теории «Смысл ↔ Текст» и давний друг Анны Вежбицкой. В своей статье он развивает идею семантического разложения смыслов Вежбицкой, которую считает ее основным вкладом в лингвистику. Для иллюстрации важности и плодотворности семантического разложения автор предлагает две мини-модели «Смысл—Текст» — для англ-

⁵ Полная библиография работ Анны Вежбицкой доступна на ее странице в Интернете на сайте Австралийского национального университета и на странице ЕСМ (NSM Homepage).

лийского и русского языков, предполагающие четырехуровневый анализ — семантический, глубинно-синтаксический, поверхностно-синтаксический и глубинно-морфологический. В статье даются примеры формальных правил, которые соотносят представления соседних уровней.

Клифф Годдард (Брисбен, Австралия), известный австралийский ученый, много лет работающий вместе с Анной Вежбицкой, в своей статье, посвященной анализу семантики этнозоологических категорий, основывается на ее фундаментальных работах (Wierzbicka 1985, 2013) и использует Естественный Семантический Метаязык (ЕСМ), в разработке которого он принимал самое непосредственное участие. В статье предлагается семантический анализ слов, принадлежащих к разным уровням английской этнозоологической иерархии, рассматриваются вопросы степени присутствия культурных компонентов в семантике этнозоологических категорий, а также степени различия семантического знания между языковыми сообществами.

Известные канадские ученые **Сэлли Райс** и **Джон Ньюман** (Эдмонтон, Канада) с позиций Естественного Семантического Метаязыка исследуют употребление английских базовых глаголов мышления (*remember, forget, think, know*) и глаголов физического действия (*strike, hit, go, run*). Данные слова пересекаются с семантическими примитивами Естественного Семантического Метаязыка. В ходе проведенного анализа авторы выявляют новые эпистемические значения и функции этих слов, а также существенные семантические различия, обусловленные их дистрибуцией. В статье продемонстрирована специфичность коллокаций глаголов мышления и глаголов физического действия, а также обсуждается значение лексико-синтаксической идиосинкразии для когнитивной лингвистики.

Джок Онн Вонг (Сингапур) — ученик и последователь Анны Вежбицкой — демонстрирует возможность применения Естественного Семантического Метаязыка в процессе преподавания иностранного языка, в данном случае английского. Объектом его исследования являются три логических коннектора — *therefore, moreover* и *in fact*, семантику которых важно знать для того, чтобы производить связные тексты и строить логические связи. Автор показывает преимущества использования Естественного Семантического Метаязыка для толкования семантики данных слов перед традиционно используемыми методиками, которые обусловлены тем, что ЕСМ является максимально понятным для учащихся и наименее этноцентричным.

Е.В. Рахилина (Москва, Россия) и **А.К. Казкенова** (Алматы, Казахстан) анализируют проблему овладения иностранным языком, рассматривая употребление русских существительных единственного и множественного числа казахскими билингвами. В статье находит развитие идея о языковой специфичности правил выбора показателей русского числа, о которой одной из первых писала Анна Вежбицкая, сопоставляя русскую систему с системами других языков — английского и польского (см. [Wierzbicka 1988]). В исследовании показано, что отклонения в числовом поведении имен в текстах билингов не случайны, а мотивированы, они подчинены определенным семантическим стратегиям, которым следуют

биллингвы, апеллирующие одновременно к двум языковым системам. Авторы отмечают, что нарушения правил использования русского языка билингвами позволяют уточнить эти правила.

Анна А. Зализняк и Е.В. Падучева (Москва, Россия) посвятили свою статью дискурсивным словам, в значение которых входит «мнение говорящего относительно некоторого положения дел». В своих работах Анна Вежбицкая неоднократно обращалась к исследованию форм и способов присутствия говорящего в высказывании (Wierzbicka 1972, 1987, 2003[1991] и др.). Авторы данной статьи предлагают результаты анализа трех русских дискурсивных слов — *пожалуй*, *никак* и *все-таки*, который они проводят на материале Национального корпуса русского языка с применением комплексного подхода, учитывающего опыт экспликации значения языковой единицы разных школ семантического анализа, а также различные методы анализа дискурсивных слов — синхронного, диахронического и контрастивного.

В.Ю. Апресян (Москва, Россия) представляет результаты корпусного исследования русских конструкций с редупликацией цветообозначений. На основе проведенного анализа частотности употребления нередуплицированных цветообозначений и их коллокационных свойств установлена иерархия базовых для русского языка цветов, которая отражает как межъязыковые «универсалии визуальной семантики» Анны Вежбицкой, так и лингвоспецифические характеристики. Автор показывает важность корпусного анализа при изучении терминов цветообозначения и конструкций с редупликацией цветообозначений и учет как семантических, так и прагматических факторов при их интерпретации.

В статье **А.Д. Шмелева (Москва, Россия)** развивается и уточняется семантический анализ русских слов *свобода* и *воля* и их производных (*свободный*, *вольный*, *вольность* и т.д.), предложенный в работах Анны Вежбицкой (Wierzbicka 1997: 138—148, 154—155), а также в ранее опубликованных работах автора (Шмелев 2003, 2013). Данные слова анализируются как в синхронном, так и в диахроническом аспекте. Особое внимание уделяется проблеме их перевода. В статье показано, что переводные эквиваленты лингвистической единицы могут рассматриваться как ценный источник сведений о ее семантике, что особенно эффективно, когда речь идет о лингвоспецифичных словах.

Выпуск завершается обзорной статьей **Е.Г. Которовой (Зелёна-Гура, Польша)**, в которой рассматриваются три работы Анны Вежбицкой, посвященные анализу терминов родства. В статье показывается, как Вежбицкая использует новый способ анализа терминов родства с помощью методологии Естественного Семантического Метаязыка. Данный подход позволяет успешно преодолевать проблему евроцентризма в анализе терминологии родства в различных языках с помощью универсалий человеческого мышления.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На этом наш выпуск, посвященный вкладу Анны Вежбицкой в лингвистику, не заканчивается. Он будет продолжен в следующем номере, где речь пойдет о взаимодействии языка и культуры, проявляющемся в семантике, прагматике, дискурсе и других областях.

Мы благодарим всех авторов этого номера за участие в нашем проекте и вместе с ними, а также со всеми читателями нашего журнала еще раз сердечно поздравляем Анну Вежицкую с замечательным юбилеем!

Низкий Вам поклон и благодарность, дорогая Анна, за Ваши труды и идеи, которыми Вы всегда щедро делитесь, за вдохновение, постоянную поддержку и бесконечную доброту.

ACKNOWLEDGEMENTS

We would like to thank the authors of this issue for their contributions and participation in the reviewing process. We also thank external reviewers. We are grateful to Igor Mel'čuk for his valuable comments to this article and active participation in the preparation of this issue. All errors remain ours.

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы благодарим авторов этого номера за их статьи и участие в процессе рецензирования. Мы также благодарим всех рецензентов. Особое спасибо выражаем Игорю Александровичу Мельчуку за его ценные комментарии к этой статье и активное участие в подготовке номера.

© Anna Gladkova, Tatiana Larina, 2018
А.Н. Гладкова, Т.В. Ларина, 2018

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Apresjan, Juri (1992). *Lexical Semantics: User's guide to contemporary Russian vocabulary*. [Translation of Apresjan, J. 1974. *Leksičeskaja semantika: sinonimičeskie sredstva jazyka*. (In Russ.)] Ann Arbor: Karoma Publishers, Inc.
- Goddard, Cliff (2011). *Semantic analysis: A practical introduction*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.
- Goddard, Cliff (2016). Semantic molecules and their role in NSM lexical definitions. *Cahiers de Lexicologie*, 2 (109), 13—34.
- Goddard, Cliff (2018). *Ten Lectures on Natural Semantic Metalanguage: Exploring language, thought and culture using simple, translatable words*. Leiden: Brill.
- Goddard, Cliff (Ed.) (2008). *Cross-linguistic Semantics*. Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, Cliff (2018). *Minimal English for a Global World: Improved Communication Using Fewer Words*. London: Palgrave Macmillan.
- Goddard, Cliff, and Anna Wierzbicka (2002). Semantic Primes and Universal Grammar. In Goddard, C., and A. Wierzbicka (eds). *Meaning and Universal Grammar: Theory and empirical findings*. Vol. I. Amsterdam: John Benjamins. 41—85.
- Goddard, Cliff, and Anna Wierzbicka (2014a). *Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Goddard, Cliff, and Anna Wierzbicka (2014b). Semantic fieldwork and lexical universals. *Studies in Language*. 38 (1), 80—127.
- Goddard, Cliff, and Anna Wierzbicka (2016). It's mine! Re-thinking the conceptual semantics of possession through NSM. *Language Sciences*, 56, 93—104.
- Goddard, Cliff, Wierzbicka, Anna and Wong, Jock (2016). "Walking" and "running" in English and German: The cross-linguistic semantics of human locomotion. *Review of Cognitive Linguistics*. 14(2):303—336. DOI: 10.1075/rcl.14.2.03god.

- Goddard, Cliff, and Anna Wierzbicka (Eds.) (1994). *Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings*. Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, Cliff, and Anna Wierzbicka (Eds.) (2002). *Meaning and Universal Grammar: Theory and empirical findings*. Vols. I, II. Amsterdam: John Benjamins.
- Habib, Sandy (2011). *Contrastive lexical-conceptual analysis of folk religious concepts in English, Arabic and Hebrew*. PhD Thesis. Armidale, Australia: University of New England.
- Leibniz, Gottfried Wilhelm (1956). Preface to an Edition of Nizolius. In Leibniz, G. W. *Philosophical Papers and Letters: A selection*. Translated and edited, with Introduction by Loemker, L.E. Vol. 1. Chicago: The University of Chicago Press. 186—202.
- Leibniz, Gottfried Wilhelm. (1987[1678]). The Analysis of languages. In Dascal, M. *Leibniz, language, signs and thought: A collection of essays*. Amsterdam: John Benjamins. 161—165.
- Mel'čuk, Igor (1988). Semantic description of lexical units in an explanatory combinatorial dictionary: Basic principles and heuristic criteria. *International Journal of Lexicography*, 1, 165—188.
- Mel'čuk, Igor (1989). Semantic primitives from the viewpoint of of the Meaning-Text linguistic theory. *Quaderni di Semantica* 10, 65—102.
- Mel'čuk, Igor (2012). *Semantics: From Meaning to Text*. Vol. 1. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Mel'čuk, Igor (2013). *Semantics: From Meaning to Text*. Vol. 2. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Mel'čuk, Igor (2015). *Semantics: From Meaning to Text*. Vol. 3. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Mel'čuk, Igor (2016). *Language: From Meaning to Text*. Moscow / Boston: Academic Studies Press.
- Peeters, Bert (Ed.) (2006). *Semantic Primes and Universal Grammar: Empirical evidence from the Romance languages*. Amsterdam: John Benjamins.
- Stanwood, Ryo. (1997). The primitive syntax of mental predicates in Hawai'i Creole English: A text-based study. *Language Sciences* 19 (3): 209—217.
- The Natural Semantic Metalanguage Homepage* <https://intranet.secure.griffith.edu.au/schools-departments/natural-semantic-metalanguage>.
- Wierzbicka, Anna (1972). *Semantic Primitives*. (Translated by Wierzbicka, A., and J. Besemeres) Frankfurt: Athenäum Verlag.
- Wierzbicka, Anna (1985). *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor: Karoma.
- Wierzbicka, Anna (1987). *English speech act verbs: A semantic dictionary*. Sydney: Academic Press.
- Wierzbicka, Anna (1988). *The Semantics of Grammar*. Amsterdam: John Benjamins.
- Wierzbicka, Anna (1990). The meaning of colour terms: Semantics, culture, and cognition. *Cognitive Linguistics*, 1(1), 99—150.
- Wierzbicka, Anna (1992). *Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (1996a). *Semantics: Primes and universals*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (1997). *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (1999a). *Emotions across languages and cultures: Diversity and universals*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wierzbicka, Anna (2002). Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications. *Ethos* 30 (4): 401—432.

- Wierzbicka, Anna (2003/1991). *Cross-Cultural Pragmatics*. 2nd ed. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Wierzbicka, Anna (2005). There Are No “Colour Universals” but There Are Universals of Visual Semantics. *Anthropological Linguistics*, Vol. 47, No. 2 (Summer, 2005), 217—244.
- Wierzbicka, Anna (2006). *English: Meaning and Culture*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (2013). Polish *zwierzęta* ‘animals’ and *jabłka* ‘apples’: an ethnosemantic inquiry. In Głaz, A., Danaher, D.S. & Łozowski, P. (eds.), *The linguistic worldview: Ethnolinguistics, cognition, and culture*. London: Versita, 137—159.
- Wierzbicka, Anna (2009). Language and metalanguage: Key issues in emotion research. *Emotion Review* 1(1), 3—14.
- Wierzbicka, Anna (2014). *Imprisoned in English: The hazards of English as a default language*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (2015). New perspectives on kinship: Overcoming the Eurocentrism and scientism of kinship studies through lexical universals. In Nancy Bonvillain (ed.), *The Routledge handbook of linguistic anthropology*. New York: Routledge. 62—79.
- Vanhatalo, Ulla, Heli Tissari, and Anna Idström (2014). Revisiting the universality of Natural Semantic Metalanguage: a view through Finnish. *SKY Journal of linguistics* 27, 67—94.
- Апресян Ю.Д. О московской семантической школе. *Вопросы языкознания*, 1, 3—30, 2005. [Aprėsjan, J.D. 2005. O moskovskoi semanticheskoi shkole (About the Moscow School of Semantics). *Voprosy yazykoznanija*, 1, 3—30.]
- Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. М., 1997. [Wierzbicka, Anna (1996b). *Language. Culture. Cognition*. Moscow. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. *Семантические универсалии и описание языков* / Пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. [Wierzbicka, Anna (1999b). *Semantic universals and description of languages*. Translated from English by A. Shmelev. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. *Понимание культуры через средство ключевых слов* / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001а. [Wierzbicka, Anna (2001a). *Understanding culture through keywords*. Translated from English by A. Shmelev. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. *Сопоставление культур через средство лексики и прагматики*. М.: Языки славянской культуры, 2001б. [Wierzbicka, Anna (2001 b). *Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. *Семантические универсалии и базисные концепты*. М.: Языки славянских культур, 2011. [Wierzbicka, Anna (2011). *Semantic universals and basic concepts*. Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.)]
- Гладкова А.Н. *Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки*. М.: Языки славянских культур, 2010. [Gladkova, Anna (2010). *Russian cultural semantics: Emotions, values, attitudes*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // *Статьи разных лет*. М.: Языки славянских культур. (Предисловие к книге Анны Вежбицкой «Язык, культура, познание» М.: Русские словари, 1996). 2009. [Paducheva E.V. (2009). The phenomenon of Anna Wierzbicka. In: *Stat'i raznykh let*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. В поисках мира и лада // *Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка*. М.: Индрик, 2003. С. 54—72. [Shmelev, A.D. (2003). In search of peace and harmony. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logical analysis of language: conceptual fields of order and disorder*. Moscow: Indrik, 54—72. (In Russ.)]

Шмелев А.Д. Историческая память слова в прозе Александра Солженицына: *мир и воля // Солженицынские тетради*. Вып. 2. М.: Русский путь, 2013. С. 115—135. [Shmelev, A.D. (2013). The historical memory of words in the prose of Aleksandr Solzhenitsyn: The Russian words *mir* and *volia*. *Studying Solzhenitsyn*. Issue 2. Moscow: Russkii put', 115—135. (In Russ.)]

For citation:

Gladkova, Anna and Larina, Tatiana (2018). Anna Wierzbicka, Words and The World. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 499—520. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520.

Для цитирования:

Gladkova A., Larina T. Anna Wierzbicka, Words and The World // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 3. С. 499—520. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520.

Bionotes:

ANNA GLADKOVA is a Lecturer in English as an International Language at Monash University and an Honorary Lecturer in Linguistics at the Australian National University. She received her PhD in Linguistics from the Australian National University. Her research interests include semantics, pragmatics, language and culture interface, cognitive linguistics and Natural Semantic Metalanguage. She has taught linguistics and applied linguistics at the Australian National University and University of New England (Australia) as well as University of Sussex and University of Brighton (United Kingdom). She is member of the Editorial Board of *Corpus Pragmatics* and *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics* (Springer).

Contact information: angladkova@gmail.com

TATIANA V. LARINA is Full Professor at RUDN University, and is the Editor-in-Chief of the *Russian Journal of Linguistics*. Her research interests embrace language, culture and communication; intercultural pragmatics, intercultural communication, communicative ethnostyles, and (im)politeness theory. Key publications: *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Politeness and Communicative Styles: comparative analyses of English and Russian communicative traditions], Moscow, 2009; *Anglichane i russkie: Yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [The English and the Russians: Language, Culture and Communication], Moscow, 2013; *Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Intercultural Communication], Moscow, 2017; Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*, 7 (3), 195—215, 2015.

Contact information: tatiana_tv@rudn.ru

Сведения об авторах:

АННА ГЛАДКОВА получила докторскую степень по лингвистике в Австралийском национальном университете. Она преподает в Университете Монаш (Австралия), а также является почетным преподавателем лингвистики в Австралийском национальном университете. Ее научные интересы включают семантику, прагматику, взаимодействие языка и культуры, когнитивную лингвистику и Естественный Семантический Метаязык. Она преподавала лингвистику и прикладную лингвистику в Австралийском национальном университете и Университете Новой Англии (Австралия), а также в Университете Сассекса и Университете Брайтона (Великобритания). Она является членом редколлегии журнала *Корпусная Прагматика* и *Ежегодника по корпусной лингвистике и прагматике* (издательство Springer).

Контактная информация: angladkova@gmail.com

ЛАРИНА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов, главный редактор журнала *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика / Russian Journal of Linguistics*. Сфера научных интересов: язык, культура, коммуникация; межкультурная прагматика; межкультурная коммуникация; этнокультурные стили коммуникации; теория (не)вежливости. Основные публикации: *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009; *Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация*. М.: Языки славянских культур, 2013; *Основы межкультурной коммуникации*. М.: Академия, 2017; Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*, 7 (3), 195—215, 2015.

Контактная информация: larina_tv@rudn.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-521-538

Anna Wierzbicka, Semantic Decomposition, and the Meaning-Text Approach

Igor Mel'čuk

Observatoire de linguistique Sens-Texte
Université de Montréal
Case postale 6128 Centre-ville, Montréal H3C3J7, Canada

Abstract

The paper aims to demonstrate that the main contribution of Anna Wierzbicka to linguistics is the idea of semantic decomposition — that is, representing meaning in terms of structurally organized configurations of simpler meanings — and a huge amount of specific decompositions of lexical meanings from many languages. One of possible developments of this idea of Wierzbicka's is the Meaning-Text linguistic approach, and in particular — the Meaning-Text model of natural language. To illustrate the importance and fruitfulness of semantic decomposition, two Meaning-Text mini-models are presented for English and Russian. Two semantically equivalent sentences of these languages are considered:

- (1) a. Eng. *A honeymooner was fatally attacked by a shark.* ~
b. Rus. *Molodožen pogib v rezul'tate napadenija akuly vo vremja medovogo mesjaca*
lit. 'Young husband died as result of attack of shark during honey month'

The formal representations of these sentences at four levels—Meaning-Text style—are shown: semantic, deep-syntactic, surface-syntactic, and deep-morphological. Examples of formal rules relating the representations of two adjacent levels are presented.

Keywords: *semantic decomposition, formal linguistic modeling, Meaning-Text approach, semantic representation, deep-/surface-syntactic and deep-morphological representations, linguistic rules*

Анна Вежбицкая, семантическое разложение и подход «Смысл-Текст»

И.А. Мельчук

Обсерватория лингвистики «Смысл-Текст»
Монреальский университет, Канада
6128 Centre-ville, Montréal H3C3J7, Canada

Аннотация

Цель статьи — показать, что главный вклад Анны Вежбицкой в лингвистику — это идея семантического разложения, т.е. представления смыслов в терминах структурированных конфигураций более простых смыслов, равно как и огромное количество конкретных разложений лексических значений различных языков. Одним из возможных развитий данной идеи является лингвистический подход «Смысл-Текст», в частности — модель «Смысл-Текст» естественного языка. В качестве иллюстрации важности и плодотворности семантического разложения предлагаются две мини-модели «Смысл-Текст» — для английского и русского языков. Рассматриваются английская и русская семантически эквивалентные фразы:

- (1) a. Eng. *A honeymooner was fatally attacked by a shark.* ~
b. Rus. *Molodožen pogib v rezul'tate napadenija akuly vo vremja medovogo mesjaca.*

Для этих фраз приводятся формальные представления, принятые в модели «Смысл-Текст», на четырех уровнях: семантическом, глубинно-синтаксическом, поверхностно-синтаксическом и глубинно-морфологическом. Даются примеры формальных правил, соотносящих представления соседних уровней.

Ключевые слова: семантическое разложение, формальное моделирование языков, подход «Смысл-Текст», семантическое представление, глубинно-/поверхностно-синтаксическое и глубинно-морфологическое представления, языковые правила

“HAPPINESS is what everybody wants” [Anna Wierzbicka]
Anna Wierzbicka in Moscow (more than half a century ago), during a pleasure hike in the countryside. For a more substantiated semantic decomposition of ‘happiness’, see Goddard & Wierzbicka 2014: 102ff.

1. THE QUESTION: WHAT DID ANNA WIERZBICKA GIVE US?

A few important words and deeds in the history of Humanity: God is known to have uttered His famous announcement *Yehi or!* ‘Let there be light!’ (if He spoke Hebrew) and created the Universe. Closer to us, Gaius Julius Caesar declared *Alea jacta est!* ‘The dice are cast!’, and Vespasian let us know that *Pecunia non olet* ‘Money has no smell’. Archimedes said *Eureka!* ‘I have found it!’, Copernicus discovered the fact that the Earth was orbiting the Sun, Galileo established the notion of inertia, and Newton laid the foundations of modern physics by formulating the three Main Laws of Motion. Mendeleev created the Periodic Table of Elements¹, and Einstein, the Theory of Relativity; etc. That is what all these great people left the humanity. The question asked in this paper is direct and quite simple:

| And Anna Wierzbicka, what has she given us?

2. THE ANSWER: ANNA WIERZBICKA GAVE US SEMANTIC DECOMPOSITION

My answer to this question is also direct and quite simple:

| First and foremost, Anna Wierzbicka has given the world **semantic decomposition**.

NB: From now on, “Anna Wierzbicka” ⇒ “AW.”

It is quite possible that AW herself would not agree with me: this could be for two reasons.

First, as far as I can judge, AW's main thrust in semantics was from the very beginning — and remains! — to discover the Semantic Primitives of human thought, linguistically universal semantic elements, or Semantic Primes, as they have come to be known lately, and, based on these, to elaborate a universal Natural Semantic Metalanguage (see, for instance, the latest monograph I know of: Goddard & Wierzbicka 2014). This is, no doubt, an extremely important and promising task, and AW would probably object to my putting semantic decomposition over it.

Second, there is a huge number of other paramount contributions from AW (about these, see, for instance, a concise and precise exposition in Padučeva 1996): the nature of linguistic meaning, semantics of grammar (Wierzbicka 1988), language-imposed categorization of entities and facts, semanticization of pragmatics and syntacticization of the semantic metalanguage, etc. Wierzbicka elaborated some basics of semantic metalanguage for chimpanzees (Wierzbicka 2014a: 156—181), explained what Jesus meant by his Sermon on the Mount (Wierzbicka 2001)², solved the mysteries of Immanuel Kant's Categorical Imperative (Wierzbicka 2014b), described many dozens of linguistic-cultural scripts (e.g., Wierzbicka 1992), and has to her credit many more linguistic results of the highest order.

Yet I will concentrate just on one aspect of AW's achievements:

|| the representation of linguistic meaning in terms of structurally organized configurations of simpler discrete linguistic meanings, which is called *semantic decomposition*.

I believe that everything else follows, more or less, from this key element. Indeed, if we stick to decomposing the meanings of words in terms of the meanings of other words and do this according to a few basic logical rules, such as banning logical circles, we unavoidably end up with some indecomposable meanings — semantic primitives. Semantic decomposition allows the linguist to treat linguistic meaning as a formally describable substance and thus opens the gate to the construction of formalized linguistic models. At the same time, it draws the linguist's attention to every semantic detail, not only in the lexicon domain, but in the grammar as well. A formal description of meaning — that is, semantic decomposition — forces the researcher to consider speech production as a translation between the representation of meaning and the representation of text — and, in this way, lays the foundation of the Meaning-Text approach.

In a word, semantic decomposition has started a new era in linguistic semantics and, more generally, in linguistics, since language is but a device designed to express meanings. Semantic decomposition, or the systematic insistence on the “molecular structure” of linguistic meaning, played the same liberating and fertilizing role in linguistics as the atomic-molecular theory, developed in the 19th century by Dalton, Avogadro, Maxwell and many others, in chemistry and physics. Can one imagine modern hard sciences without atoms and molecules? In the not so distant future, linguistics will not be imaginable without semantic decomposition. (And not only linguistics, but also all sciences intimately related to human language — anthropology, ethnology, psychology, etc., in fact all humanities.)

True, AW was not the first to launch the idea of semantic decomposition: in Wierzbicka 1972: 3—12, she herself scrupulously enumerates her predecessors — from Descartes, Leibnitz and Locke to Frege, Sapir and Hjelmslev to Andrzej Bogusławski,

Alexander Žolkovskij³ and Jurij Apresjan. However, it was AW who injected the idea into the conscience of linguists—through an unbelievable amount of descriptive work. A really mind-boggling quantity of semantic analyses has been made available: thousands of lexical units and scores of grammatical values in dozens of languages — from Polish and Russian to English, German, Italian, Spanish and French to Japanese, Philippines’ Ilongot, Californian Kashaya and Australian Ompela.

To sum up: “Who says AW, says semantic decomposition; who says semantic decomposition, says AW.” The idea of semantic decomposition and the formal description of linguistic meaning in terms of discrete semantic units has become the cornerstone of modern semantics. This idea has entered contemporary linguists thanks to AW’s fundamental work.

3. SEMANTIC DECOMPOSITION AS THE BASIS FOR FORMAL LINGUISTIC MODELING: MEANING-TEXT THEORY

3.1. Introductory Remarks

In order to shed more light on the importance of semantic decomposition, I would like to demonstrate one particular natural outgrowth of the acceptance of semantic decomposition as a founding principle. Thereby, I will show how linguistics can be turned into a genuine hard science—by making linguistic meanings as formally representable as linguistic forms and by making the rules relating meanings and forms “computable.” To do so, I will present, in a concise outline, the theory of Meaning-Text linguistic models, developed in close collaboration between Alexander Zholkovsky and myself. Our joint work on a Meaning-Text model of Russian started in early 1960s (Žolkovskij & Mel’čuk 1965, 1966, 1967), essentially based on a series of Zholkovsky’s proposals (Žolkovskij *et al.* 1961, Žolkovskij 1964a-c). Soon afterward, we were joined by Jurij Apresjan (see, for instance, Apresyan *et al.* 1969) and several other colleagues — and the Moscow Semantic Circle was born (see Apresjan 1974, 1992 and Mel’čuk 1974). With it came along a concerted effort on a Russian *Explanatory Combinatorial Dictionary* (Mel’čuk & Zholkovsky 1984, Mel’čuk & Žolkovskij 2016) and on other aspects of a Meaning-Text model of Russian and then of English and French. A parallel development, but pushed much further in terms of the vocabulary covered as well as the wealth and refinement of lexicographic information, is Apresjan’s *Aktivnyj slovar’ russkogo jazyka [Active Dictionary of Russian]* (Apresjan, ed. 2014).

I will present — in parallel — two formal Meaning-Text mini-models: for English and for Russian. Put in a nutshell, within the Meaning-Text approach, linguistic modeling is conceived of as comprising two major tasks:

◆ Elaborating formal representations of sentences at different levels: semantic representation [SemR], two syntactic representations (deep- and surface-) [DSyntR, SSyntR], two (also deep- and surface-)morphological representations [DMorphR, SMorphR], and deep- and surface-phonetic representations [DPhonR, SPhonR]. The **SemR** stands for “Meaning,” while the **SPhonR** — that is, phonetic representation — stands for “Text”.

◆ Elaborating rules that relate these representations.

These two tasks will be considered in turn.

It is impossible to introduce here the tools and the formalisms of the Meaning-Text approach, including all necessary notions, terms and notations. On the one hand, I rely on the principal references: Mel'čuk 2012b, 2013, 2015, 2016; on the other hand, I hope that in most cases my illustrations are self-explanatory. (However, I add local explanations wherever I feel necessary.)

3.2. Meaning-Text Formal Representations of Sentences

Consider English sentence (1a) and its Russian equivalent (1b), chosen to be semantically and syntactically as close as possible. (However, each has many possible paraphrases, so that a host of other equivalences are of course possible.)

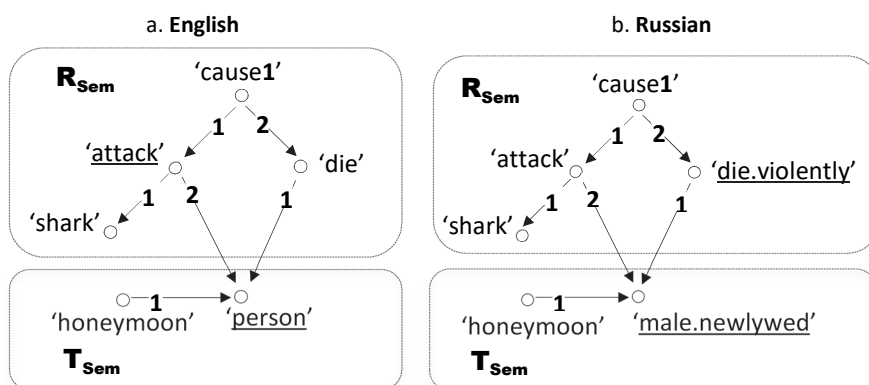
- (1) a. Eng. *A honeymooner was fatally attacked by a shark.* ~
 b. Rus. *Molodožen pogib v rezul'tate napadenija akuly vo vremja medovogo mesjaca*
 lit. 'Young.husband died as result of.attack of.shark during honey month'

The task of synchronic linguistics is to devise formal rules that ensure the transition between the meanings of these two sentences and the sentences themselves; or, which amounts to the same thing, to devise rules for the transition between these two sentences — and any other such pairs. But how to formulate such rules if sentences (1a) and (1b) look so different? Let us draw their formal representations — semantic, deep-syntactic, surface-syntactic, and deep-morphological (closer-to-surface representations — that is, the surface-morphological and the two phonic ones — are irrelevant to our purposes here). It will immediately be clear that the correspondence between the SemR of the English sentence and that of its Russian counterpart can be stated in terms of formal rules. The same rules allow to map each of these SemRs to the corresponding syntactic and morphological representations, closer to the linguistic surface.

3.2.1 Meaning-Text Semantic Representation of Sentences

- (2) Semantic Representations [SemRs] of Sentences (1a) and (1b)

NB: These representations are incomplete: the meanings of semantically-loaded morphological values (grammemes, such as the number and definiteness of nouns and the mood, voice, tense and aspect of verbs) are not shown.

Comment

A SemR of a sentence is a set of four structures, of which only two are shown in (2a-b): a semantic structure and a semantic-communicative structure. In order to simplify, I omit the rhetorical structure, which specifies the stylistic character of the

sentence to be produced, and the referential structure, which makes explicit the links between semantemes — lexical meanings of the language under consideration — and semanteme configurations, on the one hand, and their referents in the extralinguistic world, on the other. (**NB:** For simplicity's sake, I violate the fundamental principle that the semantic decomposition of lexical meanings of a language must be done in terms of lexical meanings of this language; I allow myself to use English semantemes in the Russian SemR, which, in this case, does not distort the intended picture.)

◆ The semantic structure [SemS] is a network whose nodes are labeled with semantemes, and arcs, or branches, with numbers of semantic dependencies — that is, predicate/argument relations. In the diagrams of (2), both SemSs are semantic decompositions of the meaning of the sentences under analysis; the depth of these decompositions is deliberately minimal, but sufficient to make apparent the semantic relatedness of these sentences.

- NB:** 1. Semantemes are put in semantic quotes: ‘attack’, ‘person’, etc.
 2. ‘cause1’ stands for non-agentive (= non-voluntary) causation; ‘X causes1 Y’ = ‘X is the cause of Y’.

◆ The semantic-communicative structure [Sem-CommS] consists of two types of data:

- The specification of Sem-Comm-areas, which are subsets of the semantic network marked by values of some of the eight Sem-Comm-oppositions (Mel'čuk 2001: 93ff). In (2), only one of these oppositions is shown: the Sem-Rheme (\approx Comment; **R_{Sem}**) ~ Sem-Theme (\approx Topic; **T_{Sem}**) opposition.
- The specification of the communicatively-[Sem-Comm-]dominant node of each area (underscored in the diagrams of (2); this represents the core meaning to which the meaning of the whole Sem-Comm-area can be reduced without distortion⁴.

The comparison of SemRs (2a) and (2b) reveals that Sentences (1a) and (1b) are not that different as they seem at first glance. Actually, we find only four semantic differences between them:

1. Different dominant Sem-Comm-nodes in the Sem-Rheme areas (the Sem-Theme areas are in one-to-one correspondence): the English sentence is about a shark attack that caused a death, while the Russian one is about a death caused by a shark attack. This correspondence is described by Sem-equivalence rule of *sui generis* head-switching; roughly:

$$\begin{aligned} \underline{P} \leftarrow 1 - \text{cause}1 - 2 \rightarrow Q &\cong \underline{P} \leftarrow 1 - \text{cause}1 - 2 \rightarrow \underline{Q} \\ P \text{ that causes } Q &\cong Q \text{ that is.caused.by } P \end{aligned}$$

This “mismatch” happens because the Russian adverb SMERTEL'NO ‘causing1 death’, semantically equivalent to FATALLY, does not co-occur with NAPADAT' ‘[to] attack’; with NAPADAT', Russian has to express causation of death by the complex preposition 'V REZUL'TATE' ‘as a result’ (= ‘being.caused1.by’).

2. Russian obligatorily distinguishes between two ‘die’-verbs: UMERET' ‘die of natural causes’ and POGIBNUT' ‘die of violent causes’; in other words, the components ‘natural [causes]’ and ‘violent [causes]’ are part of the respective lexicographic defini-

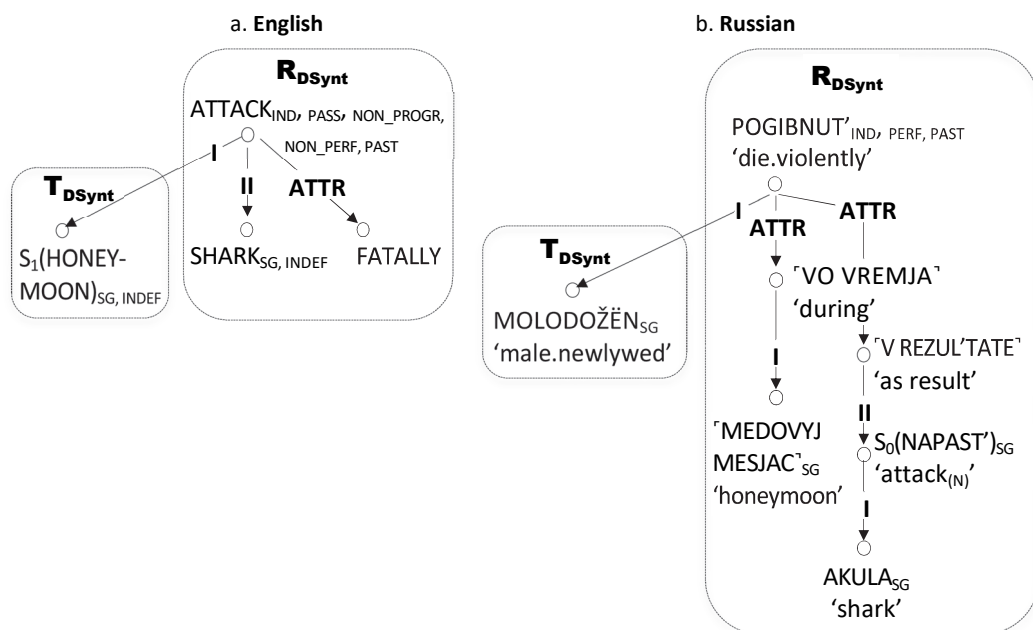
tions, which ensures the appropriate selection. In English, this distinction is not obligatory and DIE is used for both non-violent and violent deaths.

3. Russian does not have a stylistically neutral noun for a “sexless” honeymooner: you have to speak either about the husband or about the wife. This information is not available linguistically (in the English sentence): you have to know who exactly was attacked — a male or a female honeymooner.

4. Russian does not have means to compactly express ‘being on honeymoon’. To render the meaning of ‘honeymooner’, one has to say ‘during the honeymoon’ = *vo vremja medovogo mesjaca*, attaching this prepositional phrase to the Main Verb of the clause.

3.2.2. Meaning-Text Deep-Syntactic Representation of Sentences

(3) Deep-Syntactic Representations [DSyntRs] of Sentences (1a) and (1b)

Comments

1. Like a SemR, a DSyntR consists also of four structures, two of which are of the same type as those of a SemR and two are of different types. I present here only two of DSynt-structures — those that have their counterparts in the SemR: the deep-syntactic and deep-syntactic-communicative structures. I leave out the anaphoric structure, dealing with coreferentiality of lexical units in the sentence, and the prosodic structure, which distinguishes statements from questions and exclamations, indicates irony, style and/or social register of the utterance, etc.

◆ A DSynt-structure [DSyntS] is a dependency tree with the following characteristics:

Its **nodes** are labeled with full lexical units — that is, semantically loaded lexemes and idioms. Structural (\approx auxiliary, grammatical) lexemes — such as governed prepositions and conjunctions, substitute pronouns, etc. — are not present in a DSyntS.

Its **arcs**, or branches, are labeled with the names of DSynt-relations — that is, DSynt-actantial numbers **I, II, ...**; **ATTR(ibutive)** modifier; etc. The DSyntRels are linguistically universal, in the sense that they are sufficient (under some additional conditions) to represent syntactic constructions of any language. Each lexical unit in the DSyntS is supplied with relevant morphological values (if any) — semantically loaded grammemes.

◆ A DSynt-Comm-structure [DSynt-CommS] is the specification of the subtrees marked with different Comm-values; I limit myself here to the DSynt-Rheme and DSynt-Theme areas.

2. S_1 is a lexical function (see Mel'čuk 2015: 155ff) — the general name of DSynt-actant **I** (*nomen agentis*); the top corners ' ' indicate idioms — non-compositional phraseological expressions (see Mel'čuk 2015: 293ff).

Differences between the English and the Russian DSyntRs are of two types.

First, the Russian DSyntS comprises two elements absent from the English DSyntS:

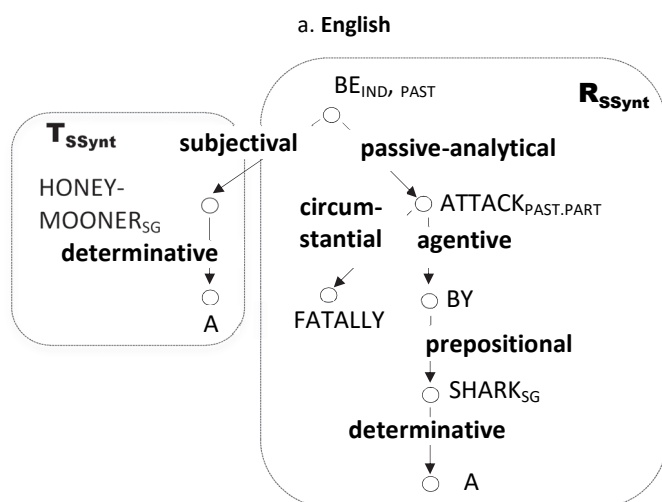
1. The complex preposition 'V REZUL'TATE' 'as a result of' (an idiom), which expresses the semanteme 'cause1', present in the meaning of the English adverb **FATEFULLY** 'causing1 death'.

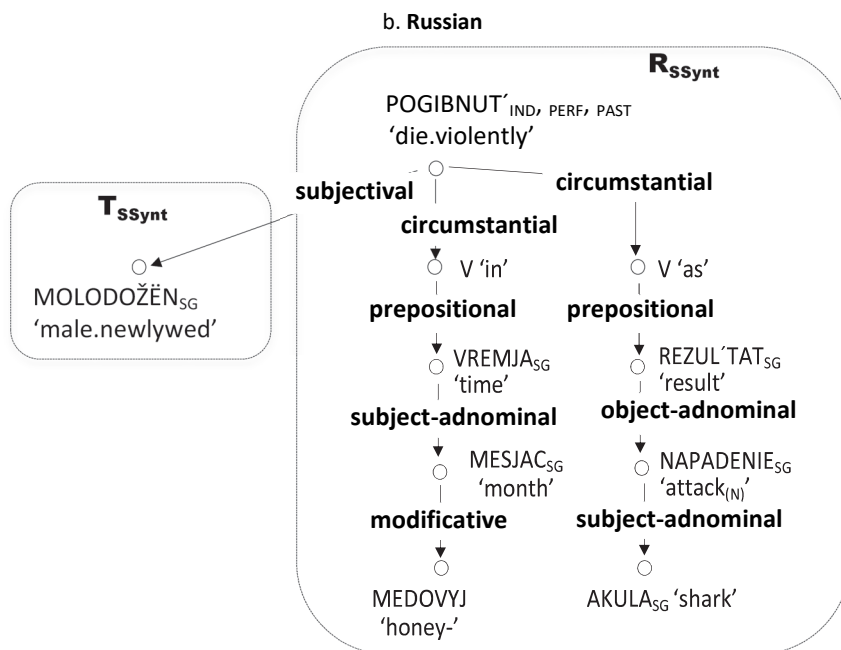
2. The complex preposition 'VO VREMJA' 'during' (another idiom), which appears due to the fact that Russian lacks a nominal expression to designate the people on honeymoon and recurs to the adverbial expression 'during the honeymoon'.

Second, the Russian DSyntS has, instead of a verb with the meaning '[to] attack', the corresponding S_0 (another lexical function: *nomen actionis*) — **NAPADENIE** '[an] attack'. (The selection of an action noun instead of a finite verb is imposed by the preposition 'V REZUL'TATE'.)

3.2.3. Meaning-Text Surface-Syntactic Representation of Sentences

(4) Surface-Syntactic Representations of Sentences (1a) and (1b)

Comment

The SSyntR is similar to the DSyntR: it consists of four structures of the same type fulfilling the same functions.

The SSyntS is also a dependency tree, which, however, shows a labeling different in regard to the DSyntS:

— Its nodes carry the names of **all** lexemes of the sentence, including all so-called structural lexemes.

— Its branches are labeled with the names of **surface-syntactic** relations [SSyntRels] of the language; tentative lists of SSyntRel of English and Russian can be found, respectively, in Mel'čuk 2016: 184—194 and Mel'čuk 2012a: 135—144 (today, both lists need revision).

3.2.4. Meaning-Text Deep-Morphological Representation of Sentences

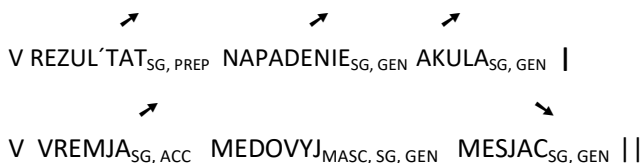
(5) Deep-Morphological Representations of Sentences (1a) and (1b)

a. English

b. Russian

Comment

A sentence's DMorphR consists of two structures:

- ◆ The DMorphS is a string of DMorphRs of linearly ordered single lexemes, supplied, where necessary, with all grammemes (semantically loaded, coming from the DSyntS, and syntactically imposed — that is, introduced by government and agreement).
- ◆ The DMorph-ProsodicS is the set of markers for shorter/longer pauses (|, ||) and intonation rising/falling contours (↗, ↘).

3.3. Meaning-Text Formal Linguistic Rules

I will present here rules that describe each of the three correspondences:

semantic representation	⇔	deep-syntactic representation
deep-syntactic representation	⇔	surface-syntactic representation
surface-syntactic representation	⇔	deep-morphological representation

Accordingly, there are three types of linguistic rules: semantic, deep-syntactic, and surface-syntactic. (Since sentence representations closer to surface are not discussed, rules dealing with these representations are not shown.)

Given the genre of the present text, only a couple of sample rules will be given for each rule type.

3.3.1. Meaning-Text Semantic Rules

In the first place, Meaning-Text semantic rules **lexicalize** and **arborize** the semantic network:

- ◆ They select, for the given semantemes and semanteme configurations, the lexical units to be put into the DSynt-structure (**Rule^{Sem} 1** in our illustration).
- ◆ They compute, for the given SemRels, the corresponding DSynt-branches or more complex expressions—DSynt-subtrees (**Rule^{Sem} 2** for Russian).

The Sem-rules also take care of several other aspects of the SemR ⇔ DSyntR correspondence — such as computing the top node (= head) of the syntactic tree of the sentence and the morphological values (grammemes), transposing Sem-Comm-areas, etc. — but these tasks are not considered here.

(6) SemR \Leftrightarrow DSyntR

Semantic Lexicalization Rules	
<p>English a. (2a) \Leftrightarrow (3a) Rule^{Sem 1}</p>	<p>Russian b. (2b) \Leftrightarrow (3b) Rule^{Sem 1}</p>
<p>Expression of the meaning 'cause1 to die' by the adverb FATALLY (<i>fatally injure Q; Q fatally fell</i>)</p>	<p>Expression of the meaning 'cause1' by the complex preposition 'V REZUL'TATE' (<i>byl ranen v rezul'tate P-a; upal v rezul'tate P-a</i> 'was injured as a result of P' 'fell as a result of P')</p>

Comments

1. The shaded region indicates the context of a rule: the part of this rule which is not affected by it, but whose presence in the respective representation is necessary for the rule to apply.

2. L('Ψ') stands for "lexical unit expressing the meaning 'Ψ'."

3. ρ is a particular SemRel, R(ρ) — a DSyntRel that corresponds to ρ.

Semantic Arborization Rules	
<p>Rule^{Sem 2}</p>	<p>Rule^{Sem 2}</p>
<p>Expression of SemRel 2 by DSyntRel I and the passive voice of the governing verb—under the conditions indicated in the rule (e.g., 'wrote-2→book' \Leftrightarrow <i>book←I-was written</i>).</p>	<p>As already said, Russian lacks a noun to designate a person being on a honeymoon; to express the meaning 'on honeymoon' Russian uses a prepositional phrase <i>vo vremja medovogo mesjaca</i> 'during the honeymoon', subordinated, as a rule, to the Main Verb of the clause. The corresponding indication is given in the lexical entry for the idiom 'MEDOVYJ MESJAC' 'honeymoon'.</p>

Sem-rules of the first type — that is, lexicalization Sem-rules — correspond to the lexical entries of a lexicon of a special type, known as Explanatory Combinatorial Dictionary (mentioned in 3.1, p. 524).

3.3.2. Meaning-Text Deep-Syntactic Rules

Meaning-Text deep-syntactic rules “adapt” the given DSyntR to the surface-syntactic requirements of the language in question.

On the lexical side, they sharpen the **lexicalization** by computing the values of lexical functions (English **Rule^{DSynt} 1**) and developing the node of an idiom into the corresponding SSynt-subtree (Russian **Rule^{DSynt} 1**); they also do several other things (e.g., develop the nodes of analytical forms into subtrees), which I leave out of consideration.

On the syntactic side, DSynt-rules complete **arborization**: associate DSyntRels with their SSynt-expressions.

(7) DSyntR \Leftrightarrow SSyntR

Deep-Syntactic Lexicalization Rules	
<p>English a. (3a)TM (4a) Rule^{DSynt} 1</p> <p>S₁(HONEYMOON) \Leftrightarrow HONEYMOONER</p>	<p>Russian b. (3b)TM (4b) Rule^{DSynt} 1</p> <p>‘V REZUL‘TATE’ \Leftrightarrow prepositional</p>
<p>Expression of the value of the lexical function S₁ (<i>nomen agentis</i>) for the keyword HONEYMOON.</p>	<p>Expression of the idiom ‘V REZUL‘TATE’ by its surface-syntactic subtree.</p>

Deep-Syntactic Arborization Rules	
<p>Rule^{DSynt} 2</p>	<p>Rule^{DSynt} 2</p>
<p>SSynt-expression of DSyntRel II governed by a passive verb — by the BY-construction (e.g., <i>This house was built-agentive</i>→<i>by-prepos</i>→<i>John</i>).</p>	<p>SSynt-expression of DSyntRel I governed by a noun and subordinating a noun — by the subj-adnom SSyntRel (e.g., <i>napadenie</i> — subj-adnom→<i>akula</i>).</p>

3.3.3. Meaning-Text Surface-Syntactic Rules

Meaning-Text surface-syntactic rules carry out **linearization** and **morphologization** (of the lexemes present in the given SSynt-structure).

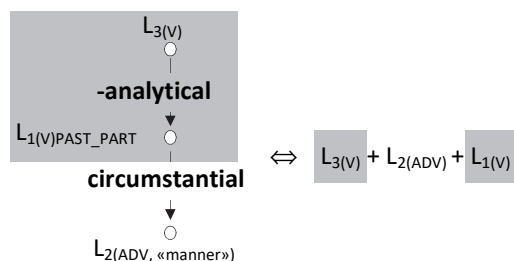
(8) SSyntR \leftrightarrow Deep-MorphR

Surface-Syntactic Linearization and Morphologization Rules

English

a. (4a) \leftrightarrow (5a)

Rule^{SSynt} 1

Linear placement of an adverb of the FATALLY type.

“-analytical” stands for **passive-analytical** and **perfect-analytical** SSyntRels.

Russian

b. (4b) \leftrightarrow (5b)

Rule^{SSynt} 1

Linear placement and morphologization of the adjective MEDOVYJ ‘honey-’.

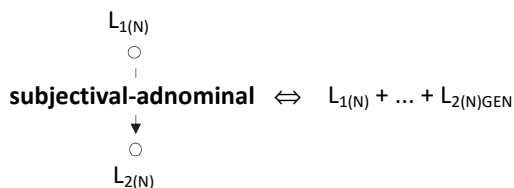
1. The adjective receives the syntactic feature «insep(arable)» in the transition from the DSyntS to the SSyntS, when an idiom is developed into its full SSynt-subtree.
2. AGREE_{ADJ(N)} is an agreement operator — that is, a set of rules that take care of agreement of an ADJ with the N on which the ADJ depends.

Rule^{SSynt} 2

Linear placement of a determiner (A, THE, THIS, etc.).

Rule^{SSynt} 2

Linear placement and morphologization (= supplying the GEN grammeme) of a noun being the subjectival adnominal complement (in this case, AKULA ‘shark’).

Comments

1. The “+” symbol indicates the linear order; “...” stands for a possible gap between the two elements being linearized (the complete version of linearization rules contains the constraints on what can be positioned in this gap).

2. The linearization SSynt-rules also include standard patterns for simple and complex phrases; the rules given above as illustration compute the position of elements based on these patterns.

Much more can be said about rich and variegated results obtained in linguistics due to semantic decomposition. But what has been said seems sufficient to show how far have gone AW’s ideas about semantic decomposition. More power to them — and to her!

4. FIFTY-FIVE YEARS AGO

Lest I forget... A sweltering afternoon, early September 1963 in Sofia, Bulgaria, the Vth International Congress of Slavists. I have just finished my talk about automatic syntactic analysis of Russian using dependency syntactic representation. A group of audience members is bombarding me with questions and remarks. Among them, a very young woman, looking like a high school student, svelte and elegant, in a light blue dress and blue bandanna in her light brown hair. She speaks Russian, with a charming Polish accent, and her questions are excellent — to the point, clear and trenchant, showing her complete understanding of the matter (a rare phenomenon at linguistic gatherings). I am swept of my feet and offer her — not my hand and my heart, since I am fully and happily married — but a hiking adventure: to go on foot right away to the summit of the Vitosha Mountain, which dominates Sofia. She accepts without blinking and off we go! We have to hurry, since the same night at 7 PM we are supposed to be at the huge banquet offered to the congress participants by our Bulgarian hosts. (And to boot, I received a note from a colleague, with whom I was not acquainted personally, — a Rumanian mathematician, Professor Grigore Moisil, who invited me to join him at the banquet. In order for me to recognize him, he wrote in Russian: *Kogda uvidite sil'no žrajuščego⁵ čeloveka, èto budu ja* lit. ‘When you see a strongly goblin’ man, this will be me’.) The climb proved tougher than I had believed, and we reached the summit after 7... We had no Bulgarian money, and we could not take a cab, but had to run. And lo and behold! When we reached the practically empty banquet hall, we saw “a strongly goblin’ man”, who turned out, of course, to be Moisil and who had hoarded for us a huge selection of different luscious dishes and drinks. We finished the evening in a pleasant and reinvigorating conversation about linguistics and, in particular, semantics. That is how my friendship with Anna Wierzbicka started.

NB: The reader can be expected to wonder what is the logical link between Section 4 and the preceding text. Sorry, no link whatsoever. It is simply very pleasant for me to reminisce...

© Igor Mel’čuk, 2018

REFERENCES

- Apresjan, Jurij. (1974). *Leksičeskaja semantika. Sinonimičeskie sredstva jazyka* [Lexical Semantics. Synonymic Means of Language]. Moscow: Nauka.
- Apresjan, Yuri. (1992). *Lexical Semantics. User’s Guide to Contemporary Russian Vocabulary*. Ann Arbor, MI: KAROMA.
- Apresjan, Jurij, ed. (2014). *Aktivnyj slovar’ russkogo jazyka* [Active Dictionary of Russian]. Avtory: V.Ju. Apresjan, Ju.D. Apresjan, E.Ė. Babaeva, O.Ju. Boguslavskaja, I.V. Galaktionova, M.Ja. Glovinskaja, B.L. Iomdin, T.V. Krylova, I.B. Levontina, A.A. Lopuxina, A.V. Ptencova, A.V. Sannikov, E.V. Uryson. Volumes 1—2. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul’tury.
- Apresyan, Yuri, Mel’čuk, Igor & Žolkovsky, Alexander. (1969). Semantics and lexicography: Towards a new type of unilingual dictionary. In: F. Kiefer, ed., *Studies in Syntax and Semantics*, Dordrecht: Reidel, 1—33.
- Goddard, Cliff & Wierzbicka, Anna. (2014). *Words and Meanings. Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.

- Mel'čuk, Igor. (1974). *Opyt teorii lingvističeskix modelej "Smysl ⇔ Tekst"*. *Semantika, sintaksis* [Outline of a Theory of Meaning-Text Linguistic Models. Semantics and Syntax]. Moscow: Nauka.
- Mel'čuk, Igor. (2001). *Communicative Organization in Natural Language*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Mel'čuk, Igor. (2012a). *Jazyk: ot smysla k tekstu* [Language: From Meaning to Text]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Mel'čuk, Igor. (2012b). *Semantics: From Meaning to Text*. Vol. 1. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Mel'čuk, Igor. (2013). *Semantics: From Meaning to Text*. Vol. 2. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Mel'čuk, Igor. (2015). *Semantics: From Meaning to Text*. Vol. 3. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Mel'čuk, Igor. (2016). *Language: From Meaning to Text*. Moscow/Boston: Academic Studies Press.
- Mel'čuk, Igor & Zholkovskij, Alexander. (1984). *Explanatory Combinatorial Dictionary of Modern Russian*. Vienna: Wiener Slavistischer Almanach. See also:
http://olst.ling.umontreal.ca/pdf/Melcuk_Zholkovskij_1984.pdf.
- Mel'čuk, Igor' & Žolkovskij, Aleksandr. (2016). *Tolkovo-kombnatornyj slovar' russkogo jazyka. 2-oe izdanie, ispravlennoe*. Moscow: Jazyki slavjanskix kul'tur.
- Padučeva, Elena. (1996). Fenomen Anny Vežbickoj [Anna Wierzbicka's Phenomenon]. In: Vežbickaja, Anna, *Jazyk. Kul'tura. Poznanie*, Moscow: Russkie slovari, 5—32.
- Wierzbicka, Anna. (1972). *Semantic Primitives*. Frankfurt am Main: Athenäum.
- Wierzbicka, Anna. (1988). *The Semantics of Grammar*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Wierzbicka, Anna. (1992). *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York/Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. (2001). *What Did Jesus Mean? Explaining the Sermon on the Mount and the Parables in Simple and Universal Human Concepts*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. (2014a). *Imprisoned in English. The Hazards of English as a Default Language*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. (2014b). Can there be common knowledge without a common language? German *Pflicht* versus English *Duty*. *Common Knowledge*, 21 (1), 140—171.
- Wierzbicka, Anna. (2018). Speaking about God in universal words, thinking about God outside English. In: Paul Chilton and Monika Kopytowska (eds.), *Religion, Language, and the Human Mind*, 19—51. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (2018). Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 38—53. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-38-53.
- Žolkovskij, Aleksandr. (1964a). Predislovie [Foreword]. *Mašinnyj perevod i prikladnaja lingvistika*, 8, 3—16.
- Žolkovskij, Aleksandr. (1964b). O pravilax semantičeskogo analiza [Rules for semantic analysis]. *Mašinnyj perevod i prikladnaja lingvistika*, 8, 17—32.
- Žolkovskij, Aleksandr. (1964c.) Leksika celesoobraznoj dejatel'nosti [Vocabulary of teleological activity]. *Mašinnyj perevod i prikladnaja lingvistika*, 8, 67—103.
- Žolkovskij, Aleksandr, Leont'eva, Nina & Martem'janov, Jurij. (1961). O principial'nom ispol'zovanii smysla pri mašinnom perevode [On an essential use of meaning in machine translation]. In: *Mašinnyj perevod*, vol. 2, Moscow: Institut točnoj mexaniki i včislitel'noj texniki AN SSSR, 17—46.

NB: For English translations of Žolkovsky's papers, see Rozenčevjg, V. (ed.) (1974), *Essays on Lexical Semantics*, Stockholm: Skriptor; and Rozenčevjg, V. (ed.) (1974), *Machine Translation and Applied Linguistics*, Frankfurt am Main: Athenaion Verlag.

Žolkovskij, Aleksandr & Mel'čuk, Igor'. (1965). O možnom metode i instrumentax semantičeskogo sinteza [On a possible method and some tools of semantic synthesis]. *Naučno-tehničkaskaja informacija*, 5, 23—28.

Žolkovskij, Aleksandr & Mel'čuk, Igor'. (1966). O sisteme semantičeskogo sinteza. I. Stroenie slovarja [A system for semantic synthesis. I. The structure of the dictionary]. *Naučno-tehničkaskaja informacija*, 11, 48—55.

Žolkovskij, Aleksandr & Mel'čuk, Igor'. (1967). O semantičeskom sinteze [On semantic synthesis]. *Problemy kibernetiki*, 19, 177—238.

NOTES

¹ And also established the best formula for genuine Russian vodka: 40% alcohol ensures the best cost/taste/effect ratio.

² In the process, AW defined the concept of GOD: Wierzbicka 2001: 21 and 2018 (I owe the most recent reference to my Anonymous Reviewer). I cannot help quoting the latest definition in full:

- (a) there is someone not like people*
- (b) this someone is someone above people
- (c) this someone is someone above everything
- (d) this someone is now, always was, always will be
- (e) this someone is everywhere
- (f) there is no one else like this someone
- (h) God is this someone**

* The component 'someone' of Wierzbicka's definition seems to clash with the official position of the Swedish Church: in November 2017, they decided that God is — or at least must be referred to — as *It*, which corresponds rather to 'something'. By all means, a 'someone' necessarily is of the one of two sexes. A natural question rises right away...

** I am theologically ignorant, but isn't it true that one of the attributes of the Christian God is goodness?

Given the utmost importance of the whole problem, I consider it appropriate and useful to give here the previous definition of God as well:

God

- (a) God is someone (not something)
- (b) this someone is someone good
- (c) this someone is not someone like people
- (d) there is not someone else like this someone
- (e) this someone exists always
- (f) everything exists because this someone wants it to exist
- (g) people exist because this someone wants them to exist
- (h) everything exists because this someone exists, not because of anything else
- (i) this someone lives

³ The two Giants of Contemporary Semantics:

Anna Wierzbicka with Alik Žolkovskij
in Moscow, in 1965 — probably,
discussing semantic decomposition.

⁴ One of important particularities of the Meaning-Text approach is a consistently drawn distinction between the **semantic** CommS (Comm-organization of the starting meaning) and the **syntactic** CommS (Comm-organization of the sentence as represented by its deep-syntactic and surface-syntactic structures), see the representations in (2)—(4).

⁵ It is exactly how it was spelled in Moasil's note: “сильно жрающего человека”.

Article history:

Received: 20 March 2018

Revised: 15 May 2018

Accepted: 27 May 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 марта 2018

Дата принятия к печати: 27 мая 2018

For citation:

Mel'čuk, Igor (2018). Anna Wierzbicka, Semantic Decomposition, and the Meaning-Text Approach. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 521—538. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-521-538.

Для цитирования:

Mel'čuk I. Anna Wierzbicka, Semantic Decomposition, and the Meaning-Text Approach // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 3 С. 521—538. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-521-538.

Bio Note

IGOR MEL'ČUK is Professor Emeritus at the University of Montreal, Canada, the author of 47 books and 279 published scientific papers. His research interests include general linguistics (with special attention to its conceptual apparatus and terminology), semantics (with special attention to lexicology and lexicography), syntax (with special attention to dependency structures), and morphology; his work is based mostly on Russian and French, but concerns also English and several other languages (Hungarian, Lezghian, Alutor, Dyrbal, Bafia, Kirundi, Korean). He is the proponent of the Meaning-Text approach to natural language and one of the pioneers of Machine Translation—since 1954.

Contact information: E-mail: igor.melcuk@umontreal.ca

Сведения об авторе:

ИГОРЬ МЕЛЬЧУК — заслуженный профессор Монреальского университета (Канада), автор 47 книг и 279 научных статей. Его научные интересы включают общую лингвистику (в особенности ее понятийный аппарат и терминологию), семантику (в особенности лексикологию

и лексикографию), синтаксис (в особенности структуры зависимостей) и морфологию. Работы И.А. Мельчука основываются, в первую очередь, на русском и французском языках, но затрагивают также английский и ряд других языков (венгерский, лезгинский, аляutorский, бафия, рунди, корейский). И.А. Мельчук является автором лингвистического подхода «Смысл-Текст» и одним из пионеров машинного перевода — с 1954 года.

Контактная информация: E-mail: igor.melcuk@umontreal.ca

ACKNOWLEDGMENTS

The text of this paper was read and criticized by Jurij Apresjan, David Beck, Lidija Iordanskaja, Jasmina Milićević, and an Anonymous Reviewer. May all these nice people, whose remarks and suggestions led to an improved presentation, receive my most heartfelt gratitude!

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаю сердечную благодарность всем, кто прочитал эту статью и высказал свои замечания — Юрию Апресяну, Дэвиду Беку, Лидии Иорданской, Ясмине Миличевич и анонимному рецензенту.

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-539-559

A Semantic Menagerie: The Conceptual Semantics of Ethnozoological Categories

Cliff Goddard

Griffith University

170 Kessels Road, Nathan, Queensland 4111 Australia

Abstract

Following the seminal work of Wierzbicka (1985, 2013), this paper proposes and discusses a set of semantic analyses of words from three different levels of the English ethnozoological taxonomic hierarchy (Berlin 1992): *creature* (unique beginner), *bird*, *fish*, *snake*, and *animal* (life-form level), *dog* and *kangaroo* (generic level). The analytical framework is the Natural Semantic Metalanguage approach (Wierzbicka 1996, 2014, Goddard and Wierzbicka 2014). Though ultimately resting on the foundational elements of the NSM system, i.e. 65 semantic primes and their inherent grammar of combination, the analysis relies on the analytical concepts of semantic molecules and semantic templates (Goddard 2012, 2016). These provide mechanisms for encapsulating semantic complexity and for modelling relations between successive layers of the hierarchy. Other issues considered include the extent to which cultural components feature in the semantics of ethnozoological categories, and the extent to which semantic knowledge may vary across different speech communities.

Keywords: *lexical semantics; NSM; ethnozoology; semantic complexity; semantic molecules; Anna Wierzbicka*

Семантическая менажерия: концептуальная семантика этнозоологических категорий

Клифф Годдард

Университет Гриффит

170 Kessels Road, Nathan, Queensland 4111 Australia

Аннотация

Основываясь на фундаментальных работах Анны Вежбицкой (Wierzbicka 1985, 2013), автор статьи предлагает семантический анализ слов, принадлежащих к разным уровням английской этнозоологической иерархии (Berlin 1992): *creature* (первичная форма жизни), *bird*, *fish*, *snake*, *animal* (уровень жизненных форм), *dog*, *kangaroo* (родовой уровень). В работе используется подход Естественного Семантического Метаязыка (ЕСМ) (Wierzbicka 1996, 2014; Goddard and Wierzbicka 2014). Используя основополагающие принципы ЕСМ, то есть 65 семантических примитивов и присущую им грамматику сочетаемости, анализ основывается на аналитических концептах семантических молекул и семантических моделей (Goddard 2012, 2016). Они предоставляют механизмы для отражения семантической сложности и моделирования отношений между последовательными уровнями

иерархии. В работе также рассматриваются вопросы степени присутствия культурных компонентов в семантике этнозоологических категорий и степени различия семантического знания между языковыми сообществами.

Ключевые слова: лексическая семантика, Естественный Семантический Метаязык (ЕСМ), этнозоология, семантическая сложность, семантические молекулы, Анна Вержбицкая

1. BACKGROUND

There is an enormous literature on natural kind concepts. In ethnobiology the major reference points include Berlin (1972, 1992), Brown (1977), and Atran (1990), in philosophy Kripke (1977), and in cognitive psychology Rosch (1977, 1978). In linguistic semantics, the foundational work is Wierzbicka (1985), building on Apresjan (1969, 1992 [1974]).

Across this literature, there is broad agreement that it makes sense to recognise taxonomic hierarchies (Berlin 1992), with the words at each rank being semantically more general and wider in their denotative range than the ones below them. The maximum number of levels, not found in all languages or in all domains, is said to be five: unique beginner > life-form > generic > specific > varietal. Berlin claims, however, that all languages distinguish at least two levels: life-form and generic. This paper proposes a set of semantic analyses (explications) of words from three levels of the English ethnozoological taxonomic hierarchy: *creature* (unique beginner), *bird*, *fish*, *snake*, and *animal* (life-form level), *dog* and *kangaroo* (generic level).

1.1. Framework

The analytical framework is the Natural Semantic Metalanguage approach (Wierzbicka 1996, Goddard and Wierzbicka 2014), a system of meaning representation based on a small inventory of fundamental, indefinable elements of meaning: semantic primes. They are listed in Appendix A using English exponents. Comparable lists exist for about 30 languages.

Semantic primes have an inherent syntax which allows them to be combined into phrases, sentences and texts. Evidence suggests that this syntax is language-independent, in the sense that the same combinations can be realised in all or most languages. As well as simple combinatorial possibilities (e.g. ‘something good/bad’, ‘in many places’), semantic primes can have extended valency and complement options. Language-specific variant forms or “allolexes”, and portmanteau expressions, are also allowed, e.g. English *else* for other, *often* for ‘at many times’. Together, semantic primes and their associated grammar make up the core of the Natural Semantic Metalanguage. In addition to semantic primes, many explications require the use of various semantic molecules (Goddard and Wierzbicka 2014, Goddard 2016). These are complex meanings, themselves definable in terms of semantic primes, that function alongside primes as building blocks of linguistic meaning. They are marked with [m] to distinguish them from semantic primes. Cross-linguistic research indicates that semantic primes, and many important semantic molecules, are expressible lexically in all or most languages¹.

¹ The metalanguage of the explications reflects the version current in 2018, sometimes termed NSM4 (Goddard 2018: 36).

Using this metalanguage allows researchers to decompose complex language-specific meanings into text-like configurations (semantic explications) of simple cross-translatable concepts. Explications for a given semantic subclass typically follow a consistent semantic template, i.e. the content is arranged into sections that appear in a logical sequence. The role of each section is indicated by labels on the right-hand side, but these are not part of the explications proper.

1.2. Preview

To present seven complex explications in the space available, it is necessary to confine the discussion and justification to key points. By way of overview, it will be helpful to make three general comments. First, even though in most cases I have been able to build on previous work, (re)formulating each one of these explications has been an arduous process. Most have presented numerous puzzles of expression connected with the challenge of capturing intricacies of meaning using a very small metalanguage.

A second issue (or pair of issues) concerns the optimal selection of semantic molecules and the structure of the semantic templates. I want to flag that I am proposing a new solution to a paradox concerning the role of ‘animal [m]’ as a semantic molecule of English. The paradox arises because from the intuitive point of view of an English speaker, *dogs*, *horses*, *kangaroos*, and so on, are clearly categorised as *animals*; and yet it is well-known that the meaning of this English word is rather language-specific. If ‘animal [m]’ is used as a taxonomic head, as it was in Goddard (2011), the implication is that the English-language conceptualisation of all the lower-level generic words is significantly different to that of closely related European languages. On the other hand, if ‘living thing’ or ‘creature [m]’ is used as the top-level taxonomic head and ‘animal [m]’ is omitted altogether, the explications seem to be missing an important element. Briefly, the solution proposed here is to include ‘animals [m]’, but not as a taxonomic head.

Third, there is the long-recognised issue of how much semantic detail deserves to be included in an explication (the “what’s in, what’s out?” question), and, relatedly, the question as to how much semantic variation there can be across English-speaking communities and between individuals. Wierzbicka (1985) distinguished between what she termed “concept maximum” and “concept minimum”. The “concept maximum” designates what competent adult speakers know in virtue of knowing the language well, as evidenced by phraseology and collocation: a linguistically scaffolded, shared stereotype. It may include cultural knowledge and culturally-conditioned construals. The “concept minimum” can be thought of as the minimum collection of features that a person needs to know in order to recognise a given creature as an instance of, say, the category *dog*, *horse*, or *kangaroo*. I accept the usefulness of this distinction, and in this study I am generally out to capture the concept maximum. Notwithstanding, however, it seems clear that for some words, speakers of some varieties of English have richer semantic entries than others because they have richer shared understandings of the concept in question. To open up this issue, section 5 considers two generic-level concepts which differ markedly in this respect: *dogs* and *kangaroos*. Section 6 is a concluding discussion.

2. A UNIQUE BEGINNER: 'CREATURE'

It can be hypothesised that all or most languages share a rather simple “unique beginner” in the ethnozoological domain, explicated in [A] below. This explication is simpler than the version presented in Goddard (2011).

[A] *creatures*

something living
something like this can move
something like this can feel something

It must be admitted that the universality of this meaning has not yet been thoroughly tested and the picture is complicated, in some languages, by polysemy and other language-specific factors.

In Russian, the closest equivalent is (*zhivye*) *sushchestva* ‘(living) creatures’², in Polish *stworzenia*. In German *Tier(e)* is probably the preferred equivalent. Though normally translated as ‘animal(s)’, it is much broader in its range of application and can be used freely about birds, insects, snails, and so on. For French, the best candidate is probably *bête*, for similar reasons. Both German *Tier(e)* and French *bête(s)* are likely to be polysemous, as suggested by the fact that *bête*, for example, normally suggests a large creature³.

As an example of a different kind of polysemy, in the Australian Aboriginal language Warlpiri the equivalent meaning appears to be expressible by the polysemous word *kuyu*, which also can have the narrower meaning ‘edible creature, game’, as well as ‘meat’. *Kuyu* in both these narrower senses can apply equally well to all edible creatures, including birds, lizards and snakes. Both meanings are very frequent and salient but a broader meaning is also attested, for example, in the title of the Warlpiri booklet *Kuyu Ngarninja-wangu* (“Kuyu we do not eat”) by Robertson George Jampijinpa (1980). Whether this broader meaning is precisely identical to ‘creature’ requires further research, but it seems clear that they are substantially equivalent.

3. LIFE-FORM WORDS

It is arguable that all or most languages have taxonomic heads comparable in meaning to ‘birds’ and ‘fish’. To say this is not to claim that such words are absolute universals (cf. Goddard 2018: 57—59), because it is well established in the linguistic and anthropological literature that such words can differ in their range of application, especially in relation to large flightless birds and bats.

² *Sushchestva* can also be understood as ‘beings’, consistent with its morphological makeup, though clearly it would not make sense to speak of a fish or snail as a ‘being’. Together with the fact that *sushchestva* can be used about people, e.g. *pisateli — eto verkhovnye sushchestva* ‘writers — they are supreme beings’, and about ‘extraterrestrial beings’ *vnezemnye sushchestva*, this indicates that *sushchestva* is polysemous between ‘creatures’ and ‘beings’. The adjective *zhivye* ‘living’ serves to “select” the ‘creature’ meaning.

³ All three languages also have other, more abstract-sounding and/or technical words, e.g. Russian *sozдание, tvorenie, tvar’*, French *animal, créatures*, German *Lebewesen*, but these are not preferred candidates in view of the existence of “plainer” and more stylistically versatile alternatives.

3.1. Birds

Explication [B] follows the previously-proposed semantic template (see section labels at right-hand side), with the addition of a new second section (b) called Main Features.

A few selective comments follow. The wording of section (a) ('creatures [m] of one kind, there are many kinds of such creatures [m]') corresponds to Berlin's observation that life-form words are characterised by "polytypicity". (The expression 'such creatures' is a portmanteau for 'creatures like these'.) Explications for the molecules 'wings [m]', 'feathers [m]' and 'eggs [m]', used in section (b), are given in Appendix B. Needless to say, to avoid circularity, they are phrased without reference to birds. The third line of section (b) is phrased to allow for the existence of flightless birds, while acknowledging that birds are commonly thought of as being able to fly. Sections (c) and (d) capture, respectively, diversity in the range of places where birds live and where they are commonly found, and in their sizes. Provision for a range of habitats and sizes is typical for major life-form concepts.

In section (e), Body, the various parts of the bird's body design are described as being like human body-parts, such as 'head' and 'legs'. This detail of wording is necessary because the explications for 'head' and 'legs', and so on, are based explicitly on people's bodies (Wierzbicka 2007). Section (f), Behaviour, provides for the existence of flightless birds, as well as saying something about what birds eat. Section (g), Sounds, is an important part of the bird concept, since many birds make distinctive species-specific sounds which are often pleasant to the ear. In connection with this last point, we can note the English use of the verb *sing* about birds, and expressions such as *bird song* and *song birds*; on the other hand, some birds, such as crows and parrots, are not said to 'sing', but to chirp, screech, caw, etc.

[B] *birds*

a. creatures [m] of one kind	CATEGORY
there are many kinds of such creatures [m]	WITH SUB-CATEGORIES
b. creatures [m] of all these kinds have wings [m],	MAIN FEATURES
there are many many feathers [m] on [m] the wings [m]	
when they are very small, their bodies are inside eggs [m]	
when people think about them, they often think like this: "they can fly [m]"	
c. many kinds of such creatures [m] live in places	WHERE THEY LIVE
above the ground [m], often they are flying [m],	
sometimes they are in trees [m]	
some kinds live in places where there is much water [m],	
sometimes they are flying [m], sometimes they are on the water [m]	
some kinds, not many, live in places on the ground [m]	
d. many kinds of these creatures [m] are small, some kinds are very small	SIZE
some kinds are big, some (not many) are very big	
e. the bodies of these creatures [m] are not like the bodies	BODY
of creatures [m] of other kinds	

- their bodies are like this:
- one part of their bodies is like people’s heads [m] — head
 - two parts are like people’s eyes [m], one of them is on one side of the head [m], the other one is on the other side of the head [m]
 - they don’t have a part like people’s nose [m], — beak/bill
 - they don’t have a part like people’s mouth [m]
 - in the place where these parts of people’s face [m] are, these creatures [m] have another part, it is not like any part of people’s body
 - it has two parts, they are hard [m], one of them is above the other one
 - two other parts of their bodies are like people’s legs [m] — legs
 - one part of their bodies is not like any part of people’s bodies — tail
 - this part is at the back [m] of the body
 - these creatures [m] can have bodies of two kinds, — male and female
 - like people can have bodies of two kinds
 - there can be eggs [m] inside the bodies of creatures [m] of one of these two kinds
- f. many kinds of these creatures [m] can fly [m], BEHAVIOUR
 some (not many) can’t fly [m]
 these creatures [m] eat [m] very small things
 some of these very small things are living creatures [m],
 some are not living creatures [m]
- g. many kinds of these creatures [m] SOUNDS
 often do something like people do with their mouths [m]
 when they want to say something
 people can hear something because of this
 sometimes when people hear it, they can know what kind of creature [m] it is,
 sometimes they can think: “this is like singing [m]”

Nothing has been included in explication [B] about *nests*, but probably this should be added.

3.2. Fish

The explication in [C] follows the same template as used for *birds*, except that two sections, Behaviour and Sounds, are omitted, and there is a final section ‘Relation to People’, which indicates the existence of fishing as a human activity.

Here are a few selective comments. In the final line of section (b), the word ‘swim’ has been avoided, since it is well known that in many languages one does not speak about fish “swimming”. In section (c), it is assumed that ‘sea [m]’ is a widespread “approximate” semantic molecule. In the Body section, nothing is said about there being two kinds of bodies, i.e. male and female. In fact, fish bodies do come in two types but the differences are difficult to discern, and, in my view, do not form part of the general concept of *fish*.

[C] *fish*

- a. creatures [m] of one kind CATEGORY
- there are many kinds of such creatures [m] WITH SUB-CATEGORIES
- b. creatures [m] of all these kinds live in places MAIN FEATURES
- where there is much water [m]
- they live in (inside) this water [m]

- they can move in this water [m] as they want
 if they are not in water [m] for some time, they can't live
- c. many kinds of these creatures [m] live in the sea [m] WHERE THEY LIVE
 many kinds live in other places where there is much water [m]
- d. some kinds of these creatures [m] are small, some kinds are very small SIZE
 some kinds are big, some (not many) are very big
- e. the bodies of these creatures [m] are not like the bodies BODY
 of creatures [m] of other kinds
 their bodies are like this:
 — they are long [m]
 — they don't have parts like people's arms [m],
 they don't have parts like people's legs [m] — limbless
 — they have some flat [m] parts on two sides of their bodies — fins
 these parts can move when this creature [m] wants
 when this happens, the body can move in the water [m] as this creature [m] wants
 — one part of their bodies is like people's heads [m] — head
 two parts of this part are like people's eyes [m],
 one part of this part is like people's mouth [m]
 — they don't have a part of the head [m] like people's nose [m]
 — one part of their bodies is not like any part of people's bodies, — tail
 this part is at the back [m] of the body, this part can move
 — there are many very small flat [m] thin [m] things — scales
 on all sides of their bodies
- f. people can eat [m] parts of the bodies of these creatures [m] RELATION TO PEOPLE
 because of this, some people do many things in many places — food
 where there is much water [m] — fishing
 because they want some of these creatures [m] not to be in water [m] anymore

An issue which is open for discussion is whether there should be an additional 'How People Think About Them' section, as proposed in Wierzbicka (1985). Such a section seems well motivated for many generic-level words, but it is not clear whether the same applies for life-form words. In the case of *fish*, one candidate for such a section would be a component along the following lines: 'when something bad happens to their bodies, they don't feel something bad like people feel something when something bad happens to people's bodies'. This would capture an apparently widespread folk belief that fish do not feel pain.

3.3. Minor life-form words

Not all life-form concepts are as complex as 'fish' and 'birds', or as prolific as taxonomic heads; and not all have equal claim to the status of approximate or near-universals. On the contrary, it appears that languages may possess various minor, less well differentiated, life-forms (cf. Atran 2000). Consider the English word *snakes*. There are some primary lexemes for individual kinds of *snake*, e.g. *python*, *viper*, *cobra*, and (in Australia) *death adder* and *taipan*, but people are well aware that there are many other kinds which go unnamed. A tentative explication is given in [D].

[D] *snakes*

creatures [m]
 there are many kinds of such creatures [m]

the bodies of creatures [m] of this kind are long [m]
their bodies touch the ground [m] at all times
when people see their bodies, they can think that the body is all one thing,
it has no parts like people's arms [m], it has no parts like people's legs [m]
some creatures [m] of this kind can do something very bad to people

Spider deserves to be recognized as another minor life-form word of English, given the existence of primary lexemes like *tarantula*, *daddy long-legs*, and, in Australia, *red back*, *funnel-web*, and *huntsman*.

Languages vary in the number and semantic composition of these minor categories, and in whether or not they function as taxonomic heads. For example, Polish *grzyby*, the near-equivalent of 'mushroom', functions as a taxonomic head in words for various kinds of mushrooms, such as *kurki*, *maślaki*, *koźlaki*, *prawdziwki*, *borowiki*, *rydze*, *pieczarki*, and *muchomor* (Wierzbicka 2009).

4. ANIMALS

Explication [E] below is based on that presented in Wierzbicka (2013). The main difference that the molecule 'creatures [m]' is used in place of the expression 'living things'. There are a number of notable points. First and foremost, the initial component presents *animals* as a multi-category concept, i.e. not 'creatures [m] of one kind', but rather 'creatures [m] of many kinds'. This is the hallmark of a collective (as opposed to a taxonomic) hyponym (Goddard 2017).

Second, in section (b), there is an immediate physical comparison with people: 'their bodies are like people's bodies, not like the bodies of creatures [m] of many other kinds'. As we will see, throughout the explication there is a series of alignments and contrasts with the concept of people. This may seem unexceptional but not all languages do this — not even all European languages. As mentioned, if we compare English *animals* with its nearest counterpart in German, we see that German *Tiere* (singular: *Tier*) embraces a much broader range of creatures. Fish, birds, snakes, and even spiders and insects, can be regarded as *Tiere* (and likewise, in Danish, as *dyr*).

In section (c), 'Where They Live', we can see other components that help delimit the concept of *animals*. They are said to live in 'places where parts of their bodies can often touch the ground [m]'. This serves to exclude fish and other aquatic creatures, but it does not exclude tree-dwelling creatures such as *squirrels* and *monkeys*. Living on land, *squirrels* and *monkeys* can still often be in contact with the ground, even though they spend much of their time in the trees. Skipping down to section (g), the last two components provide for the existence of numerous wild animals, and also for a number of animal kinds that live in association with people.

A couple of further points follow. In section (d), the Body section, it is stated that many animals have two legs at the front and two at the back (this wording allows for exceptions such as *kangaroos* and *chimpanzees*). Section (e), 'Male and Female', says that their bodies come in two kinds, one with some parts 'like parts of women's [m] bodies' and the other with some parts 'like parts of men's [m] bodies'. The comparison with people continues in section (f), in relation to how animals are 'born [m]' and cared for after birth.

Finally, there is a section ‘How People Think About Them’, which sums up people’s ambivalent attitudes towards *animals*: recognising that they can do many things and feel many things, but equally that they lack human capacity for knowledge, speech and thought, and in particular that they lack any “sense of right and wrong” (“they can’t think like this about something: ‘it will be good if I do this, it will be bad if I do this’); cf. words and expressions such as *animalistic*, *like an animal*, *they behaved like animals*, and the like.

[E] *animals*

a.	creatures [m] of many kinds	MACRO-CATEGORY
b.	people can think about them like this:
“their bodies are like people’s bodies, not like the bodies
of creatures [m] of many other kinds”	MAIN FEATURES
c.	such creatures [m] live in places of many kinds
people can think about it like this:
“they live in places where parts of their bodies can often touch the ground [m]”	WHERE THEY LIVE
d.	many parts of their bodies are like parts of people’s bodies
— one part is like people’s head [m]
— one part is like people’s mouth [m]

— some parts of their bodies are like people’s legs [m]
when people think about these parts of the bodies of such creatures [m],
they can think like this:
“two of these parts are at the front [m] of the body, two others are
at the back [m] of the body”
at the same time people can know that the bodies of some kinds
of such creatures [m] are not like this

— one part of the bodies of such creatures [m] is not like
any part of people’s bodies
this part is at the back [m] of their bodies, it is long [m]
this part can move when this creature [m] wants it | BODY
— head
— mouth

— legs

— tail |
| e. | creatures [m] of all these kinds can have bodies of two kinds
like people can have bodies of two kinds
some parts of the bodies of one of these two kinds are like some parts
of men’s [m] bodies,
some parts of the bodies of the other kind are like some parts
of women’s [m] bodies | MALE AND FEMALE |
| f. | people can think about it like this:
because creatures [m] of all these kinds have bodies of these two kinds,
small creatures [m] of these kinds can be born [m] like people are born [m]
before they are born [m], their bodies are for some time inside the body
of a big creature [m] of the same kind,
like a child’s [m] body is inside the body of this child’s [m] mother [m]
before this child [m] is born
for some time after these small creatures [m] are born [m], they are often
with this big creature [m],
like a child [m] is often with its mother [m] for some time after it is born [m]
this big creature [m] can do some good things for these small creatures [m] during this time,
like a child’s [m] mother [m] can do some good things for this child [m] for some time
after this child [m] is born [m] | YOUNG |

- g. people can think about these creatures [m] like this: RELATION TO PEOPLE
 “there are many kinds of these creatures [m]
 creatures [m] of some of these kinds live in places where people live
 sometimes people want this because it can be good for people,
 sometimes people don’t want this
 creatures [m] of some other kinds live far from places where people live
 they don’t want to live near places where people live
 at the same time, people don’t want them to live near places where people live
 because creatures [m] of some of these other kinds can do very bad things to people”
- h. people can think about creatures [m] of all these kinds like this: HOW PEOPLE THINK
 “they can do many things, they can feel many things” ABOUT THEM
 at the same time, people can think about them like this:
 “they can’t know many things like people know many things
 they can’t say something with words like people can say something with words
 they can’t think like people can think, they can’t think like this about something:
 ‘it will be good if I do this, it will be bad if I do this’”

5. GENERIC-LEVEL WORDS

As mentioned, Goddard (2011) had proposed that in English the word ‘animal’ functions as a taxonomic head in the explications for individual species words such as *dog*, *cat*, *mouse*, and so on. This proposal brought with it certain difficulties, however, because it seems counter-intuitive to say that the semantics of English *dog* and German *Hund*, for example, are different at the very highest level of categorisation. The present paper proposes an alternative strategy, according to which ‘animal [m]’ does appear in the explication of *dog* and *kangaroo* — though not as a taxonomic head.

Wierzbicka (1985) explicated many generic-level terms, including *dogs*, *cats*, *horses*, *cows*, *tigers*, *squirrels*, *foxes*, *wolves*, *lions*, and *elephants*, among others. See Goddard (2011) for more recent explications of *cats*, *mice*, and *rats*. As noted by Wierzbicka (1985), people’s general knowledge about an animal species greatly depends on its role in human life: expressions such as *domestic animals*, *farm animals*, *zoo animals* and *wild animals* reflecting different domains and degrees of contact.

The template used below follows Wierzbicka (1985, 2013) with the following sections (except that with *dogs*, there is a special ‘Exceptional Relation With People’ section inserted in second position): Category, Where They Live, Size, Body, Sounds, Behavior, Relation to People, How People Think About Them. One open question is whether the final section deserves to be included or whether it should be dealt with as a cultural script; see end of section 5.1.

5.1. Dogs

Explication [F] is one of the longest and most complex of all generic-level explications, which is only to be expected, given that dogs are the most familiar of all domestic animals. Indeed, it is believed that they co-evolved with humans from wolf-like ancestors, this accounting for their highly developed social cognition (Hare, et al. 2002). Dogs also come close to being a “universal animal”, in the sense of being known by the vast majority of the world’s cultures, albeit with differing roles and cultural attitudes. Here we focus on *dogs* as they are seen in the Anglo English linguaculture.

The phraseology associated with *dogs* is extensive, including body-parts and endonyms, vocalisations, stage of life, words related to keeping and looking after dogs, compounds related to “working dogs”, commands, breeds (specifics), cousin species, and numerous sayings and proverbs. Space prohibits reviewing these in any detail here.

◆ *paws, snout, wag tail* ◆ *bark, growl, whimper, whine, howl, snarl, pant, yelp*
 ◆ *woof-woof, bow-wow* ◆ *puppy, pup, bitch* ◆ *leash, collar, muzzle, kennel, dog food*
 ◆ *walk the dog, train a dog, wash the dog, dog-trainer* ◆ *farm dog, sheep dog, cattle dog, working dog, hunting dogs, police dogs, security dogs, guard dogs, sniffer dogs, guide dogs, seeing-eye dogs, show dogs* ◆ *commands (fetch!, sit!, lie down!, come!, heel!)* ◆ *mongrel, mutt, dog breeds (Labrador, poodle, terrier, beagle, greyhound, Corgi, etc.)* ◆ *wolf, dingo, hyena*

◆ *sick as a dog, treated like a dog, a dog’s life, in the dog house, die like a dog*
 ◆ *man’s best friend, you can’t teach an old dog new tricks, let sleeping dogs lie.*

There are many aspects of explication [F] that warrant discussion. Space permits only five observations at this point. First, the explication asserts “canine exceptionalism” from the onset, in sections (a) and (b), and this is elaborated in great detail in the lengthy section (g) ‘Relation to People’. Second, the Size and Body sections, (c) and (d) respectively, provide for a great deal of diversity. Third, section (e) attempts to capture some of the complexities of dog sounds, in particular, the “messages” expressed (or thought to be expressed) by barking and by growling. The existence of howling (whimpering, etc.) is also briefly alluded to. Fourth, the Behaviour section (f) includes not only some typical behaviours and abilities of dogs, but also their tail wagging and their sense of smell. Fifth, the ‘Relation to People’ section (g) is extensive, including their role as pets and companions, the special relationship that dogs can have with their owner or master, their territoriality (though possibly this should be positioned under Behaviour), and how they can help people in many tasks. The possibility of people mistreating dogs is also mentioned. I reserve discussion of the final section (h) until after the explication.

Along with the astonishing degree of semantic detail, a striking feature of the explication is how frequently it attributes human-like capacities of thinking (and even, saying) to dogs, albeit the model thoughts are short and context-bound.

[F] *dogs*

a.	creatures [m] of one kind
they are animals [m], at the same time they are not like animals [m] of other kinds	CATEGORY
b.	they want to do many things with people, they can do many things
as people want
many of them live with people because people want this
many of them are like this: when people say some words to them because
these people want them to do something, they can know what these people want to say	EXCEPTIONAL RELATION
WITH PEOPLE
c.	some of them are big, someone can’t pick up [m] one like this
some of them are small, someone can pick up [m] one like this with two hands [m]
some are very small, some are very big	SIZE

- d. their bodies are like this: BODY
- one part of the head [m] sticks out [m], this part is below the eyes [m]
the nose [m] is part of this part of the head [m], the mouth [m]
is part of this part of the head [m]
 - their ears [m] are on two sides of the top [m] of the head [m]
 - they have sharp [m] teeth [m]
they have long [m] tongues [m], often people can see parts of their tongues [m]
 - they have two legs [m] at the front [m] of the body
they have two legs [m] at the back [m] of the body
 - some of them have long [m] legs [m], some don't have long [m] legs [m]
 - many of them have a long [m] tail [m], some don't have a long [m] tail [m]
- e. they can do some things with the mouth [m], when they do this, people can hear SOUNDS
- something of one kind because of it, someone far away can hear it — barking
 - when people hear something of this kind, they can think about it like this:
"it wants to say something like this: 'something is happening here now,
I feel something now because of it, I want to do something now because of it' "
 - they can do some other things with the mouth [m], when they do this, — growling
people can hear something of another kind because of it
 - when people hear something of this other kind, they can think about it like this:
"it wants to say something like this to someone: 'I feel something bad towards you,
I want to do something bad to you with my teeth [m]'"
 - they can do some other things with the mouth [m] — other sounds
when people hear something because of this, they can think about it like this:
"it is feeling something very bad now"
- f. they can do things like this: BEHAVIOUR
- when they want to be somewhere else after a short time,
they can move quickly [m]
 - they can do many things with their mouths [m]
they can bite [m] other creatures [m], they can bite [m] people
they can pick up [m] something with their mouth [m],
they can hold [m] something with their mouth [m]
 - often when they want to eat [m] something, they want to eat [m] meat [m]
 - sometimes they kill [m] creatures [m] of other kinds
 - when they feel something good towards someone, — tail wagging
they often do something with their tails [m]
when they do this, the tail [m] moves many times in a short time
 - when one of them is in a place, it can know many things — sense of smell
about this place because it can do something with the nose [m]
if someone was in this place not long before, it can know it
- g. many people feel good things towards them RELATION TO PEOPLE
- many of them live in people's houses [m] because — domestic
these people want this,
 - many of them live near people's houses [m] because these people want this
 - often these people think about such animals [m] like this: "this is someone" — pets
they do some good things for this animal [m]
they often want it to know that they feel something good towards it
at the same time they want to know that it feels something good towards them
 - sometimes it is not like this, sometimes some people — mistreatment
do very bad things to animals [m] of this kind
 - many animals [m] of this kind think about someone like this: — owner, master
"this someone is not like any other someone"
when one of them thinks like this about someone, it wants to often
be with this someone, it wants to often do things with this someone
 - sometimes animals [m] of this kind think about a place like this: — territory
"this place is not like any other place"
when one of them thinks like this about a place, it wants
other animals [m] not to be in this place

- some animals [m] of this kind can do things of some kinds as people want — work
it can be good for people if these animals [m] do these things
- h. when people think about animals [m] of this kind, HOW PEOPLE THINK
they often think about them like this: ABOUT THEM
“animals [m] of this kind are like no other animal [m]
when someone is with one of them, this someone can feel something good
like someone can feel when this someone is with other people”
at other times they think about them like this:
“they are not like people
sometimes they do things with their parts of their bodies not like people do
if people did such things, it would be very bad”

There are several notable aspects surrounding the ‘How People Think About Them’ section. First, the wording of the introductory component (‘when people think about animals [m] of this kind, they often think about them like this: ...’) is slightly different to that of the comparable section in explication [E] (‘people can think about creatures [m] of all these kinds like this: ...’). This is a minor, and presumably innocuous, difference due to the different structure of generic-level, as opposed to life-form, concepts. Second, there is the more problematical issue of how to capture the idea that *dogs* can be thought of as sexually loose, i.e. indiscriminate in their mating, as well as sometimes engaging in other potentially disgusting bodily behaviours, e.g. licking or sniffing each other’s genitals. The idea behind the component is to indicate the general nature of such behaviours without going into too much detail.

A final and more general question is whether a ‘How People Think About Them’ section deserves to be included in the semantic explication at all. An alternative approach would be to represent the same content using a kind of cultural script (Goddard 2009, Wierzbicka 2015). Cultural scripts, briefly, are the NSM mechanism for representing social attitudes and norms, especially concerning ways of speaking, thinking and acting. They typically begin with a component like: ‘many people think like this: ...’ or ‘people often think about it like this: ...’. To depict commonly-held attitudes about dogs and other species, the following framing components might work:

- it is like this:
when people think about dogs, they often think like this: ...
“...
...”
many people know this

This issue is not a simple one and it is not possible to explore all the ramifications and possibilities here. Whatever the appropriate mechanism for capturing cultural attitudes towards *dogs* (or any other species), it is clear that they can differ widely across cultures and thus must be captured as part of any comprehensive ethnolinguistic description.

5.2. Kangaroos

From an ethnosemantic point of view, *kangaroos* contrast with *dogs* in many ways. They are little known by personal contact to English speakers outside Australia, but are widely known by reputation, as it were. *Kangaroo* was one of the earliest loan words into English from an Australian Aboriginal language, the Guugu Yimidhirr language of north Queensland (Haviland 1977). It was first recorded by the botanist Joseph Banks during

Captain Cook's 1770 voyage to Australia, and on account of the strangeness of the animal (to Europeans), the word *kangaroo* quickly became internationally well-known.

Kangaroos are well represented in films, television, books, toys and souvenirs around the world. They are strongly associated with Australia, and indeed, the kangaroo is a symbol of Australia. There is a kangaroo on the Australian coat of arms (along with an emu), a kangaroo in motion is the logo of the national airline Qantas, and numerous Australian sporting mascots and other logos feature kangaroos. Visitors to Australia will find a kangaroo (a small group of them) on the \$1 coin. Figure 1 shows some visual images that are familiar to most Australians.

The phraseology associated with *kangaroos* is not as varied as that for *dogs*, which of course makes sense given that kangaroos are wild animals. With the exception of *pouch*, and possibly *joey* (young kangaroo), much of it is not widely known outside Australia. In Australia, kangaroos are often called *roos*. They are very common, so much so that on many country roads people worry about *hitting a roo* (hence the value of having a *roo bar* fitted to your car). "Kangaroo crossing" road signs are common. The form *-roos* is used in the names or nicknames of national sports teams, such as the *socceroos* and *hockeyroos* (men's soccer and women's field hockey teams, respectively) and *jillaroos*, the national women's rugby team. In Australia, most people would be familiar with the collective noun *mob*, referring to a group of kangaroos (often 6-10, or more, in number).

Kangaroo meat (*roo meat*) is available in many supermarkets. People know that kangaroos are not farmed and that *kangaroo meat* is obtained from commercial shooting of wild kangaroos. The collocations *roo shooter* and *roo shooting* are well attested (also *kangaroo hunting*, *kangaroo hunter*, and less so the term *kangaroo harvest*). Kangaroos are also shot as a population control measure on farms and in national parks, a controversial practice known as *kangaroo culling* (also, the *kangaroo cull*).

Figure 1: Some familiar images and iconographic uses of *kangaroo* in Australia.

At the bottom right is an advertising still for a 2018 movie "Kangaroo".

Note the small figure of the *roo shooter* in the background

Explication [G] is intended to capture the “concept maximum” of *kangaroo* in Australian English, supported by the linguistic and other evidence summarized above. How much of this semantic content is shared across English speakers will be discussed in section 6.

A few observations follow. In relation to section (a), it is interesting to note that in reality “the kangaroo” is not a single species at all. There are several distinct species of kangaroo, and as well there are wallabies, which are smaller but have a similar body shape (they are all technically macropods). Nonetheless, from the semantic-conceptual point of view of Anglo Australians, *kangaroos* are ‘creatures [m] of one kind’.

Section (b) is notable for including the country word ‘Australia [m]’ as a semantic molecule in the ‘Where They Live’ section. It is more usual to find words for “habitat zones”, such as ‘jungle’ or ‘desert’, in this section (or expressions like ‘places where there is a lot of snow’), though presumably ‘Africa [m]’ appears as a molecule in English words like *lion* and *giraffe*. As it happens, there are a large number of species endemic to Australia, and some of them, such as *koala*, *dingo*, and *platypus*, are part of the everyday, non-specialist lexicon. As with *kangaroos*, there would be a case for including ‘Australia [m]’ in explications for these words; cf. also Bromhead (2011) on the Australian English sense of ‘the bush’.

The idea behind section (c) is that the Size component depends on comparison with the human body, but the exact wording is open to question. It would be possible to use the expression ‘someone’s body’, but intuitively this sounds vague, even odd, and allows the unwanted possibility that the ‘someone’ could be a child. The solution adopted here is to make the comparison with a ‘man’s [m] body’. Needless to say, it gives one pause to think that the implicitly anthropocentric standard of comparison may be “crypto-gendered”.

The Body section (d) is detailed, with attention paid to the unusual non-quadrupedal body, the long feet, long tail, typically upright stance, and so on. The description of the legs as ‘strong [m]’ echoes the common expression “powerful hind legs” and in relation to the feet it is interesting to note the Latin name for the genus, i.e. *macropod*, literally, ‘large foot’. The internal ordering in this section, i.e. with legs coming first, is motivated by its conceptual prominence against the prototypical four-legged “model animal”. It should also be noted that the Marsupial aspects of the kangaroo’s body (pouch, etc.) are not included here but are given in a separate section: section (g). This is because these components seem to require coordinated use of “body” and “behavior” components, on account of the relationship between ‘pouch’ and ‘joey’.

The Sounds (e) section of the template is empty.

In section (f), the words ‘jump’ and ‘hop’ have not been used, even though they are commonly used to describe the kangaroo’s mode of locomotion. There are three reasons: first, the basic sense of ‘jump’ is a single action in one place, which creates problems with using it as a molecule to describe repeated actions; second, it would be hard to choose between ‘jump’ and ‘hop’; third, to describe the “bounding” forward motion requires such an amount of additional detail that there is little to be gained by employing ‘jump’ or ‘hop’ as molecules.

As mentioned the “marsupial” aspects of the explication, essentially, the distinctive ‘pouch’ of the female kangaroo, and its role in sheltering and nurturing the young ‘joey’, are dealt with in section (g). Some aspects of this section are no doubt unknown to many English speakers outside Australia, and probably to some Australians as well. Note that the word ‘pouch’ is included, not as a molecule but as a name: ‘it is called [m] a pouch’.

The Relation to People section (h) deals with kangaroos as a source of meat, and with the fact that they are hunted and ‘culled’. The final ‘How People Think About Them’ section attempts to capture the role of *kangaroos* as an international symbol of Australia: ‘when people in many countries [m] think about these animals [m], they often think about Australia [m] at the same time’. The form of this component is perhaps not optimal.

[G] *kangaroos*

a. creatures [m] of one kind	CATEGORY
they are animals [m], at the same time their bodies are not like the bodies of many other animals [m]	
b. they live in many places in Australia [m]	WHERE THEY LIVE
c. they are big	SIZE
their bodies can be big like a man’s [m] body	
d. their bodies are like this:	BODY
the two legs [m] at the front [m] of the body are not like other animals’ [m] legs [m] they are like small arms [m]	— legs
the two legs [m] at the back [m] of the body are big, they are very strong [m] at the bottom [m] of the legs [m] at the back [m], there are two long [m] feet [m]	
— they have a very long [m] tail [m]	— tail
the part of the tail [m] close to the back [m] of the body is very thick [m] when they are not moving, the tail [m] touches the ground [m]	
— the bottom [m] part of their body is very wide [m]	— general “look”
— the head [m] is small	
one part of the head [m] sticks out [m], this part is below the eyes [m]	
the nose [m] is part of this part of the head [m]	
the mouth [m] is part of this part of the head [m]	
— their two ears [m] stick up [m] on two sides of the top [m] of the head [m]	
— when they are not moving, their head [m] is often above all the other parts of their body, like a person’s head [m] is above all the other parts of a person’s body when the person is standing [m]	— upright posture
e. —	SOUNDS
f. animals [m] of this kind can do things like this:	BEHAVIOUR
— when they want to be somewhere else after a short time, they move not like many other animals [m]	— movement
when they do it, the same thing happens many times	
it happens like this:	
— for a very short time the front [m] parts of the feet [m] touch the ground [m], at this time the tail is high (= far) above the ground [m]	
— after that the whole body is above the ground [m] for some time	
— during this time it moves forwards [m] quickly [m]	
— after that it touches the ground [m] like before	
when they do this, they can move quickly [m]	
— often when they want to eat [m] something, they want to eat [m] grass [m]	— food
— often people can see many animals [m] of this kind in one place	— mob

- g. animals [m] of this kind have bodies of two kinds, MARSUPIAL POUCH
 like other animals [m] have bodies of two kinds
 before one of them is born [m], its small body is inside the body of a big animal [m]
 of one these two kinds, like a child [m] is inside its mother's body [m] before it is born [m]
 after it is born [m], the body of the small one is very very small,
 not like many other animals [m]
 before it can be big, it has to (= can't not) be for some time inside
 a part of its mother's [m] body
 this part is not like any other part of this animal's [m] body, it is called [m] 'a pouch'
 it is at the front [m] of the big animal's [m] body, in the middle [m]
 it is open [m] at the top [m]

 after it is born [m], a small animal [m] of this kind lives inside this part — joey
 for some time, when its body is very very small, it is always inside this part
 after its body is not very very small anymore, its small head [m] can be not
 inside this part at some times (people can see the head [m] sticking out [m])
 after some time more, when its body is big, the small animal [m]
 can be not inside this part for a short time
 it can be eating [m] grass [m] near its mother [m] for a short time
 if it feels something bad during this time, it can jump [m] inside this part like before
- h. — people can eat meat [m] of animals [m] of this kinds RELATION
 — sometimes some men kill [m] them with guns [m] because they know that TO PEOPLE
 many people think like this: "it is good if people can eat
 this meat [m] when they want"
 — sometimes some men [m] kill [m] them with guns [m]
 because some people think like this about a place:
 "there are very many animals [m] of this kind in this place,
 this is bad for this place"
- i. — when people in many countries [m] think about these animals [m], HOW PEOPLE THINK
 they often think about Australia [m] at the same time ABOUT THEM

Needless to say, there are many facts about kangaroos which are not mentioned in this explication; for example, the use of the tail in pushing forward while grazing and hopping, the fact that kangaroos have claws, that there is a notable size differences between male and female, that Aboriginal people hunt kangaroos for meat and many other purposes. I have tried to stick to aspects which are well supported by linguistic evidence.

6. DISCUSSION AND CONCLUSION

The present study has sought to revisit Wierzbicka's (1985) ground-breaking explorations into the semantics of words for natural kinds, and to update and augment her many insights from the perspective of the NSM approach in its current stage of development, more than three decades later.

The most striking claim remains that it is indeed possible to explicate the conceptual content of natural kind terms, given detailed attention to linguistic evidence, but that such explications are astonishingly complex — both in their sheer length (typically 30-40 lines of semantic text) and in the number of semantic molecules involved (more than 50 unique molecules in this study alone). Many of the semantic molecules required for ethnozoological concepts are not specific to this domain, e.g. words for body-parts, physical qualities, environmental words, some action and activity verbs, but others are: specifically, the higher-level categories such as 'creatures', 'animals', 'birds', and 'fish'.

The present study has focused on the English language, while acknowledging that the near-equivalents of most of the words explicated, including those designating higher-level categories, vary across languages.

Clearly, semantic templates play an indispensable role in disciplining the vast semantic complexity of ethnozoological concepts. The templates, shared by numerous words from the same domain, provide a stable frame (like a questionnaire or checklist, Wierzbicka 1985: 192) which can be filled out and elaborated over childhood as one acquires more and more knowledge and integrates it into the updated cognitive model. The template concept helps us understand how one's model of an unfamiliar species may have "placeholder" sections which are very sketchy or even blank, and — evidently — there can be variation between speech communities, and, presumably, even between individual speakers of a single language. The idea of "concept maximum" and "concept minimum" are useful constructs to help support discussion of such variation.

It must be remembered that the extent to which a speech community or individual approaches the concept maximum for a given species does not depend only, or even mainly, on their personal contact with the species in question. In many cases, the great majority of one's semantic knowledge is linguistically mediated, i.e. acquired from discourse. Yet the volume, detail and character of discourse about animals differs according to physical, environmental and cultural setting. In Australia, for example, *kangaroos* feature in discourse to a much greater extent than say, *badgers* or *beavers*, though the opposite would be the case in England or Canada, respectively. As Wierzbicka (1985: 223) put it: "having said all this I feel it should be admitted that folk names of biological genera ... do seem to be more subject to interpersonal variation than nearly all other kinds of concepts encoded in natural language".

Appendix A: Semantic primes

Semantic primes (English exponents) grouped into related categories

I, you, someone, something~thing, people, body, kinds, parts	Substantives
this, the same, other~else	Determiners
one, two, much~many, little~few, some, all	Quantifiers
good, bad, big, small	Evaluators and Descriptors
know, think, want, don't want, feel, see, hear	Mental Predicates
say, words, true	Speech
do, happen, move	Actions, Events, Movement
be (somewhere), there is, be (someone/something)	Location, Existence, Specification
(is) mine	Possession
live, die	Life and Death
when~time, now, before, after, a long time, a short time, for some time, moment	Time
where~place, here, above, below, far, near, side, inside, touch	Locational
not, maybe, can, because, if, very, more, like	"Logical" Concepts

Notes: — Exponents of primes can be polysemous, i.e. they can have other meanings in addition to the semantically primitive meaning — Exponents of primes may be words, bound morphemes, or phrasemes — They can be formally complex — They can have language-specific combinatorial variants or "allolexes" (indicated with ~) — Each prime has well-specified syntactic (combinatorial) properties.

Appendix B: Explications for semantic molecules: 'eggs', 'wings', 'feathers'

eggs

things of one kind

when people see one of these things, they can know that some time before

it was inside the body of a creature [m] of one kind

people can know that there can be a small creature [m] of the same kind inside it
at the same time they know that there can be something else inside it, they can know

that people can eat [m] this something else (this other stuff)

things of this kind are small, someone can hold [m] one of them in one hand [m]

they are smooth [m]

people know that when someone's hands [m] touch one of these things on all sides,

this someone can think: "this is like something round [m]"

people know that if something hard [m] touches one of these things quickly [m],

something can happen to it in one moment because of this

they can know that if this happens, after this, this thing can be not one thing anymore

◆ Note: There is another *egg* meaning, basically, 'chicken egg'.

wings

two parts of the bodies of some creatures [m]

they are on two sides of the bodies of these creatures [m]

they can move as this creature [m] wants

because their bodies have these parts, these creatures [m] can move as they want
in places above the ground [m]

feathers

things of one kind

they are parts of the wings [m] of some creatures [m]

when people see the wings [m] of these creatures [m], they can see many of these things there

if people see things of this kind somewhere else at some time, they can know that before

they were part of the body of one of these creatures [m]

people can think about things of this kind like this:

"many parts of these things are soft [m]

one part is not soft [m], this part is something long [m], it is in the middle [m] of this thing

one small part of this long thing is sharp [m]

when things of this kind are part of the body of a creature [m], this small part is

inside this creature/s [m] skin [m]

© Cliff Goddard, 2018

REFERENCES

- Apresjan, Ju D. (1969). O yazyke dlya opisaniya znachenii slov. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR, Seriya Literaturny i Yazyka*, 28, 415—28.
- Apresjan, Ju D. (1992[1974]). *Lexical Semantics: User's Guide to Contemporary Russian Vocabulary*. Ann Arbor: Karoma. [Orig. published in 1974 as *Leksicheskaya semantika — sinonimicheskie sredstva yazyka* (In Russ.), Moskva: Nauka].
- Apresjan, Ju D. (2000). *Systematic lexicography*. (Windle, K. Trans.). Oxford: Oxford University Press.
- Atran, S. (1990). *Cognitive foundations of natural history*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Berlin, B. (1992). *Ethnobiological classification: Principles of categorization of plants and animals in traditional society*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

- Bromhead, H. (2011). The bush in Australian English. *Australian Journal of Linguistics*, 31, 445—471.
- Brown, C. (1979). Folk zoological life forms: Their universality and growth. *American Anthropologist*, 81, 791—817.
- Goddard, C. (ed.). (2008). *Cross-linguistic semantics*. Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, C. (2009). Cultural scripts. In Senft, G., Östman, J-O, & Verschueren, J. (eds.), *Culture and language use*. Amsterdam: John Benjamins, 68—80.
- Goddard, C. (2011). *Semantic analysis. A practical introduction*. Revised 2nd edition. Oxford: Oxford University Press.
- Goddard, C. (2012). Semantic primes, semantic molecules, semantic templates: Key concepts in the NSM approach to lexical typology. *Linguistics*, 50(3), 711—743.
- Goddard, C. (2016). Semantic molecules and their role in NSM lexical definitions. *Cahiers de lexicologie* 2016-2, N° 109, 13—36.
- Goddard, C. (2017). *Furniture, vegetables, weapons*: Functional collective superordinates in the English lexicon. In Ye, Z. (ed.) *The semantics of nouns*. Oxford: Oxford University Press, 246—281.
- Goddard, C. (2018). Minimal English: The science behind it. In Goddard, C. (ed.) *Minimal English for a global world: Improved communication using fewer words*. London: Palgrave Macmillan, 29—70.
- Goddard, C. & Wierzbicka, A. (eds.) (2002). *Meaning and universal grammar: Theory and empirical findings*, 2 vols. Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, C. & Wierzbicka, A. (2014). *Words and meanings: Lexical semantics across domains, languages and cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Haviland, J. B. (1974). A last look at Cook's Guugu-Yimidhirr wordlist. *Oceania*, 44 (3), 216—232. [<http://pages.ucsd.edu/~jhaviland/Publications/HavilandOceania.pdf>]
- Kripke, S. (1977). Naming and necessity. In Davidson, D. & G. Harman (eds.), *Semantics of natural language*. Dordrecht: Reidel, 253—355.
- Hare, B., Brown, M., Williamson, K. & Tomasello, M. (2002). The domestication of social cognition in dogs. *Science* 298, 1634—1636.
- Rosch, E. (1977). Human categorization. In Warren, N. (ed.), *Advances in cross-cultural psychology*. Vol. 1. London: Academic Press, 1—49.
- Rosch, E. (1978). Principles of categorization. In Rosch, E. & B. Lloyd (eds.), *Cognition and categorization*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 27—48.
- Wierzbicka, A. (1985). *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor: Karoma.
- Wierzbicka, A. (1996). *Semantics: Primes and universals*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, A. (2007). Bodies and their parts: An NSM approach to semantic typology. *Language Sciences*, 29(1), 14—65.
- Wierzbicka, A. (2009). The theory of the mental lexicon. In Kempgen, S., P. Kosta, B. Tilman & K. Gutschmidt (eds.), *The Slavic languages: An international handbook of their structure, their history and their investigation*. Berlin: Mouton de Gruyter, 848—863.
- Wierzbicka, A. (2013). Polish *zwierzęta* 'animals' and *jabłka* 'apples': an ethnosemantic inquiry. In Głaz, A., Danaher, D.S. & Łozowski, P. (eds.), *The linguistic worldview: Ethnolinguistics, cognition, and culture*. London: Versita, 137—159.
- Wierzbicka, A. (2014). *Imprisoned in English: The hazards of English as a default language*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, A. (2015). Language and cultural scripts. In Sharifian, F. (ed.), *The Routledge handbook of language and culture*. Routledge, 339—56.
- Ye, Z. (ed.). (2017). *The semantics of nouns*. Oxford: Oxford University Press.

Article history:

Received: 10 April 2018

Revised: 25 May 2018

Accepted: 30 May 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 апреля 2018

Дата принятия к печати: 30 мая 2018

For citation:

Goddard, Cliff (2018). A Semantic Menagerie: The Conceptual Semantics of Ethnozoological Categories. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 539—559. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-539-559.

Для цитирования:

Goddard, Cliff. A Semantic Menagerie: The Conceptual Semantics of Ethnozoological Categories // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 3. С. 539—559. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-539-559.

Bionote:

CLIFF GODDARD is Professor of Linguistics at Griffith University. He is a leading proponent of the Natural Semantic Metalanguage approach to semantics and its sister theory, the cultural scripts approach to pragmatics, also known as ethnopragmatics. His recent publications include the edited volume *Minimal English for a Global World* (2018 Palgrave), *Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages and Cultures* (co-authored with Anna Wierzbicka; 2014 OUP), the textbook *Semantic Analysis* (2nd ed., 2011 OUP) and *Ten Lectures on Natural Semantic Metalanguage* (2018 Brill).

Contact information: E-mail: c.goddard@griffith.edu.au

Сведения об авторе

КЛИФФ ГОДДАРД — профессор лингвистики в Университете Гриффит (г. Брисбен, Австралия). Он является ведущим разработчиком Естественного Семантического Метаязыка в семантике и теории культурных скриптов в прагматике, также известной как этнопрагматика. Среди его недавних публикаций: сборник статей под его редакцией *Minimal English for a Global World (Минимальный английский для глобального мира)* (2018, Palgrave), книга в соавторстве с Анной Вежбицкой *Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains (Слова и значения: лексическая семантика в разных языках и культурах)* (2014, Oxford University Press), второе издание учебника *Semantic Analysis (Семантический анализ)* (2011, Oxford University Press) и *Ten Lectures on Natural Semantic Metalanguage (Десять лекций по Естественному Семантическому Метаязыку)* (2018, Brill).

Контактная информация: c.goddard@griffith.edu.au.

ACKNOWLEDGEMENTS

This study is a way-station an ongoing program of semantic inquiry into ethnobiology. Much of the work reported was co-developed with Anna Wierzbicka. Some of the material appeared in Goddard (2011), though all the explications have been revised. The material on *kangaroos* was presented at the 2018 Semantic Workshop at Australian National University.

БЛАГОДАРНОСТИ

Данная работа является частью проекта по семантическим исследованиям в сфере этнобиологии, в разработке которого активное участие принимала Анна Вежбицкая. Часть материала была ранее опубликована в (Goddard 2011), однако все толкования в данной статье обновлены. Материал по кенгуру был представлен на ежегодном Семинаре по семантике в 2018 в Австралийском национальном университете.

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-560-580

A Corpus Investigation of English Cognition Verbs and their Effect on the Incipient Epistemization of Physical Activity Verbs

Sally Rice¹ and John Newman^{1,2}

¹University of Alberta
116 St. and 85 Ave., Edmonton, AB, Canada T6G 2R3

²Monash University, Australia

Abstract

In the spirit of NSM accounts that attempt to build up a language's full expressivity from a small set of lexical primitives, we have investigated the usage in English of basic verbs of ideation (*think, know*) and physical activity (*strike, hit, go, run*) as they take on new epistemic meanings and functions, all the while calcifying in their inflectional range. It is well known that certain verbs of cognition in English such as *remember, forget, and think* are grammaticalizing into pragmatic particles of epistemic stance and, consequently, 1st person singular (1sg) forms account for the majority of usages. Likewise, we have carried out systematic queries and hand-tagging of corpus returns and have found that many verbs and phrasal expressions, ideational or not, seem to be associated with rather narrow collocational patterning, argument structure, and inflectional marking in almost idiom-like and constructional fashion. Moreover, we find that expressions associated with 1sg and 2nd person "cognizers" are, to a large extent, in complementary distribution, giving rise to fairly strong semantic differences in how *I* and *you* "ideate". In this study, we demonstrate the extent of inflectional and collocational specificity for verbs of cognition and physical activity and discuss implications this lexico-syntactic idiosyncrasy has for cognitive linguistics.

Keywords: *cognition, corpus methods, collocation, lexico-syntax, inflectional categories, epistemization*

Корпусное исследование английских глаголов мышления и их влияния на начальную эпистемизацию глаголов физического действия

Сэлли Райс¹ и Джон Ньюман^{1,2}

¹Университет Альберты, Канада
116 St. and 85 Ave., Edmonton, AB, Canada T6G 2R3

²Университет Монаш, Австралия

Аннотация

С позиций подхода ЕСМ, который стремится представить всю экспрессивность языка с помощью небольшого набора лексических примитивов, мы исследовали употребление английских базовых глаголов мышления (*think, know*) и глаголов физического действия (*strike, hit, go, run*), которые принимают новые эпистемические значения и функции. Хорошо известно, что определенные глаголы мышления в английском языке, такие как *remember, forget, think*, могут использоваться

в роли прагматических частиц эпистемического содержания и, как следствие этого, форма 1 лица единственного числа является наиболее употребляемой. В результате проведения систематических исследований ручной аннотации корпуса мы обнаружили, что для многих глаголов, как и фразовых выражений, характерна достаточно узкая сочетаемость, аргументативная структура и некоторые черты идиоматичности. Более того, нами обнаружено, что в выражениях, где глаголы мышления употребляются с первым и вторым лицом, в значительной степени в дополнительной дистрибуции, наблюдаются достаточно сильные семантические различия. В данной работе мы демонстрируем специфичность коллокаций глаголов мышления и глаголов физического действия и обсуждаем значение лексико-синтаксической идиосинкразии для когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: мышление, корпусные методы, коллокация, лексико-синтаксический анализ, инфлексивные категории, эпистемизация

1. INTRODUCTION

In the present study, we describe a number of relatively low-level patterns associated with basic verbs of ideation (THINK, KNOW), along with other peculiar inflectional patterns in a miscellany of constructions¹. In the case of the ideation verbs, it is the specific combination of subject pronouns and these verbs that will be our focus. Our interest lies in identifying recurring patterns of usage and, where possible, seeking motivation for such patterns in human experiential realities. This approach to the study of language, grounding language phenomena in broader cognitive realities, is rightly called a cognitive linguistic approach (see Dancygier 2017a for an introduction to the field of cognitive linguistics as currently practised and Dancygier 2017b for contemporary overviews of subfields). Our adoption of a corpus-based methodology to investigate these patterns reflects, too, a widely held view within cognitive linguistics that a usage-based approach is a tool of critical importance. Indeed Dancygier (2017a: 2) remarks that “actual usage is at the core of cognitive linguistics”.

Our decision to focus on the pair {THINK, KNOW} is based on a number of considerations: the relatively high frequency of such verbs in ordinary discourse; the closeness of each member of the pair to the other semantically, creating potentially interesting contrasts in the details of usage; the tendency for each of these verbs to become discourse markers. These considerations suggest that these two verbs have affinities with each other that can be profitably studied at a finer-grained level than has been done to date, giving insight into why they each take different paths in terms of semantic shift and why they manifest highly skewed and individualized agreement patterns.

More specifically, the aims of this study are (i) to identify statistically significant combinations of subject/object pronouns with select English verbal expressions using corpus-based methodologies; (ii) to identify preferences for the use of 1st person in other miscellaneous constructions, prompted by our findings from (i); and (iii) to reflect on the larger significance of our findings for the field of cognitive linguistics. We begin with some relevant background research on co-occurrence patterns of number/person and verb categories (§2). We then introduce the corpus and the statistical methods used in the study (§3), present the findings (§4), and discuss the larger significance of the findings for cognitive linguistics (§5).

¹ We use small caps (e.g. THINK) for any lemma (and for referring to lemma equivalents across languages) and italics (e.g. *think, thinks, thought*) for all inflected forms.

2. BACKGROUND

The co-occurrence patterns of pronouns with certain verbs have already received attention in the linguistics literature as part of the typological interest in the Hale-Silverstein person hierarchy of 1st > 2nd > 3rd (Hale 1972, Silverstein 1976), but there has been rather less interest in patterns occurring with specific *inflected* forms of verbs. For English, statements about co-occurring argument types (whether it is the semantics of the arguments or how hierarchies of person or animacy play out) are usually made at the lemma level.

In the context of corpus linguistic research, Sinclair (1991:8) suggested that inflectional differences may be more important in terms of their patterning than is commonly assumed, taking the inflected word form (rather than a lemma) to be the default unit of study: “There is a good case for arguing that each distinct form is potentially a unique lexical unit, and that forms should only be conflated into lemmas when their environments show a certain amount and type of similarity.” For example, in Sinclair’s illustration of this approach, adjectival forms like *bloody* and *bloodiest* are kept apart in a word count of a corpus, as are *is* and *are*. Sinclair’s position has been recently restated by Knowles & Don (2004: 71): “...it has become apparent that individual members of the lemma can behave independently and develop their own meanings and collocations”². Newman & Rice’s (2006: 31) notion of an “inflectional island” is very much in the same vein as Knowles and Don’s remarks, referring to syntactic/semantic properties that tend to inhere in individual inflections of a verb, rather than extending across all inflected forms of the lemma. In that paper, Newman and Rice found distinctive and intriguing patterns of PRO subjects with transitive and intransitive uses of EAT and DRINK verbs in spoken and written registers.

Recent research into patterning at the inflectional level has yielded promising results (cf. studies exploring quite specific lexical items such as Thompson & Mulac 1991, Aijmer 1997, Kärkkäinen 2003, and Van Bogaert 2011 on *I think*; Tao 2001, 2003 on *remember* and *forget*). Many of these studies focus on the grammaticalization of what have been termed complement-taking mental predicates into complement-less pragmatic markers. Unlike our study here, the majority of these previous analyses have not been corpus-based, although they have appealed to familiar corpus notions such as high frequency and increased collocational fixedness that do have a bearing on grammatical entrenchment or what Schoonjans (2012) has called “particulization”. He uses this concept in the context of the German ideational verb *glauben* ‘think/believe’, which has both lost its 1sg pronoun, *ich*, and its TAM (tense-aspect-mode) inflection and emerged as a sentence-medial modal particle, *glaub*, with the evidential force of ‘maybe’ or ‘perhaps’. While the present study is consonant with much of that prior grammaticalization research, our purpose is to examine why such grammaticalization came about in the first place through heavily skewed inflectional preferences (for 1sg.pres and 2.pres, respectively) affecting the major ideational verbs. Our aim is not to relitigate the case for the grammaticalization of these verbs into pragmatic markers, but to show how

² See also the references to earlier studies on person and number preferences with verbs in Scheibman (2001: 61—63, 2002: 1—87).

first-person singular (*I*) and second-person (*you*) ideation are associated with different semantic values which have had huge consequences for the incipient epistemization of non-ideational verbs. Not only do different types of predicates enter into the ideational arena, but they tend towards specific inflectional and collocational preferences, as we will show through a series of corpus searches and analyses. In short, the ways that “I ideate” as opposed to “you ideate” are strongly linked to connotations of *I think* and *you know* in the first place. These two epistemic constructions are different and differentially draw non-epistemic verbs and constructions into their respective orbits or, as we describe in §5, their respective “attractor basins” (in the sense of Spivey 2008).

Another uniquely valuable contribution to our understanding of inflectional level patterning in English is Scheibman’s (2001) discussion of subject types, sub-categorized in terms of person and number, with different classes of verbs. She throws light on the notion of “subjectivity”, understood as how speakers and writers use linguistic devices to express their own individual perceptions, feelings, and opinions. As in our present study, Scheibman’s (2001) research focuses on the preference for certain person and number choices (1st person singular, 2nd person singular, etc.) as grammatical subjects of verb types and her verb classes include cognition (*know, think, remember, figure out, etc*) verbs. While her study of these larger classes (alongside other broad categories) is helpful, especially when it comes to comparing results across lexical fields, we have chosen to explore linguistic patterning at a more fine-grained level, reporting on patterns involving selected individual verbs and expressions, i.e., *think vs. know, go vs. run through one’s mind, etc.*

It is appropriate to mention, too, relevant research in Natural Semantic Metatheory (NSM; cf. Wierzbicka 1996, Goddard 1997, Goddard & Wierzbicka 2014). While NSM does not employ the highly quantitative methods of some of the works mentioned above, it succeeds in providing insightful semantic analyses building upon a set of semantic primitives. It is not a coincidence that the verbs we have chosen to focus on are among the six mental predicates recognized in later versions of the inventory of semantic primitives in NSM, namely THINK, KNOW, WANT, FEEL, SEE, HEAR (using small caps here to denote these primitives, following the practice in NSM). NSM shares the broader cognitive linguistic interest in the role of ordinary bodily realities and experiences in motivating and shaping aspects of language behavior and it is not surprising that our own approach has brought us to a set of verbs that play a key role in NSM. The discussion of *I think* and miscellaneous other epistemic phrases of English in Wierzbicka (2006: Chapter 7) shows a further overlap between NSM and our own focus in this study. It is of interest to note that when they occur in definitions of words, these mental predicates in NSM may sometimes appear specifically with the 1SG pronoun. So, for example, the 1SG pronoun is required as the subject of WANT in the sequence of statements “many good things are happening to me now as I want; I can do many things now as I want; this is good” as part of the explication of *He was happy* (Goddard and Wierzbicka 2014: 103). In other publications, too, Wierzbicka has turned attention to the different semantic content associated with different choices of number/person subjects in expressions, e.g. 1SG and 3PL (e.g. *people*) subject frames of *to have a sense that* (Wierzbicka 2010: 169—176).

3. METHODOLOGY

Throughout this study, we rely upon the Corpus of Contemporary American English (COCA, <https://corpus.byu.edu/coca/>) for our English usage data. COCA is a corpus of contemporary American English (Davies 2008-) and has been tagged using the CLAWS 7 tagset. It is available to users via a web interface, which is how it was accessed for this study. The corpus consists of texts dating from 1990—2017 and is being added to each year (thus, it is a “monitor corpus”). We see spoken language as being particularly relevant in the present study, since it is in spoken language that one might expect to see a greater representation of emergent constructions. Our corpus searches will therefore be restricted to the spoken component of COCA or what we will call COCA_{sp}. COCA_{sp} consists of transcripts of unscripted conversation from more than 150 different TV and radio programs, making up over 118 million words at the time of writing (2018). The programs on which COCA_{sp} is based are largely concerned with American news and current affairs, along with some idiosyncratic interview-style programs. As such, the language of COCA_{sp} may be called naturalistic for these contexts because it is interactional, but it is not necessarily natural as far as ordinary, everyday conversation is concerned.

Regardless of grammatical case, we will refer to the six pronoun forms under investigation (1SG, 2, 3SGM, 3SGF, 1PL, 3PL) simply as the *pronouns* (PRO) without further qualification. Both upper-case and lower-case forms of the pronouns will be included in frequency counts. The decision to exclude *it* relates to specific interest in verbs of sentience occurring with animate, especially human, participants, rather than with inanimate. Sequences such as [PRO + verb] will be used as the basic proxy pattern for retrieving personal subject pronouns occurring with the verb forms. A refinement of this search pattern may be used to find the [subject PRO + present tense verb] sequences in declarative structures such as such *She knows a lot* and *What you know about dinosaurs is amazing*, but not *Does he know anything about dinosaurs?* While interrogative structures would be a viable and interesting extension of the present study, they will not be included here. In terms of “precision” (i.e., how well our returns match subject and verb combinations), our proxy search for PRO as the subject of a verb is high, attributable in part to the availability of the CLAWS 7 part of speech tags on the verbs, distinguishing present tense forms (vv0, vvz) from infinitival forms (vvi). The “recall” (i.e., the extent to which our returns include all the relevant subject-verb combinations), on the other hand, is not 100%. Subjects of verbs are, of course, not restricted to the position immediately to the left of the verb, even in declarative structures; rather, they can appear some distance to the left. With pronominal subjects, there is less likelihood of intervening relative clauses than with nouns (as in *He who thinks before acting is wiser*), but certainly adverbials can easily intervene (as in *I always think of her*). Recall is clearly not ideal, but, importantly, we use the same kind of search pattern in each case and the comparison across the search results is based on the methodological decision to use the same position immediately to the left of the verb in most searches. (We make an exception in the case of certain adverbs like *suddenly*, discussed below in §4.2.2.)

While frequency of occurrence of patterns lies at the heart of this study, we will make use of a more sophisticated (but easily understood) statistical measure in reporting on the verbs that are the main focus, i.e., the epistemic verbs, for which we have sufficient frequencies to test statistically. The statistical measure involves a calculation of *standardized residuals* associated with a chisquare statistic, indicating the extent to which particular pronouns occurring as the subject/object of a verb are overused or underused. In considering the patterning of PRO as the subject of a verb, the initial step is to determine the frequencies of the combination [PRO + present tense of any verb] in COCA_{sp}³. These frequencies may be called the baseline frequencies and are shown in Table 1. From these frequencies, we can see the proportions of *I*, *you*, *(s)he*, etc. in the whole corpus functioning as the subject of a verb in the present tense, expressed as percentages in Table 1.

Table 1

Baseline frequencies and percentages of occurrence of subject pronouns of all lexical verbs (base or present-tense forms) in COCA_{sp}

CLAWS Tag	PRO _{subj}	Raw Frequency	Row Total / Column Total as Percentage	Rank Order
[vv0]	<i>I</i>	718,184	39%	1
[vv0]	<i>you</i>	599,585	33%	2
[vvz]	<i>(s)he</i>	145,014	8%	5
[vv0]	<i>we</i>	207,887	11%	3
[vv0]	<i>they</i>	163,885	9%	4
Total		1,834,555	100%	

The frequencies of the pronouns occurring with the present tense of any verb in COCA_{sp} are “expected” to be in the same proportions as the overall proportions in Table 1 (or, more weakly, to share the same overall rank order). That is, we start with the assumption that the proportion of some phenomenon in a sub-part of the population will be identical to that found in the whole population (the “null hypothesis”, cf. Gries 2013b: 316—319) and proceed to show how likely this assumption is given the discrepancies between the observed and expected frequencies of the skewed agreement phenomenon we are investigating. Once the expected frequencies have been calculated, it is possible to compare them with the observed frequencies and evaluate the statistical significance of the difference between them, as in a chisquare test. The *standardized residuals* represent a standardized value of the difference between the observed and expected frequencies for each combination of pronoun and verb implemented in R (R Development Core Team 2014), obtained by calculating the differences between observed and expected frequencies, divided by the square root of the expected frequency (Agresti 2007: 38—39). Standardized residuals with values greater than +2 or less than

³ By “any verb”, we mean any “lexical verb”. This category excludes forms of DO, HAVE, BE, all of which have special properties in their auxiliary verb use. The frequencies in Table 1 were obtained by a series of searches using the strings “I.[pp*] [vv0]”, “you.[pp*] [vv0]”, “she.[pp*] [vvz]”, “he.[pp*] [vvz]” etc., with the “Chart” option selected to display total frequencies for each genre (“Section”) in COCA. All corpus findings were the result of searches in COCA during February 2018.

–2 indicate statistically significant overuse or underuse in those cells. It is also helpful to display the overuse and underuse of pronouns with verb forms graphically, as in an association plot (cf. Gries 2013a: 187—188), and we will make use of these plots in the course of our exposition⁴.

4. PRONOUNS + VERB PREFERENCES

4.1. The ideational verbs, THINK and KNOW

We begin our discussion with the distinct frequency profiles of inflected forms of THINK and KNOW in spoken English (here, in their simple present tense forms) with different agreement patterns as measured by their co-occurrence with the different subject personal pronouns. As we will argue in §5, these distributional differences have had a concomitant effect on the recruitment of non-ideational predicates and constructions to take on epistemic meanings in the language. We queried COCA_{sp} for all subject pronouns (except *it*) occurring with base or present-tense forms of *think* and *know*, using the POS (part of speech) tags, vv0, vvz, and compared those frequencies with all other lexical verbs in the spoken sub-corpus occurring with the same set of pronouns. Table 2a gives the raw (observed) frequencies for *think(s)* with a pronominal subject while Table 2b gives the standardized residuals when compared with the raw frequencies for all other verbs.

Table 2

(a) Observed frequencies for THINK [PRO + *think.vv0*|*vvz*] compared to frequencies of all other lexical verbs (base or 3sg present-tense forms) in the spoken subcorpus of COCA.

(b) Standardized residuals for THINK frequencies compared to frequencies of all other lexical verbs

(a)	<i>I</i>	<i>you</i>	<i>(s)he</i>	<i>we</i>	<i>they</i>
THINK	254,252	15,855	828	6,767	5,996
other	463,932	583,730	144,186	201,120	157,889
Total	718,184	599,585	145,014	207,887	163,885

(b)	<i>I</i>	<i>you</i>	<i>(s)he</i>	<i>we</i>	<i>they</i>
THINK	599.0677	-334.6267	-163.4517	-163.5032	-138.5127
other	-599.0677	334.6267	163.4517	163.5032	138.5127

Figure 1 shows the association plot for the distribution of *pro* x *think*⁵. For present purposes, it is the relative height of the boxes, reflecting the values of the standardized residuals, that is most relevant. The black rectangles in Figure 1 show the overuse of subject pronouns with present-tense forms of verbs in a more immediate and more striking way than by inspecting numerical tables. 1sg, while hugely overrepresented with THINK, is greatly underrepresented across the rest of the verbal lexicon, on average.

⁴ We used the functions `chisq.test()` and `$std` for the standardized residuals and `assocplot()` to create the association plots in the base package of R (R Development Core Team, 2018).

⁵ In the association plots shown here, black rectangles above a dashed line correspond to cases where the observed frequency is greater than the expected frequency; white rectangles below a dashed line correspond to cases where the observed frequency is less than the expected frequency. The area of a box in such plots is proportional to the difference in observed and expected frequencies; the width of the rectangle is proportional to the square root of the expected frequency; the height of the rectangle is proportional to the standardized residual.

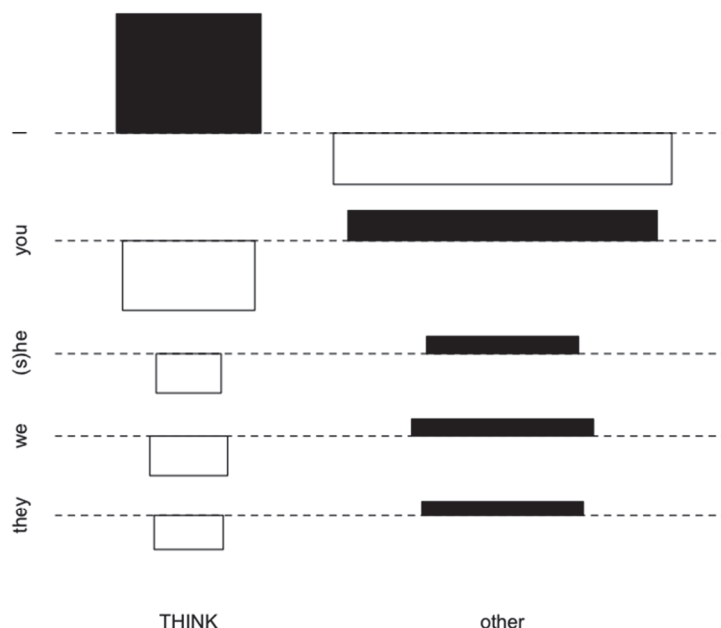

Figure 1. Association plot of PRO x THINK compared to other verbs in COCA_{sp}

The PRO x THINK distributions compared to PRO x OTHER VERBS distributions for THINK are but half of the story. When we look at the distributional frequencies for KNOW, we start to get a picture of the differential behaviour and distinct epistemizational attraction to concepts of first person singular ideation versus second person ideation. Table 3 gives the raw (observed) frequencies for *know(s)* with a pronominal subject as well as the standardized residuals when compared with the raw frequencies for all other verbs. Figure 2 shows the association plot corresponding to the distribution of pronouns given in Table 3. Comparing Figures 1 and 2, we see how *know* is the converse of THINK.

Table 3

(a) Observed frequencies for KNOW [PRO + *know.vv0* | *vvz*] compared to frequencies of all other lexical verbs (base or present-tense forms) in COCA_{sp}.

(b) Standardized residuals for KNOW frequencies compared to frequencies of all other lexical verbs

(a)	<i>I</i>	<i>you</i>	<i>(s)he</i>	<i>we</i>	<i>they</i>
KNOW	42,219	320,202	16,809	5,891	2,815
other	675,965	279,383	128,205	201,996	161,070
Total	718,184	599,585	145,014	207,887	163,885

(b)	<i>I</i>	<i>you</i>	<i>(s)he</i>	<i>we</i>	<i>they</i>
KNOW	-406.1812	745.5418	-92.84945	-217.1432	-201.8366
other	406.1812	-745.5418	92.84945	217.1432	201.8366

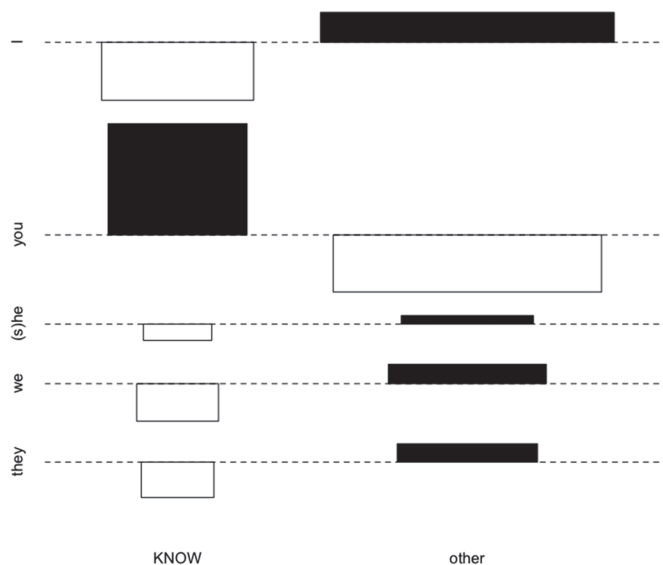

Figure 2. Association plot of PRO x KNOW compared to other verbs in COCA_{sp}

Our main purpose in this section is to establish, statistically, the attraction that THINK and KNOW have for particular inflectional forms of the subject pronouns, especially 1sg and 2 person subjects, rather than explore the particular constructions in which these combinations occur. The syntactic, semantic, and pragmatics of the individual uses of these verbs is beyond the scope of the present study. Even so, it is of interest to note the co-occurrence, indeed the juxtaposition, of *I think* and *you know* in examples such as (1a-b). In these examples, illustrating the two possible orders *I think* + *you know* and *you know* + *I think*, we see *think* used with a clause complement while *you know* appears as a complement-less pragmatic marker (cf. §2).

- (1) a. ***I think, you know, everything changes in politics, but I've, I've...*** (SPOK: NBC_MeetPress, 2007)
 b. ***You know, I think we will see that eventually.*** (SPOK: NPR_ATCW, 2006)

Although we are relying on the standardized residuals to establish the statistical significance of the overrepresentation of *I think* and *you know* in the corpus, it is still instructive to consider some relevant raw frequencies related to the use of subject pronouns and lexical verbs in the present tense in the corpus. Table 4 lists the 20 most frequent base forms ([vv0]) occurring immediately to the right of *I* and *you*, respectively. In this table, we can readily see the overall preference for verbs of cognition (*think, mean, know, want, guess, remember, understand, etc.*) in this construction with *I*. THINK is not just the top-ranked verb in the first column of this table, it enjoys nearly two and a half times the frequency of the second-ranked verb, MEAN (707,880 vs. 284,116). The fourth column lists the results for the 20 most frequent base forms co-occurring with *you*. One sees in these results a greater variation in the semantics than with the *I*-verbs, with non-cognition verbs such as GO, LOOK, SAY, TALK, COME, FIND, etc. making a conspicuous appearance in the list. Here, know is far and away the most

frequent verb (320,202), well ahead (at 12 times the frequency!) of the second-ranked verb, WANT (26,762). In other words, the particular preferences for *I think* and *you know* that we see in Figures 1 and 2 do not tell the whole story about the attraction of these verbs to 1sg and 2nd person subjects, respectively; these preferences are evident in a striking way even when all present tense verbs are considered. Nevertheless, as the two most frequent [PRO-verb.PRES] bigrams in COCA_{sp}, we have to acknowledge that *I think* and *you know* are, individually, huge constructional magnets for other expressions. It is incumbent, then, that we come to understand the particular semantic associations and connotations that imbue *I think* and *you know* since we find equally skewed distributions (by subject, object, or possessive pronoun agreement) with non-ideational expressions that have come to have epistemic force in the language, even though they were originally verbs of perception or physical action. Happily, corpus analysis can help us do this.

Table 4

The 20 most frequent sequences of *I* vs. *you*, respectively, with present tense lexical verbs (queried as [vv0]) in COCA_{sp}

1SG + verb.PRES	frequency	rank	2 + verb.PRES	frequency	rank
<i>I think</i>	707,880	1	<i>you know</i>	320,202	1
<i>I mean</i>	284,116	2	<i>you want</i>	26,762	2
<i>I know</i>	201,758	3	<i>you get</i>	17,431	3
<i>I want</i>	167,388	4	<i>you see</i>	16,810	4
<i>I guess</i>	82,616	5	<i>you think</i>	15,855	5
<i>I love</i>	68,174	6	<i>you look</i>	15,836	6
<i>I believe</i>	67,618	7	<i>you go</i>	14,708	7
<i>I feel</i>	62,274	8	<i>you say</i>	13,350	8
<i>I like</i>	54,782	9	<i>you need</i>	10,109	9
<i>I see</i>	54,498	10	<i>you take</i>	4,743	10
<i>I say</i>	53,060	11	<i>you talk</i>	4,631	11
<i>I hope</i>	49,798	12	<i>you put</i>	4,499	12
<i>I remember</i>	44,954	13	<i>you hear</i>	4,264	13
<i>I get</i>	41,936	14	<i>you like</i>	3,818	14
<i>I need</i>	39,570	15	<i>you feel</i>	3,808	15
<i>I understand</i>	30,592	16	<i>you make</i>	3,449	16
<i>I wish</i>	27,346	17	<i>you mean</i>	3,380	17
<i>I go</i>	23,902	18	<i>you start</i>	2,812	18
<i>I look</i>	23,670	19	<i>you come</i>	2,770	19
<i>I suppose</i>	22,622	20	<i>you find</i>	2,199	20

4.2. Miscellaneous activity verbs and constructions

Having established (i) that the basic verbs THINK and KNOW have highly skewed inflectional profiles and (ii) that *I think* and *you know* are uniquely privileged uses of THINK and KNOW and wildly dominant inflectionally speaking, we now turn to a range of verbal constructions that, when taken literally, have nothing to do with ideation, but which clearly have undergone epistemization processes in the language. That is, certain verbal constructions are turning into expressions about ideation or knowledge validation and they are turning up with highly skewed inflectional profiles of their own.

While we find these expressions interesting as cognitive linguists because they have taken on meanings beyond the literal and the physical, they prove to be especially fascinating to us as corpus linguists because they display similar inflectional skewing as we find with the two basic cognition verbs explored in §4.1. Moreover, through an examination of their frequencies by agreement and TAM, we can gain insight into how first person singular ideation is construed in English, compared to ideation affecting second persons. If language change or semantic shift is driven in part by analogy, then a better understanding of the different semantic associations affecting verbal expressions by person helps us make the larger point advocated by Sinclair and others that the inflected lexical form is the proper starting point for lexico-syntactic analysis, not the idealized lemmatized form. In this section, because the frequency counts are relatively low, we will only report raw frequency with no further statistical analysis. It is worth noting that the cognizer in the following constructions are not encoded as the subject of the verb, but as a down-stream thematic participant, construed as a patient or as the object of a preposition. The subject is generally a pleonastic, *it*, or the headless relative pronoun, *what*.

4.2.1. *It/What* STRIKE/HIT PRO

The two physical verbs that have re-lexicalized or, actually, constructionalized into verbs of ideation the most are STRIKE and HIT. Indeed, the participial adjective, *striking*, collocates most frequently with nouns that are associated with epistemic realization or discernment, such as *thing, resemblance, contrast, example, difference, and similarity*. With STRIKE and HIT, the cognizer presents as the direct object, as in *it struck me* or *what hit him* or as the prepositional object with progressive forms of strike, as in *it was striking to me*; therefore, our COCA_{sp} searches involved variants of these search strings: [*what|it* [strike|hit] (p*)] or [*what [BE] striking* (to) (p*)]. Tables 5 and 6 summarize the returns for STRIKE and HIT, respectively, by TAM and construction (cognizer is a pronominal DO or X). Corpus examples follow in (2) and (3).

Table 5

**Observed frequencies for [*what/it* STRIKE (to) PRO] in COCA_{sp}.
[*All 44 instances of *what struck you* are questions, with the *what* functioning as a bona fide question word, as opposed to the function of *what* to introduce a pseudo-cleft as in (2a).]**

strike	<i>me</i>	<i>you</i>	<i>him</i>	<i>her</i>	<i>us</i>	<i>them</i>	Row Total
<i>what strikes PRO</i>	111	26					137
<i>what struck PRO</i>	144	44*	1	1	4		194
<i>what's striking PRO</i>	1						1
<i>what is striking to PRO</i>	3						3
<i>what was striking to PRO</i>	6						6
<i>it strikes PRO</i>	191	3	2		3		199
<i>it struck PRO</i>	105	3	2	2	6	3	121
<i>it is striking to PRO</i>	3						3
<i>it was striking to PRO</i>	2						2
<i>Column Total</i>	566	76	5	3	13	3	666
<i>Column Total / Row Total as Percentage</i>	85%	11%	< 1%	< 1/2%	2%	< 1/2%	100%

- (2) a. *He can be personable, but he also can be very serious. Now **what is striking to me** is that he still seems removed from who he’s working for. I mean, he was clearly referencing Harvey Weinstein in respect for women, or that would be the best guess* (SPOK: CNN_Anderson Cooper, 2017).
 b. *It’s odd that he—well, **it strikes me** as a little bit odd that he continually talks about his struggle to get there, the reasons behind it, struggle, it’s well established, it’s done. I have a feeling he should stop talking like that if there’s any possibility that he’s going to get in this thing...* (SPOK: CBS_FaceTheNation, 2015).
 c. *Before this kind of gradual, almost indistinguishable, process of- of corruption. You know, **it struck me again**, in- in- in going back through it, how much it really is a parable of the dark side of the moon of the democratic proposition...* (SPOK: NPR_Weekend, 1996).

Table 6

Observed frequencies for [what/it HIT PRO] in COCA_{sp}. Note the pseudo-cleft uses of *what* in (3a-b).
 The relatively high values for *it hit/hits you* shouldn’t be taken at face value.
 Nearly all of them are used generically or refer back to the 1sg speaker, as in (3d)

hit	me	you	him	her	us	them	Row Total
<i>what hits PRO</i>	2	1				1	4
<i>what hit PRO</i>	9	7	12	1	3	8	40
<i>what’s hitting PRO</i>						1	1
<i>it hits PRO</i>	13	20	3		1	4	41
<i>it hit PRO</i>	79	16	4	6	4	2	111
<i>it’s hitting PRO</i>	1		2		1	1	5
<i>it is hitting PRO</i>	1						1
Column Total	105	44	21	7	9	17	203
Column Total / Row Total as Percentage	52%	22%	10%	3.5%	4.5%	8%	100%

- (3) a. *Well, I think that-**what hits me** about this ethics stuff, Robert, is that I’m surprised that the Democrats don’t see an opening with campaign finance reform.* (SPOK: NPR_ATC, 1995)
 b. *One of the lawyers for detainees approached me and said, I want my clients’ art to be exhibited. I said, what do you mean? There’s art made at Guantanamo. **What hit me** at first was how normal they seem. Shouldn’t their drawings be so much more angry?* (SPOK: PBS_Newshour, 2017)
 c. *Every once in a while **it hits me**. I’ll be driving along or whatever, just by myself, and start to think about it, and it was really close. I mean any — a foot either way, an inch either way, it would have been over for me.* (SPOK: ABC_PrimeTime, 1994)
 d. *You know, after the firefight’s over and the adrenaline rush is over and you started — you know, you’re all soaking wet and just feel like your legs won’t hold you, you know, **it hits you**. I just took a life.* (SPOK: Dateline_NBC, 2008)

It is apparent from the counts, the examples, and the brief commentary in this section that STRIKE and HIT, when used to convey mental (not physical) force, have an overwhelming preference for 1sg objects construed as the target of sudden realization. More than three-quarters of the returns in COCA_{sp} for this family of [what/it STRIKE/HIT PRO] constructions are about 1SG ideation. Obviously, STRIKE and HIT bring many

semantic associations from the physical world when used figuratively. They both suggest punctual, telic, and dynamic action, which, we argue, carries over into how 1SG ideation is construed more generally. We return to this point in §5.

4.2.2. It DAWN on PRO

For *it to dawn on someone* is a particularly nice figurative expression in English to describe epistemic realization. The various TAM-inflected forms of what is otherwise a concrete verb, DAWN, describing the path of the sun and the return of daylight (widely associated with consciousness and understanding), show an overwhelming preference for 1SG prepositional objects, the nominal relation that encodes the cognizer in this construction. Table 7 shows the raw frequencies from COCA_{sp} by TAM and person of the prepositional object. We have broadened the searches to also include the adverbs which collocate with *it dawns/dawned on*. We provide some actual corpus returns in (4).

Table 7

Observed frequencies for [*it* (ADV) DAWN on PRO] in COCA_{sp}

dawn on	me	you	him	her	us	them	Row Total
<i>it dawns on PRO</i>	3			1		1	5
<i>it dawned on PRO</i>	33	3	9	1	1	2	49
<i>it never dawned on PRO</i>	9				2		11
<i>it just dawned on PRO</i>	8			1			9
<i>it really dawned on PRO</i>	8	1					9
<i>it finally dawned on PRO</i>	4		3		1		8
<i>it suddenly dawned on PRO</i>	6					1	7
<i>it slowly dawned on PRO</i>	1				2		3
<i>it gradually dawned on PRO</i>	1				1		2
<i>it fully dawned on PRO</i>	1						1
<i>it probably dawned on PRO</i>			1				1
Column Total	74	4	13	3	7	4	105
Column Total / Row Total as Percentage	71%	4%	12%	3%	6%	4%	100%

- (4) a. *I was meeting people and talking to them, and while talking to them, **it dawned on me** — oh, my God, Nick, you're talking about something I've heard of. I know this song.* (SPOK: NPR_Fresh Air, 2015)
 b. *I don't know how we were lucky enough to figure that out, but — and **it suddenly dawned on me** what I truly have in common with everybody else is this one man's vision affected all of us.* (SPOK: NPR_Sunday, 2000)

A brief final point about the [*it DAWN on PRO*] construction and the collocating adverbs listed in Table 7. For the most part, the rather absolute and categorical *never*, *just*, *finally*, and *fully*, along with the intensified *really* and *suddenly* show a marked preference for 1sg, as does the construction as a whole. We do not regard it as incidental that the less forceful or dynamic adverbs *slowly* and *gradually*, or the indeterminate *probably*, show a slight preference for non-1sg cognizers. A point we make in §5 is that a range of somewhat covert semantic notions like these seem to be attached to the way 1st person singular ideation is construed. These are not necessarily associations evident in *I think*, but which nevertheless guide the non-ideational expressions that come to take on epistemic force towards or away from 1SG.

4.2.3. V_{stasis} in/on PRO's mind

A thought, idea, or bit of knowledge can be *in* or *on one's mind* in English. Such expressions suggest simple, stative locative constructions, far from the dynamic construals afforded by the likes of *it struck someone*, *it hit someone*, or *it dawned on someone* examined previously. Nevertheless, the fact that these expressions are based on a spatial metaphor and metonymy [viz. the place (*mind*) is the locus of activity (*thinking*) happening in that place]. While 1SG cognizers were prevalent in those other constructions, the more static, *in/on one's mind*, show only modest preferences for 1st person. Table 8 presents the returns from COCA_{sp} for *in PRO's mind* and *on PRO's mind*, respectively. A handful of actual returns from the corpus follow in (5).

Fewer than half of the examples in COCA_{sp} of the [*in/on PRO mind*] construction involve a 1SG cognizer (in the form of the possessor of *mind*). Indeed, these constructions seem to be better distributed across all the potential sentient players: 1SG (47%), 2 (30%), 3SGM/F (17%), 1PL (3%), 3PL (3%), in proportions far closer to those “background” frequency distributions reported in Table 1 for all lexical verbs, as represented in COCA_{sp}. The rank order is nearly the same, for example: 1SG (#1), 2 (#2), and then the rest at a distance. The lack of overwhelming attraction to 1SG suggests that the semantic properties associated with the fairly stative and locative [*in/on PRO mind*] construction are fairly neutral, person-wise. As we'll see below, the more active and dynamic the figurative expression, the more it displays an attraction to a 1SG cognizer.

Table 8

Observed frequencies for [*in*] on [app*] *mind*] in COCA_{sp}

	<i>my</i>	<i>your</i>	<i>his</i>	<i>her</i>	<i>our</i>	<i>their</i>	Row Total
<i>in PRO's mind</i>	1,915	1,105	384	128	56	134	3,722
<i>on PRO's mind</i>	205	235	189	55	74	19	777
Column Total	2,120	1,340	573	183	130	153	4,499
Column Total / Row Total as Percentage	47%	30%	13%	4%	3%	3%	100%

- (5) a. *I mean — I thought and, you know, knowing how I felt about him. I was angry, because **in my mind** he was doing that to—that was like his parting gift, right?* (SPOK: CNN_The Lead with Jake Tapper, 2017)
- b. *You know, I found that some of them never even pulled a gun out. They shoot — you know, they just reached down and grabbed the gun and twisted their holster and fired right through the holster. So **in your mind**, you think because we've always shown Westerns that they take it out and shoot — some of them never took them out.* (SPOK: NPR_Fresh Air, 2016)
- c. *you don't wake up in the morning and immediately start thinking about that. What's on people's minds is what's **on your mind** and my mind and everybody else's mind, and that is how am I going to provide for my family?* (SPOK: CBS_ThisMorning, 2012)
- d. *That's why it's weighing very heavy. It's been weighing heavy for 37 years **on his mind**. I think he really wants to tell it.* (SPOK: NBC_Dateline, 2005)

4.2.4. V_{motion} through PRO's mind

Similar to the *in/on one's mind* expressions just examined, an idea, thought, or realization can pass *through one's mind*, in a slightly more dynamic fashion. Because motion verbs are involved, we have naturally categorized these as activity expressions. Admittedly, the epistemic or ideational sense is brought about figuratively by the presence of the locative nominal, *mind*. However, the choice of verb is somewhat affected by the choice of possessive pronoun in ways reminiscent of the 1SG vs. 2 person differences noted above in other expressions. Far and away, the most frequent verb to enter into this construction is *go*, a nearly manner-less verb of motion. The more force-dynamic the verb, however, the more likely it is being used to express ideation in *my mind/head*. Table 9 gives the lemmatized frequencies for ideation constructed with verbs of motion through the mind or head. Some actual returns from COCA_{sp} are presented in (6).

Table 9

Observed frequencies for [vv0/vvz through [app*] mind] in COCA_{sp}. Here, we only present lemmatized results because we are specifically focusing on choice of verb with different prepositional objects, not TAM forms. The verbs are impressionistically arranged in order of increasing degree of energy, punctuality, or forcefulness, rather than frequency. When the locus of motion is *head*, not *mind*, the counts are given in parentheses. Aggregate counts are given in the row marked Total

VERB _{motion} through PRO's mind (head)	my	your	his	her	our	their	Row Total
<i>float</i>		1					1
<i>roll</i>	1	(1)					1 (1)
<i>slide</i>	1						1
<i>pass</i>	2	2					4
<i>cross</i>	2	1					3
<i>come</i>	2	1					3
<i>go</i>	130 (43)	490 (84)	36 (10)	22 (9)		4 (1)	682 (147)
<i>run</i>	19 (20)	10 (3)	7	1 (1)		1	38 (24)
<i>rush</i>	1 (1)	1					2 (1)
<i>race</i>	3	(1)					3 (1)
<i>jump</i>	1						1
<i>flash</i>	8 (3)	(1)					8 (4)
Column Total	237	596	53	33		6	925
Column Total / Row Total as Percentage	25%	64%	7%	3.5%		.5%	100%

- (6) a. Give me more of what **went through your mind** as you read this thing, that made you say, "I have to have it". (SPOK: CBS_SundayMorning, 1993)
 b. And when [she] said to me, "Well, how are you doing?" I, you know, it just **flashed through my mind**. I have asked that question to people in so many settings across our country and even the world for so many years, and I felt like, you know, we're finally understanding that that's what it's about. (SPOK: CBS_GMA, 2008)
 c. And, Terry, you've been listening to this as well. I'm just wondering if any other thoughts **floating through your mind** about this? (SPOK: CNN_TalkBack, 2002)

Further to the discussion in §4.2.3, we see a definite preference for 2nd person cognizers in figurative expressions suggesting that ideation involves movement (of a concept or percept) through one’s mind or head. That said, we add the proviso that this agreement preference holds only for the most manner-less motion verb, GO, which nevertheless accounts for nearly 90% of the examples. With motion verbs that conflate manner or path or, especially, an active dynamism, as in RUN, RACE, or FLASH, the agreement preference tilts back to 1SG. Of note is the fact that the one instance of the rather passive, [FLOAT *through one’s mind*], involves a 2nd person cognizer.

4.2.5. “lightbulbs” and other “suddenly realize” expressions

Rounding out this discussion of miscellaneous, physical domain expressions that have taken on an ideational or epistemic reading are a pair of constructions that revolve around concrete nouns, specifically *lightbulb* and *penny*. In English, one can say that *a lightbulb went off/on in/over one’s head*, meaning that one has suddenly had a realization about something. This imagery-rich concept for realization only seems to be attested since the 1960s on Google N-gram Viewer (<https://books.google.com/ngrams/>) and only three examples are available from COHA, the Corpus of Historical American English, a sister corpus to COCA (available at <https://corpus.byu.edu/coha/>), all three of which are from the decade following the year 2000. There is quite a bit of constructional variation involving this variant of “seeing the light” for realization⁶. The lightbulb can *go on* or *off in one’s head*, as in (7a-b), *over one’s head*, as in (7c-d), or be completely reduced to someone having *a lightbulb moment*, as in (7e-f).

- (7) a. *So, while I was flipping through these books, I suddenly had this little lightbulb go on in my head and I said, “Hey, I’ll write the kind of book I want my daughter to read”.* (SPOK: NPR_Weekend, 1994)
- b. *It’s funny that you bring up the apple because of all the topics in the book, I found the apple — every page was another lightbulb going off in my head, the aha factor in apples...that if you plant the seed from an apple that you’re eating, you’re not going to get that apple back again.* (SPOK: NPR_Science, 2001)
- c. *My reaction was — I believe a small lightbulb popped over the head, and I went, (singing) opportunity...* (SPOK: NPR_FreshAir, 2014)
- d. *I decided I was going to give her one last verbal command: “If you don’t drop that gun, I’m going to shoot you.” Finally, it’s like the lightbulb went on over this woman’s head. She dropped the gun.* (SPOK: NPR_FreshAir, 2004)
- e. *So here’s the big lightbulb moment for me. In 1994, someone got the idea of entering a group of Tarahumara runners in this legendary race called the Leadville Trail 100.* (SPOK: TEDRadioHour, 2015)
- f. *WINFREY: Thirty-two-year-old Glen says it took the loss of thousands of lives for him to have his own lightbulb moment. Take a look at what happened to Glen. Mr-GLEN-UPTON-1Pl: September 11th was a lightbulb moment for me.* (SPOK: Ind_Oprah, 2001)

⁶ A search in all of COCA for *PRO [see] the light* yielded 193 returns, 43 of which were figurative in the sense of ‘realize’. Of these, 17 involved a first person singular subject, 7 involved second person, 9 third person singular, and 10 third person plural. Again, we see that the expression is tilted towards a preference for 1sg subjects in terms of raw frequency. This matches the 1sg preference pattern for the figurative reading of *a/the lightbulb went off/on*, which collocates most frequently with *in my mind/head*, *over my head*, and the like.

Of the 24 figurative examples with *lightbulb* in COCA_{sp} indicating that ideation or realization is happening in or above someone’s head are no less than 11 separate constructions. Nevertheless, there is very interesting patterning by agreement, as shown in Table 10. One could even say that there’s a complementary distribution holding for the dative-like readings (in which a lightbulb goes on/off *for me*, but not for others), as well as expressions in which the lightbulb is explicitly located in *my* head, as opposed to being implicitly located in someone’s head).

Table 10

Observed frequencies for figurative uses of *lightbulb* in COCA_{sp}. We list the full range of ideational constructions-by-agreement patterns (where cognizer might be the subject (nominative), possessor (genitive) or beneficiary (dative) of the idea-emitting lightbulb. Although the frequencies are quite low, the inflectional skewing is quite pronounced

<i>lightbulb</i>	1SG	2	3SG	1PL	3PL	Row Total
<i>the lightbulb GO off (PRO implicit)</i>			2			2
<i>a lightbulb GO on (PRO implicit)</i>					2	2
<i>a lightbulb GO on over PRO’s head</i>			1			1
<i>a lightbulb POP over (PRO implicit)</i>	1					1
<i>the lightbulb GO off for PRO</i>	1					1
<i>the lightbulb GO off in PRO’s head</i>	2					2
<i>the lightbulb GO on in PRO’s head</i>	1					1
<i>PRO HAVE a lightbulb moment</i>		3	2			5
<i>PRO HAVE PRO’s lightbulb moment</i>		1	1			2
<i>BE a/the lightbulb moment for PRO</i>	5					5
<i>PRO’s lightbulb (moment)</i>	2					2
Column Total	12	4	6		2	24
Column Total / Row Total as Percentage	50%	17%	25%		8%	100%

Finally, we make mention of an idiomatic expression about sudden realization more prevalent in British English than in North American: *the penny dropped*. A search of the GLoWbE corpus (Corpus of Global Web-Based English) available through the BYU website (<https://corpus.byu.edu/glowbe/>) gives the following raw frequencies for the expression by country, where N ≥ 5: Great Britain (111), Ireland (32), Australia (32), USA (13), New Zealand (8), and Canada (5). There are only 2 examples in COCA_{sp}, but both make clear that the cognizer is 1SG, as shown in (8):

- (8) a. *I found the neurophysiology and the neuroanatomy the most interesting part of my studies, although it took a while before **the penny dropped** and I fell off my donkey and decided I was going to become a neurosurgeon*. (SPOK: NPR_Fresh Air, 2015)
- b. *Det-CHAMBERS: I didn’t know how David Coffin had died. No one knew. Ms-LEE: And that was the first time **the penny dropped**, and I went, “Oh, my God. Oh, my God”*. (SPOK: CBS_48Hours, 2007)

In the concluding section, we take stock of the semantic associations that tend to inhere in the verbal expressions about ideation surveyed here that disproportionately favour first person singular as opposed to second or third person cognizers.

5. DISCUSSION

Inspired by Sinclair 1991, Scheibman 2001, and other corpus linguists and grammaticalization scholars who advocate the importance of drilling down and examining the inflectional, agreement, and collocational preferences of individual verbs and verbal constructions, we have noted that 1sg and 2nd person ideation in English, prototypically associated with *I think* and *you know*, are each drawing in different kinds of expressions to do epistemic work in the language. Because the two prototypes are effectively functioning as pragmatic markers rather than complement-taking ideational verbs, at least in spoken varieties of the language, a host of other expressions from very different semantic fields are undergoing epistemization processes and entering into constructions about cognition. Not so surprisingly, those epistemizing expressions exhibiting a 1SG bias share many attributes not enjoyed, necessarily, by those expressions showing a bias towards 2nd person, much like THINK and KNOW have clearly gravitated in separate directions in terms of their agreement patterns. These differences lead us to conclude that 1SG and 2nd person (and possibly, 3rd as well) represent distinct styles of ideation and, consequently, have attracted and will continue to attract different kinds of novel expressions in their wake.

To put it in terms reminiscent of Spivey 2008 and contemporary cognitive scientists describing fluid models of categorization, high frequency of occurrence — be it in conceptualization pathways or motor routines — can be construed as “attractor basins” that act as centres of gravity for similar concepts or behaviours. Bybee (2010: 76—96) has similarly argued that forces of semantic change are affected by high-frequency items with heavy semantic pull. We, too, have applied this metaphor in an earlier presentation of this research, associating the Latin for ‘I think’, *cogito*, and the Latin for ‘you know’, *scis* (2SG) or *scitis* (2PL), with different cognitive models of ideation as if they were different craters on the moon. Admittedly, THINK and KNOW in the abstract both have an unbounded (in the sense of Langacker 1991: 85—91), atelic, and imperfective quality to them as event types describing cognition (compare them to REALIZE or LEARN). Nevertheless, we suggest that 1SG ideation, typified by *I think*, means something like ‘I (suddenly) realize something’, invoking semantic properties generally associated with prototypical transitive events, such as change of state, being telic and force-dynamic, and having a more compressed and punctual temporal profile. On the other hand, second person ideation, in the guise of *you know*, means something more stative like ‘you have a thought’ or ‘you (continuously) ponder/consider something’. Thus, its connotations could be characterized as less transitive, more atelic, more durative, and less likely to involve change over time. As high-frequency attractor basins representing the semantic field of cognition, *I think* and *you know* — or more succinctly, 1sg.ideate and 2.ideate — recruit different kinds of expressions to do epistemic work. Expressions examined above in COCA_{sp} like *what struck PRO about, it hit PRO that, a lightbulb went off in PRO’s head, it raced through PRO’s mind, the penny dropped (for PRO)*, show an undeniable preference for 1sg as PRO. These expressions overwhelmingly suggest a tight temporal profile and a discernable change of state or outcome; in short, a flash of realization. In a nutshell, when I think, my brain storms (*it struck me like a bolt of lightning, it came to me in a flash*); when you think, your brain waves (*something’s going on in your mind, you seem to be in the know*).

We would like to end with a caveat about the wider interpretation of our findings. Our study has limited itself to English data and, even then, the study has been largely limited to the usage of THINK and KNOW in the simple present tense and only in a conversational genre. Clearly, we are not in a position to make empirically justified claims about comparable behaviour of the counterparts to these verbs in other languages, or indeed other genres or tense/aspect categories in English. The SG/PL ambiguity associated with English *you* also invites further research into the preferences for 2SG and 2PL subject preferences for these verbs in other languages. There remains then the question of how specific to English our findings are and whether comparable preferences for subjects of THINK and KNOW occur sometimes, frequently, very frequently, or always in other languages. We believe these are questions that can and should be further explored.

© Sally Rice, John Newman, 2018

REFERENCES

- Agresti, A. (2007). *An Introduction to Categorical Data Analysis*, 2nd edition. Hoboken, NJ: John Wiley and Sons.
- Aijmer, K. (1997). *I think* — an English modal particle. In Swan, T & O. J. Westvik (eds.) *Modality in Germanic Languages: Historical and Comparative Perspectives*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1—47.
- Bybee, J. (2010). *Language, Usage, and Cognition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dancygier, B. (2017a). Introduction. In Dancygier, B. (ed.) *The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1—10.
- Dancygier, B. (ed.). (2017b). *The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Davies, M. (2008). *The Corpus of Contemporary American English: 450 million words, 1990-present*. <http://corpus.byu.edu/coca/>.
- Goddard, C. (1997). *Semantic Analysis: A Practical Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Goddard, C. & A. Wierzbicka. (2014). *Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Gries, S. Th. (2013a). *Statistics for Linguistics with R. A Practical Introduction*. Berlin: De Gruyter.
- Gries, S. Th. (2013b). Basic significance testing. In Podesva, R. J. & D. Sharma (eds.) *Research Methods in Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 316—336.
- Hale, K. L. (1972). A new perspective on American Indian linguistics. In Ortiz, A. (ed) *New Perspectives on the Pueblos*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 87—103.
- Kärkkäinen, E. (2003). *Epistemic Stance in English Conversation: A Description of its Interactional Functions, with a Focus on I think*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Knowles, G. & Z. M. Don. (2004). The notion of a “lemma”. *Headwords, roots and lexical sets*. *International Journal of Corpus Linguistics* 9, 69—81.
- Langacker, R. W. (1991). *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Newman, J. & S. Rice. (2006). Transitivity schemas of English EAT and DRINK in the BNC. In Gries, S. Th. & A. Stefanowitsch (eds.) *Corpora in Cognitive Linguistics: Corpus-based Approaches to Syntax and Lexis*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 225—260.

- R Development Core Team. (2018). *R. A Language and Environment for Statistical Computing*. Vienna, Austria.
- Scheibman, J. (2001). Local patterns of subjectivity in person and verb type in American English conversation. In Bybee, J. & P. Hopper (eds.) *Frequency and the Emergence of Linguistic Structure*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 61—89.
- Scheibman, J. (2002). *Point of View and Grammar: Structural Patterns of Subjectivity in American English Conversation*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Schoonjans, S. (2012). The particularization of German complement-taking mental predicates. *Journal of Pragmatics* 44, 776—797.
- Silverstein, M. (1976). Hierarchy of features and ergativity. In Dixon, R. M. W. (ed.) *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 112—171.
- Sinclair, J. (1991). *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford: Oxford University Press.
- Spivey, M. (2008). *The Continuity of Mind*. Oxford: Oxford University Press.
- Tao, H. (2001). Discovering the usual with corpora: The case of *remember*. In Simpson, R. & J. Swales (eds.) *Corpus Linguistics in North America: Selections from the 1999 Symposium*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 116—114.
- Tao, H. (2003). A usage-based approach to argument structure: *Remember* and *forget* in spoken English. *International Journal of Corpus Linguistics* 8 (1), 75—85.
- Thompson, S. A. & A. Mulac. (1991). A quantitative perspective on the grammaticization of epistemic parentheticals in English. In Traugott, E. C. & B. Heine (eds.) *Approaches to Grammaticalization, Volume II: Focus on Types of Grammatical Markers*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 313—329.
- Van Bogaert, J. (2011). *I think* and other complement-taking mental predicates: A case of and for constructional grammaticalization. *Linguistics* 49 (2), 295—332.
- Wierzbicka, A. (1996). *Semantics, Primes, and Universals*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, A. (2006). *English: Meaning and Culture*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, A. (2010). *Experience, Evidence, and Sense: The Hidden Cultural Legacy of English*. Oxford: Oxford University Press.

Article history:

Received: 10 May 2018

Revised: 25 May 2018

Accepted: 01 June 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 мая 2018

Дата принятия к печати: 01 июня 2018

For citation:

Rice, Sally and Newman, John (2018). A Corpus Investigation of English Cognition Verbs and their Effect on the Incipient Epistemization Physical Activity Verbs. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 560—580. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-560-580.

Для цитирования:

Rice, Sally and Newman, John. A Corpus Investigation of English Cognition Verbs and their Effect on the Incipient Epistemization Physical Activity Verbs // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. = *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 3. С. 560—580. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-560-580.

Bionotes:

SALLY RICE is Professor in the Department of Linguistics at the University of Alberta. Her research spans multiple sub-disciplines, including lexical semantics, comparative Athapaskan, corpus linguistics, cognitive linguistics, and multimodality in language. She conducts fieldwork on Dene Sų́líné and Tsuut'ina, two northern Athapaskan languages, and has been an active proponent and practitioner of community-university research alliances — community-based corpus-building in particular. She was a co-founder of the Canadian Indigenous Languages and Literacy Development Institute (CILLDI), an annual summer school for speakers of indigenous languages, which trains community language activists in linguistic analysis, language pedagogy, and revitalization project development and advocacy. Contact information: sally.rice@ualberta.ca

JOHN NEWMAN is Professor Emeritus in the Department of Linguistics at the University of Alberta and an Adjunct Research Fellow in the School of Languages, Literatures, Cultures and Linguistics at Monash University. His research focus has been mainly in areas of cognitive linguistics, especially cognitive linguistic approaches to basic verbs. His research interests also include corpus linguistics, quantitative methods in linguistics, and historical linguistics. He has published research on Germanic, Sinitic, Austronesian, and Papuan languages. He is currently the Outgoing Editor-in-Chief of the journal “Cognitive Linguistics”. Contact information: john.newman@ualberta.ca

Сведения об авторах:

СЭЛЛИ РАЙС — профессор кафедры лингвистики в Университете Альберты. Сфера ее научных интересов охватывает многие направления, включая лексическую семантику, сравнительный анализ атабаскских языков, корпусную лингвистику, когнитивную лингвистику и мультимодальность в языке. Она проводит полевые исследования по двум северным атабаскским языкам — дене сулин и тсу т'ина — и является активным сторонником и организатором научного альянса сообщества общественности и университета, в частности в области совместного создания корпусов. Является одним из основателей Института канадских аборигенских языков и развития грамотности (CILLDI) и организатором ежегодной летней школы для говорящих на аборигенских языках, в которых проводятся обучение лингвистическому анализу, преподаванию языков, тренинги по развитию, защите и оживлению языков. Контактная информация: sally.rice@ualberta.ca

ДЖОН НЬЮМАН — Почетный профессор кафедры лингвистики в Университете Альберты и внештатный научный сотрудник Школы языков, литератур, культур и лингвистики в Университете Монаш. Его научные интересы находятся в области когнитивной лингвистики, в особенности подходы когнитивной лингвистики к базовым глаголам, они также включают историческую лингвистику, корпусную лингвистику, количественные методы исследований. Его публикации основаны на анализе германских, синитских, австронезийских и папуасских языков. Контактная информация: john.newman@ualberta.ca

ACKNOWLEDGMENTS

The authors contributed equally to the overall design of this research project and for the data collection and analysis. An earlier version of this research was presented at CSDL 12, UCSB, Santa Barbara, USA on November 4 2014, and we are grateful to the audience at that conference for valuable feedback. We would also like to thank Anna Gladkova and an anonymous reviewer for helpful comments on an earlier version of this article.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы внесли равный вклад в написание данной статьи, а также в сбор и анализ материала. Предварительные результаты исследования были представлены на конференции CSDL12 (Conceptual Structure, Discourse, and Language), Санта-Барбара, США, 4.11.2014, и мы благодарны аудитории за участие в обсуждении. Мы также выражаем благодарность Анне Гладковой и анонимному рецензенту за прочтение нашей статьи и полезные комментарии.

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-581-604

The Semantics of Logical Connectors: *therefore, moreover and in fact*

Jock Onn Wong

National University of Singapore
Centre for English Language Communication
10 Architecture Drive, Singapore 117511

Abstract

When teaching English words, teachers and textbooks may place more emphasis on 'content' words (nouns, verbs, adjectives, adverbs) than on words that contribute to the 'textual' aspect of English, such as logical connectors. A consequence is that even if a student has some mastery of grammar and the use of 'content' words, they may not be able to produce cohesive texts or construct logical relations. Teaching the meanings of logical connectors is not easy, and the traditional use of synonyms and examples of use are not always helpful. Using synonyms in English or supposedly equivalents in the student's first language is not ideal because the student may end up understanding the word from the perspective of another word or, worse, another language. Using examples of use may be helpful to a certain extent but this method does not spell out the invariant meaning of the logical connector in question and the student is expected to draw their own conclusions on the basis of a few examples. To overcome such pedagogic obstacles, some scholars advocate the use of a maximally clear and minimally ethnocentric metalanguage, the natural semantic metalanguage (NSM), to capture word meaning. In this paper, the NSM methodology, founded by Anna Wierzbicka, is used to capture the meaning of three logical connectors, *therefore*, *moreover* and *in fact* for English language teaching purposes.

Keywords: *logical connectors, therefore, moreover, in fact, natural semantic metalanguage, academic writing, language pedagogy*

Семантика логических коннекторов: *therefore, moreover и in fact*

Джок Онн Вонг

Национальный университет Сингапура
10 Architecture Drive, Singapore 117511

Аннотация

В работе над английской лексикой учителя и учебники уделяют больше внимания 'содержательным' словам (существительным, глаголам, прилагательным, наречиям), чем словам, участвующим в создании 'текстового' аспекта английского языка, таким как логические коннекторы. Следствием этого становится то, что, даже если студент имеет определенный уровень владения грамматикой и использования содержательных слов, он может не уметь производить связные тексты и строить логические связи. Объяснить значения логических коннекторов в преподавании нелегко, и традиционное использование синонимов и примеров употребления здесь не всегда помогает. Исполь-

зование английских синонимов или возможных эквивалентов в родном языке студентов может привести к тому, что они станут понимать это слово с позиции другого слова или, что еще хуже, с позиции другого языка. Использование примеров до определенной степени может быть полезным, но этот метод не объясняет инвариантного значения логического коннектора, и при этом студент должен сам сделать выводы на основе нескольких примеров. С целью преодоления таких препятствий в процессе преподавания некоторые ученые предлагают использовать для объяснения значения слов максимально понятный и наименее этноцентричный метаязык — Естественный Семантический Метаязык (ЕСМ). В этой статье подход ЕСМ, основанный Анной Вежбицкой, используется для толкования значения трех логических коннекторов английского языка *therefore* (*тем не менее*), *moreover* (*более того*) и *in fact* (*фактически*) с целью преподавания.

Ключевые слова: логические коннекторы, *therefore*, *moreover*, *in fact*, естественный семантический метаязык, академическое письмо, методика преподавания иностранных языков

1. INTRODUCTORY REMARKS

As I am sure many English language teaching (ELT) practitioners can testify, discourse in ELT and related topics is often dominated by discussions on aspects of grammar and vocabulary, or aspects which are ‘tangible’. Much less emphasis seems to be given to the more ‘textual’ aspects of English, such as the use of logical connectors to link different parts of a text. As far as I can remember, when I was a student, no English teacher ever taught me how to use logical connectors like *moreover* and *in fact* to connect ideas. Obviously, no one is saying that grammar and vocabulary are unimportant but the fact seems to be that readers of an English text can usually forgive a non-native user of English for the occasional mistake in grammar and odd expression, as long as it does not impede understanding; the reader may recognize something as a local error and move on. However, something similar may not be said of logical connectors; the misuse of a logical connector may not be seen as simply a linguistic error, especially if it is associated with a student writer proficient in grammar; the wrong or inappropriate use of a logical connector could result in something that is seen as a logical fallacy and the apparent logical fallacy could raise questions about the student writer’s reasoning or even basic thinking skills. The challenges faced in the use of logical connectors are not limited to ESL or EFL students, but to students who speak a nativized form of English from a country that uses English as an official language (e.g. Singapore students).

Despite the importance of connectors in the construction of logical relations, it seems remarkable that most, if not all, of the English modules and books I have come across, first as a classroom English learner and later as an English teacher, do not specifically teach students the ‘logic’ underlying the use of logical connectors. Whatever the reason, if grammatical markers like tense-markers and agreement-markers, which appear to be semantically empty and whose non-Standard use in low numbers do not adversely affect understanding, are given much attention in many English language programs, there is no good reason why logical connectors, which contribute to textual integrity, should be marginalized.

However, explaining the meaning of a logical connector is not easy. Using synonyms in English or supposedly equivalents in the student’s first language is not ideal because the student may end up understanding the word from the perspective of

another word or, worse, another language. Providing examples of use may be helpful to a certain extent but this method does not spell out the invariant meaning of the logical connector in question and the student is expected to draw their own conclusions on the basis of a few examples. What we need is a rigorous method which allows us to clearly state the meaning of a logical connector and present it to students.

This paper addresses the gap by studying the meaning of three logical connectors, *therefore*, *moreover* and *in fact*, and shows how a statement of meaning couched in maximally clear and minimally ethnocentric metalanguage is helpful for English teaching purposes. The connector *therefore* seems particularly problematic. It is a relatively common connector found in university student writing but many university student writers do not seem to understand the nature of the causal effect that the word represents, even though many of the students were exposed to the use of this connector and the logic underlying its use in high school. A number of them think that, despite grammatical differences, the word is synonymous with *because*. The word *moreover* is also problematic but in the sense that it is often mistaken to be a word that introduces yet another idea. For example, a student might use it to introduce the final point of a list of points they want to highlight, even when these points are not presented to support an argument. As for connector *in fact*, even though it is an important connector in scientific discourse (Wierzbicka, 2006), in my experience, it seems to be rarely used by students, including overseas students, which is a problem in itself. It is probable that students are generally not familiar with this connector.

In addition, this study showcases a methodology that can be employed to explain or explicate meaning and presents it as a pedagogical approach aimed at teaching English learners complex concepts using concepts that are simple, intuitive and universal. This methodology is built on over forty years of research into semantic universals (Wierzbicka, 1972) and has been used extensively in semantics and cultural linguistics for the purposes of explicating meaning and explaining cultural norms by a number of scholars including Peeters (2006), Goddard (2006; 2008; 2011), Wierzbicka (2006; 2013) and Ye (2017).

2. PROBLEMS FACED BY LEARNERS

In this section, difficulties with the logical connectors *therefore*, *moreover* and *in fact* that students may face are highlighted and exemplified. One underlying problem may have to do with unfamiliarity with what it means to be logical. Another problem seems to be that dictionaries are not always helpful and in some instances misleading.

Let us begin with examples of inappropriate use of the connector *therefore* and the semantically similar *hence* among student writers (with examples from EFL student writers before Singapore student writers). In the following example, the causal relationship as implied by the connector *therefore* is not apparent or not made explicit. The student writer first states that there are different theories and concludes that more experiments are needed. It is not stated that the theories need to be verified and so it is not understood why more experiments are needed to verify them. There seems to be a missing link.

This topic has been debated for a long time. Based on different theories, we may finally draw different conclusions. Therefore, more experiments are needed to verify those theories.

In the next example from a critique, it is obvious that the statement introduced by the connector is not dependent on the context or reason given. Before the connector, a problem regarding the methodology section of a paper is identified and, after the connector, a suggestion is offered. However, it is not explained why the paper would be more comprehensible given the solution.

In Methods, it suffer from a number of limitations. First, the method or materials to conduct for this study are absent in this part. However, the authors mention the methodology in the introduction section. Therefore, the article would be more comprehensible if the authors moved the methodology in introduction part to the Methods' section.

In the following example, the student seems to imply that conducting a case study of epistemic qualifiers is the logic consequence of the importance for students to know how to use them. Although a kind of causal relationship seems obvious, the given cause is not a sufficient one and the effect is not inevitable. In this particular case, connecting the cause and effect with *because* ("Because it is important for us...") would seem to be a better choice than *therefore*.

It is important for us to know how to use epistemic qualifiers. Therefore, we present a case study...

The problem evident in all the examples above may be summarized in this way: some English learners write 'X; therefore Y' even though Y is not a logical consequence of X. In some cases, the relationship between X and Y is at best tenuous, which suggests that some students do not fully understand the meaning of the word. Here is a final example from an EFL student.

Also, there are some differences among the results of this article and some other articles as stated by authors. However, authors of this study didn't give some reasonable explanation. Therefore, authors of this article should explain their results in the results section much more clearly and organize the lengths of each section well.

This example comes from a critique of a paper. Commenting on the part that discusses the results, the writer says that the author of the paper does not explain something and therefore he should explain it. It is like saying, 'They didn't do it. Therefore, they should do it.' My explanation to the student and the class was that the need to explain something is independent of what the writer has or has not done. Thinking that it might help them see my point, I additionally asked them to translate the text into their native language. Here is what happened. The Chinese students (from China) of this particular class translated *therefore* into Chinese Mandarin as 所以 (*suóyǐ*), which in my opinion is the best translational equivalent. This answer did not surprise me. What surprised me was that, while some of them could understand my point, they insisted that the relationship worked in Chinese. In other words, according to some of my students, one could say something like, 'He didn't do it, therefore, he should do it' in Chinese! I insisted that whether one should do something did not depend on whether one did it but they maintained their stand that it was fine to say it in Chinese.

As mentioned, Singaporean students, many of whom speak Singapore English, a non-Standard form of English that is shaped by Southern Chinese cultures (Wong, 2014), as their dominant language, do not always get it right either. Here is an example from a literature review.

Thirdly, the authors should revise the literature review of previous studies. Although a lot of detailed information is provided, the organization is not clear. *Therefore*, it could be better if the authors can reorganize this part and link it to the objective of this study. Moreover, no citations in the first two paragraphs are included to support the figures presented.

In this last example, it is not clear how poor organization could lead to what the authors could do.

Below is an example from a reflective piece. In this following example, the logical connector is simply extraneous.

Though it is essential to have the technical expertise to solve a problem, expressing technical knowledge in an inappropriate manner will bring about unfavourable outcomes. *Hence*, this illustrates the inter-dependence between communication skills and technical knowledge.

Let us now consider a final example from an introduction to a paper written by a Singapore student.

As we can see in the example, the English translation and the original meaning of the proverb is totally different. *Therefore*, the Malay students would rarely use Malay proverbs in SMS. This is due to the change in meaning after the translation and the fact that they do not know how to express it properly when the proverb is translated into English. Even if the proverbs are used in English SMS, it is partly to show cultural identity.

This example is particularly problematic. Usually, the reasons or arguments that guide the author to a conclusion are presented *before* the connector is used. However, in this case, a reason is presented afterwards. Also, the cause and effect is not clearly established.

It is not just learners who face challenges with the word *therefore* and similar words. English teachers who are non-native speakers could also use the word in ways that do not fully conform to Standard English rules. Here is an example from an email written by an ethnically Chinese teacher of English from Malaysia. The writer is a lecturer (but not the coordinator) and is writing to other lecturers of the same module.

Due to the small number of students in group [X] and some other groups, we have closed down group [X] which I had been assigned to teach. [The coordinator] suggested that the students go to their respective re-assigned groups starting today. I am *therefore* writing to inform you of the additional students in your groups, as follows...

In this example, the writer's class is closed and the students who signed up for that class have been assigned to other classes and the writer is writing to other lecturers to tell them they will have more students in their classes and who the students are. However, one would have expected the coordinator to email lecturers about this matter. As a British consultant puts it, the use of *therefore* here, while 'not totally out of order',

is nonetheless ‘a bit weird’ (email, 2012). According to the consultant, the one who should have written the email was the coordinator of the module, not one of the other lecturers. If there are changes in a module and all the lecturers of the module need to be informed, one would expect that the coordinator, not another lecturer, writes to all. In short, only the coordinator of the module could rightfully say, ‘I am therefore writing to inform you...’

There is evidence to suggest that some learners of English from China do not view logic the way Anglo English speakers do. When a Chinese speaker uses a logical connector to describe a relationship, at least in an informal setting, they may be less strict about whether the logic is watertight than their English counterparts. I once asked a post-graduate student from China to explain the difficulty to me (November, 2011) and here is what she wrote (followed by a translated version, by me).

在中国文化和社会的情景下，我们往往不是很严格遵循句与句之间的因果关系。也就是说，在中文中，当我们把两个句子用因为，所以，因此等表示因果关系的连接词联系在一起时，这两句句子有时并不存在严格的因果关系而只是有某种联系性而已。在口语中，我们对于句与句的因果关系的处理更随意。有时，用因此等词连接起来的两句句子间甚至都没有逻辑意义上的关系，而只是一种大家约定俗成的，情理层面上的联系。于是，当我们把这种中国式的观念运用到英文写作中（尤其是 scientific writing）时，问题就产生了。在上英语课时，Jock 时常指出我们错误地运用了 therefore 这个词。许多中国学生表示不理解。其分歧在于，老外只在两件事间有强烈而直接严格的因果关系时才会用 therefore 这个单词。使用一个数学词汇来说就是，therefore 的主句必须是从句的充分条件。

下举一例：

The samples of this study are not representative enough. Therefore they need to collect data which are representative.

X: The samples of this study are not representative enough

Y: They need to collect data which are representative.

这句话中 therefore 的用法是错误的，也许我们会觉得它看上去是成立的。原因在于，只要是做研究，就必须收集具有代表性的数据。而不是因为研究刚开始的时候收集的数据不合适，作为弥补，才要去收集有代表性的数据。一句话，X 和 Y 不存在直接的因果关系，X 不能推出 Y。

而如果我们说：

The samples of this study are not representative enough. Therefore its result is not reliable.

X: The samples of this study are not representative enough

Y: its result is not reliable

这句话中的因果关系成立，therefore 的用法正确。因为样本不具代表性，所以结果可靠。他们之间的因果关系是直接的。即 X 能充分地推出 Y。

Here is the English translation.

In the Chinese context, we do not have strict rules in observing causal relations between sentences. In other words, when Chinese people use connectors such as *because*, *so* or *because of this*, to link two sentences in writing, it is not necessary that these two sentences have a strict causal relationship, as long as they express a kind of relationship. In oral communication, we are even less mindful of causal relations; sometimes two sentences linked with causal connectors have no logical relationship at all; the relationship is understood by the addressee by convention. When we apply these Chinese perspectives to writing (especially scientific writing), problems emerge. In class, Jock often pointed out that we used the word ‘therefore’ wrongly, but we did not understand why. The reason is that in English, ‘therefore’ is used when two sentences have a strong, direct and strict causal relationship. In mathematical terms, the former clause should be a sufficient condition for the emergence of the latter.

Here is an example to explain my point:

The samples of this study are not representative enough. Therefore they need to collect data which are representative.

First clause A: The samples of this study are not representative enough

Second clause B: They need to collect data which are representative.

In this sentence, the use of ‘therefore’ is wrong. The reason is that researchers need to collect representative data for their study. It is not because they did not do well enough that they needed to collect representative data. In short, there is no direct causal relationship between X and Y. X does not lead to Y.

Here is another example:

The samples of this study are not representative enough. Therefore the results are not reliable.

First clause X: The samples of this study are not representative enough

Second clause Y: the result is not reliable

The connector ‘therefore’ is correctly used here. There is a direct causal relationship between X and Y; X leads to Y.

This explanation accounts for many of the odd uses of the word *therefore* that I have come across. The implication seems to be that students can use a connector that implies a strong logical relationship to describe a weak one. This could partly explain why, in some examples, while students do not always get it totally wrong, they do not always get it right either. Such examples can appear odd.

While the explanation above may help us understand why English learners from China find the learning of logical connectors challenging, it may be more difficult to understand why English learners from Singapore, at least students of science, find it challenging. The fact seems to be that Singaporean science students read mathematics in high schools and are thus exposed to the use of *therefore* and other semantically similar connectors like *hence*. In mathematics textbooks, logical connectors are often used in illustrations, as the following example from Ho & Khor (2010, p. 65) show.

Show that the roots of the equation $x^2 - 2x + 2 = p$ are real and distinct if $p > 1$.

$$x^2 - 2x + 2 = p \Rightarrow x^2 - 2x + 2 - p = 0$$

Here $a = 1$, $b = -2$ and $c = 2 - p$. Now,

$$\begin{aligned}b^2 - 4ac &= (-2)^2 - 4(1)(2 - p) \\ &= 4p - 4 \\ &= 4(p - 1)\end{aligned}$$

If $p > 1$, then $p - 1 > 0$ and so $b^2 - 4ac > 0$

Therefore, the roots of the equation are real and distinct if $p > 1$

This example and many others suggest that Singaporean students who have read mathematics in high school are expected to understand logical relationships but a number of Singaporean engineering students, all of whom have read mathematics at high school, do not appear to fully understand the meaning of *therefore*.

Another problematic connector is *moreover*. As an academic writing teacher, I have not come across a single student, Singaporean or overseas, who has used the word correctly before I explain to them how the word is to be used. A number of students seem to use it to mean something like *also*, as the following two examples suggest.

Figure 1 shows the percentages of treatments using non-donor eggs that resulted in pregnancies, births and single births by age of woman. As can be seen the success rates are consistently below 50%. Apparently, the patients should be mentally prepared for failure of their ART treatments. *Moreover*, women in their 20s and early 30s enjoy higher success rates, and women suffer decreasing rates after their mid-30s. Since age is a significant factor on pregnancies and births, women should take their own age into consideration. Notably, there is a gap between the curves of total births and single births, indicating that women in age of 22 to 36 have a good chance to get multiple births.

Among the statins, pravastatin is one of the first introduced and has been extensively studied on the market. Pravastatin can selectively inhibit cholesterol synthesis in the liver and small intestine, but not in peripheral cells. Furthermore, recent studies suggest that pravastatin has neuroprotective effects from experiments on rats with acute ischemic stroke as a result of cholesterol-independent mechanisms. *Moreover*, pravastatin can improve endothelial nitric oxide synthase-mediated vessel relaxation and anti-inflammatory effects.

Generally, students use *moreover* to introduce a final point about something, which is not necessarily an argument.

But there are several shortcomings the authors should address. Firstly, the authors chose six traditional groceries, yet only one specialty grocery was selected as the comparison. It would be better if the authors choose more specialty groceries. Also, the authors should describe how they identify the 8 characteristics. Thirdly, there is no mention of how the data are analyzed. *Moreover*, it could be better if the questionnaire was included as an appendix.

The materials section has two major problems. Firstly, authors didn't given evidences to show that different level video game has different level of violence. They set this scale merely according to their assumption. Secondly, there is no specific method about how the four groups were divided and how many individuals were involved in each level of violence. *Moreover*, it is still puzzling how many men and how many women were involved in each investigation.

It is evident in all these examples that learners do have some idea on how to use the word *moreover*. Firstly, they know that the connector is an adverb, not a conjunction.

They also know that its meaning is similar to *in addition* and is used to introduce an idea, usually expressed in the form of a statement or a declarative. However, what they know appears to be incomplete. This may be problematic in the sense that it could confuse the reader in ways that a blatantly wrong use would not; it might lead the reader into believing that they have missed something (e.g. a claim to be supported) and re-reading the preceding part, as I do sometimes when I read my students' writing.

As mentioned, examples of *in fact* are less commonly attested but here are two examples from a single paragraph that is written as a data commentary.

Figure 1 shows the average percentage of student's performance to do all tasks at different temperatures. As can be seen, in general, the most stable performance is shown in 23.5 °C temperature condition within 3 hours. *In fact*, in the first session 20 °C is the best performance than the others. Otherwise, in 3 hours session 20 °C temperature condition become slightly decrease for the student's performance. These results suggest that the temperature should be increase from 20 °C to higher temperature after 60 minutes session. Furthermore, in overall, after 3 hours session, the student's performance slightly decrease in all temperature condition. *In fact*, after 2 hours, 23.5 °C temperature condition shows the best performance. This result suggest that in 1 session do not more than 120 minutes per session and the acceptable temperature condition is in average 23.5 °C.

This preceding example comes from an Eastern European student who speaks English rather fluently. Their use of *in fact* does not appear to be governed by any discernible semantic rule. Below is another example, this time from a Chinese student, commenting on the findings of an experiment that shows that people give the speaker of Standard Singapore English (SSE) higher ratings than the speaker of Singapore colloquial English (SCE) on the basis of a number of traits (e.g. status, honesty), without knowing that the two speakers are the same person.

Figure 1 shows the mean ratings from 75 Singaporean NUS [National University of Singapore] students of the two recordings by trait. As can be seen, SSE [Singapore Standard English] receives higher ratings than SCE [Singapore colloquial English] in most of traits. Especially in the traits of Status components, SCE gets almost half ratings compared with SSE. Besides, the ratings of SSE are constantly high while SCE are not. SCE just receives approximate ratings in Solidarity components compared with SSE. And only the ratings of honest are the same in both SCE and SSE. *In fact*, SSE may receives much more respect than SCE especially in the aspect of status. However, since two recordings are from the same speaker, it seems that the bias of different languages may exists. Therefore such association between characteristics of the people and language they speak should not be encouraged.

Again, it is difficult to see the role of *in fact* in this last example. While one could at least perceive some learner rules underlying most instances of non-Standard use of *therefore* and *moreover*, one could hardly say the same thing about *in fact*. This suggests that while many learners have a rough and incomplete idea of what *therefore* and *moreover* mean, a number of them may have no clue regarding the meaning of *in fact*.

It is important for English learners to master the use of logical connectors. Such words are especially important for learners who are pursuing a post-graduate program and need to write a thesis in English. They help them construct sound arguments and present ideas logically and rationally in ways that are acceptable to the academic community.

3. METHODOLOGY FOR TEACHING

It is not uncommon for English teachers to help students understand the meaning of a word by using another word. This approach may be called the 'lexical equivalent' approach (Wierzbicka, 1986, p. 521). Even students use this approach. For example, when I ask my students what the word *highlight* means, the answer I usually receive is a one-word *emphasize*. The approach is also commonly used in English dictionaries. A few examples are in order. To define the word *therefore*, the online Merriam-Webster dictionary gives two definitions¹, the first of which comprises three expressions and, the second, one.

- 1a. for that reason: consequently
- b. because of that
- c. on the ground
2. to that end

The Free Dictionary, which cites The American Heritage Dictionary of the English Language and the Collins English Dictionary, has two entries, each of which has two sub-entries or words²:

thus, hence...
consequently, as a result

Answer.com also has two entries, each of which has two alternative expressions³:

For that reason or cause; consequently or hence.

The problems with the lexical equivalent approach are obvious from these examples. Firstly, the approach does not attempt to look for the invariant meaning of a word. Instead, they provide several near synonyms or synonymous phrases in the hope that the learner can somehow grasp the meaning from them. These various definitions clearly reflect a failure to capture the semantic invariant of the word. Secondly, the near synonyms and synonymous phrases given are, strictly speaking, not definitions. They are interchangeable in many contexts but not all, which means that they are not semantic equivalents. Consider this example from The Free Dictionary (with added punctuation) and the follow example in which the connector is replaced with near synonyms:

Those people have their umbrellas up. Therefore, it must be raining.

Those people have their umbrellas up. *Consequently/As a result, it must be raining.

Many dictionaries fail by giving the incorrect impression that different words (e.g. *therefore* and *consequently*) are exact synonyms. This is obviously not the best way to learn the meaning of a word.

Further, a problem with this approach has to do with circularity (Goddard, 2011; Wierzbicka, 1996), as when a word is defined in terms of words which are in turn defined in terms of the original word. To use an example, according to the online Merriam-Webster dictionary, one of the meanings of *therefore* is *consequently*. One of the

¹ <http://www.merriam-webster.com/dictionary/therefore>

² <http://www.thefreedictionary.com/therefore>

³ <http://www.answers.com/topic/therefore>

meanings of *consequently* is *accordingly*⁴. One of the meanings of *accordingly* is *so*⁵. Finally, one of the meanings of *so* is *therefore* and another one is *consequently*⁶. In this case, there are two ‘circles’:

therefore → *consequently* → *accordingly* → *so* → *therefore/consequently*.

Finally, some lexicographers do not seem to recognize a useful explanation when they see one. An example comes from The Free Dictionary. Somewhere below the definitions for *therefore*, there is a description in the thesaurus that says ‘used to introduce a logical conclusion’ in brackets. I find this a helpful explanation, much more descriptive than all the rest, but it is not presented among the given definitions. Instead, it is presented in brackets, which diminishes its importance.

Some scholars like Allan (1986) and Goddard (2011) suggest that a good way to state the meaning of a word is the use of paraphrase. The use of a paraphrase to attempt to explain meaning may be considered a ‘common sense’ approach (Wierzbicka, 1986, p. 529). It is, after all, an approach that is commonly found in dictionaries. However, one has to be careful and ensure that the paraphrase fulfills a certain criterion, as spelt out by Wierzbicka (1996, p. 11): ‘to understand anything we must reduce the unknown to the known, the obscure to the clear, the abstruse to the self-explanatory.’ This criterion of clarity in a semantic paraphrase is also echoed elsewhere: ‘Any explanation of a word-meaning worth its salt must be framed in terms of simpler, more easily understood words’ (Goddard, 2011, p. 33). Other scholars in the past have also recognized the potential of using a kind of ‘core vocabulary’ for English teaching purposes (Carter, 1987), although none has studied the area as extensively as Wierzbicka, Goddard and colleagues have.

For it to have explanatory power, the paraphrase should ideally compromise only or mainly simple words. The simpler the words used to construct a paraphrase, the more explanatory power the paraphrase has. A paraphrase that uses simple or simpler words is called a ‘reductive’ paraphrase (Goddard, 2011, p. 64). One advantage of explaining meaning using a reductive paraphrase is that it could help learners ‘predict the appropriate range of use of a word’ and meet descriptive adequacy (Goddard, 2011, p. 37). A reductive paraphrase could also help the instructor aim for precision and the learner grasp the meaning of the word to be learned.

Ideally, a reductive paraphrase should be constructed from words the meaning of which is inherently simple and intuitive clear. Studies (Goddard & Wierzbicka, 1994; Goddard & Wierzbicka, 2002; Peeters, 2006; Yoon, 2005) have shown that some words are so simple that they resist all attempts to define them in simpler terms. Such words are called semantic primes. Additionally, studies have also suggested that semantic primes are also semantic universals, in the sense that every semantic prime has a counterpart in every natural language. At this stage, research has established over 60 semantic primes (Goddard, 2011).

⁴ <http://www.merriam-webster.com/dictionary/consequently>

⁵ <http://www.merriam-webster.com/dictionary/accordingly>

⁶ <http://www.merriam-webster.com/dictionary/so>

Obviously, words alone are not enough. Words need to be combined into meaningful phrases and clauses. However, it is understood that language-specific grammar, which is used to combine words, can also be semantically complex (Wierzbicka, 1988). To allow for maximal clarity, it is important to steer clear of complex meaning generated by grammar. Studies have shown that certain word combinations have meanings that are easy to understand and can be rendered in all languages. For example, a certain combination of the semantic primes *I, want, you, do* and *this* can yield the clause *I want you to do this*, which can be rendered in any language and the meaning of which is maximally clear.

Semantic primes and their universal combinations thus constitute a metalanguage that can be used to formulate paraphrases to explain meaning with maximal clarity. As this metalanguage is universal, any paraphrase it constructs may be translated into any other natural language with maximal ease. Practicing scholars call this metalanguage ‘natural semantic metalanguage’ (NSM). The use of NSM and its offshoot Minimal English (Goddard & Wierzbicka, 2018), which includes an expanded vocabulary and comprises near-universally used English words, could conceivably help learners understand English (or another other language) from the inside. This means that NSM can be used for pedagogic purposes (Goddard & Wierzbicka, 2007). However, to the best of my knowledge, this idea has rarely been put into practice. This study possibly represents one of the first attempts at using NSM and Minimal English for ELT purposes.

4. THE MEANING OF *THEREFORE*

As discussed, definitions of *therefore* from dictionaries include ‘for that reason’, ‘because of that’, ‘consequently’, and ‘as a result’. The common theme appears to be one of cause and effect. This is consistent with the findings of scholars who describe the connector as reflecting a ‘causal’ or ‘causal-conditional’ relationship (Celce-Murcia & Larsen-Freeman, 1999, p. 530; Halliday & Matthiessen, 2014, p. 619). All this seems to suggest that the meaning of *because*, the semantic prime that designates a causal relationship (Goddard, 2011), is prior to the meaning of *therefore*; we need the word *because* (or its allomorph *why*) to define *therefore*. Halliday and Hassan (1976, p. 232), for example, claim that the word *therefore* is ‘roughly equivalent in meaning’ to *because of this*. Examples from the online Webster dictionary suggest that the concept of *because* is important in defining the word:

The cell phone is thin and light and *therefore* very convenient to carry around.

Payment was received two weeks after it was due; therefore, you will be charged a late fee⁷.

Paraphrasing the sentences with *because* seems to yield very similar meanings:

The cell phone is very convenient to carry around because it is thin and light.

You will be charged a late fee because payment was received two weeks after it was due.

⁷ <http://www.merriam-webster.com/dictionary/therefore>

It therefore seems tempting to define *therefore* in this way:

X; therefore, Y =

because of X, it is like this now: Y

However, the word *therefore* appears to be semantically more complex, even if, according to an anonymous reviewer, it functions syntactically as a near converse of *because of this*. It does not merely describe a causal relationship. Consider these two hypothetical examples:

John cried because his colleagues called him names.

John's colleagues called him names. Therefore, he cried.

They obviously do not mean the same thing. In the first example, the word *because* explains why John cried, whether the reason is acceptable to people in general. However, in the second sentence, the implication (roughly speaking) seems to be that crying is a logical consequence of what the colleagues did. In the first example, the addressee might think that there is something wrong with John, whereas in the second example, the addressee might think that there is something wrong with the speaker for drawing that relationship. A British consultant succinctly describes an important difference between *because* and *therefore*. According to him, 'I think perhaps there is more emphasis on causation in 'because'. I caught a cold because it was raining. It was raining therefore I caught a cold seems more inevitability'.

The keyword seems to be *inevitability*. The connector reflects a sense of inevitability, which seems to be compatible with the idea of a logical consequence. Celce-Murcia and Larsen-Freeman describe the relationship in a similar fashion, saying that, *therefore*, 'when used with causes, tends to be used when listeners/readers are in a much better position to come to the conclusion on their own' (1999, p. 534). However, they also add that the word 'is also used in such a way as to invite listeners/readers to construct an inference of a noncausal type, which is again like to be easy for them to construct based on the fact given' (Celce-Murcia & Larsen-Freeman, 1999, p. 534). Here is their example:

The gun was under the bed; Smith had a guilty look on his face; *therefore*, it is likely that Smith committed the crime. (Celce-Murcia & Larsen-Freeman, 1999, p. 534)

This is interesting because the authors imply that *therefore* does not necessarily reflect a causal relationship but possibly an inferential one. The (online) Free Dictionary also says that the word is 'used to mark an inference on the speaker's part'. However, it may be argued that an inferential relationship must in a way be causal in nature. If someone can infer Y from X, it may be said that X is the reason why someone can arrive at Y: because of X, you now know why it is Y. The following example from The Free Dictionary (online) helps illustrate this point⁸:

Those people have their umbrellas up: therefore, it must be raining.

⁸ <https://www.thefreedictionary.com/therefore>

In this example, the speaker sees people having their umbrellas up. Even though there can be other reasons for having one's umbrella up, the most rational explanation is that it is raining, because that is what umbrellas are usually associated with.

In sum, the paraphrase or explication to describe *therefore* must be compatible with both a causal and an inferential relationship. In other words, the explication must describe these two situations. Also, it should reflect the notion of inevitability. Here, I present a proposed statement of meaning of the connector *therefore*:

X. Therefore, Y =

I want you to know it is like this: X

because of this, you now know why it can't not be like this: Y

This explication could be explained in two parts. The first part refers to the 'reason' given and the second part refers to that which is perceived to be inevitable. The explication reflects a causal relation, which could explain why the connector is often defined as 'because of' or said to express a 'causal relationship'. In addition, the part 'it can't be like this' expresses a sense of inevitability (as discussed above), which means that the connector embodies more than a mere causal relationship. This is compatible with Goddard's observation that the connector is related to speech acts, in particular 'I conclude' (email, Dec 2010).

The explication can be tested against an example provided by John Wakefield, who was responding to my request for a review of my explication. Here is his example:

I'm crazy busy at the moment, but I find this to be a very interesting challenge. I will 'therefore' work on this later and tell you my thoughts.

Here is the explication:

I want you to know it is like this:

'I'm crazy busy at the moment, but I find this to be a very interesting challenge.'

because of this, you now know why it can't not be like this:

'I will work on this later and tell you my thoughts.'

This particular example is interesting because, whereas in many other examples Y refers to something observable and perhaps even a foregone conclusion sometimes, here Y refers to a future act not yet observable. Nevertheless, the connector may be used because the addressee is expected to be able to see why this has to be the case, that is, why the speaker can only do it in the future.

5. THE MEANING OF *MOREOVER*

The connector *moreover* may prove to be more challenging for learners than *therefore* if only because it is rarely used in everyday speech. According to the online Longman Dictionary of Contemporary English Advanced Learner's Dictionary (LDCEALD)⁹, the word is 'very formal and not common in spoken English'. As a British consultant admitted to me, 'I don't use it very often' (email, Dec 2011). When I commented to him, 'I read that it's a formal word that is rarely used in conversations', he

⁹ <http://www.ldoceonline.com/dictionary/moreover>

responded: ‘Yes — *moreover* is quite a literary word, used in formal writing. You can use it in speech but it sounds literary.’ Perhaps because of this, the LDCEALD encourages readers to use ‘**besides** or **also** instead’ (original bold).

However, asking learners to use *also* and *besides* instead of *moreover* is hardly helpful from a pedagogic perspective and, furthermore, the words have different meanings. Two self-proclaimed native speakers, who go by the handles *lizzeymac* and *kaylee*, discuss their semantic differences online in *WordReference.com*¹⁰.

While people may use [‘*moreover*’] interchangeably with ‘*also*’ in casual (sloppy) English it does not mean *also* or *in addition to*, it means ‘*what is more important (than those facts I have already stated)*’ or ‘*what is of greater impact*’. Greater than, not in addition to. (*lizzeymac*, May 17, 2006)

I would not use *moreover* and *besides* interchangeably, but maybe you can in AE¹¹, or maybe I am wrong!

I would use **besides** if making another point that perhaps is slightly off topic, whereas I would use *moreover* for if I was making a point that was stronger than the last one.

Eg I don't want to go to the party and **besides**, there are no buses to take me.

or

I don't want to go to the party and **moreover**, why is she even having a party in the middle of exam leave?

However, in informal spoken language I would not use *moreover* at all. (*kaylee*, May 17, 2006)

As the writers suggest, *moreover* implies that the idea it introduces is somewhat more important than the one presented before. This is consistent with what my consultant Emlyn-Jones says, ‘So I think it is saying, that even if there's any doubt about the first statement, the second one overrides the doubt’ (email, Dec 2011). This meaning is presumably not expressed by the connectors *also* and *besides*.

There have been various attempts to define the word. Some examples can be found on an online dictionary *wordswarm.net*¹², which presents a list of definitions from various dictionaries and here are some of the given definitions.

[more and over.] Beyond what has been said; further; besides; also; likewise. (Webster, 1828)

(introducing or accompanying a new statement) further, besides. (Oxford Reference Dictionary)

[More + over.] Beyond what has been said; further; besides; in addition; furthermore; also; likewise. (...) Syn: Besides, Moreover. Usage: Of the two words, *moreover* is the stronger and is properly used in solemn discourse, or when what is added is important to be considered. (Webster, 1913)

You use **moreover** to introduce a piece of information that adds to or supports the previous statement. (Collin's Cobuild Dictionary)

¹⁰ <http://forum.wordreference.com/showthread.php?t=151856>

¹¹ It is not certain what the author means by ‘AE’ but it could be ‘American English’

¹² <http://www.wordswarm.net/dictionary/moreover.html>

All these definitions, or in some instances near synonyms, do tell us something about the word, even if they mostly do not precisely capture its semantic invariant and are not particularly helpful from a pedagogic point of view. It seems obvious that the connector means more than ‘in addition’, as implied by its morphological makeup *more* and *over*. The Collin’s Cobuild Dictionary is right in saying that it is used to introduce something in support of something previously said, like a kind of reason. As similarly stated in various online source: the connector is ‘used to introduce information that adds to or supports what has previously been said’¹³, to ‘supplement an argument’¹⁴, and ‘suggests that you are about to give an additional reason’¹⁵.

All these explanations tell us that the connector allows the speaker to introduce something to support an idea, as the following example from one of the sources referred to above shows.

I don't like that car; it's too small to fit all of us into. Moreover, it's green, and I hate green.

In this example, the speaker states that he does not like the car and explains why. Firstly, the car is too small. Secondly and presumably more importantly, the car is green, a colour he proclaims to hate. This important aspect of the meaning of the connector is exemplified in the following dictionary examples.

The cameras will deter potential criminals. *Moreover*, they will help police a great deal when a crime actually is committed. (Webster online)

Swimming alone is against the rules and, *moreover*, it's dangerous. (Webster online)

The rent is reasonable and, *moreover*, the location is perfect. (LDCEALD)

The source of the information is irrelevant. *Moreover*, the information need not be confidential. (LDCEALD)

A fairly good description of the word comes from Celce-Murcia and Larsen-Freeman (1999, p. 533), who write, ‘*Moreover* is used primarily in arguments where several premises are used to support a conclusion of some sort’. More specifically, however, supporting ideas are given and the connector introduces a *final* supporting idea that is positioned as being more important than the previous ones. Here is a good example given by Celce-Murcia and Larsen-Freeman (1999, p. 533).

Smith probably committed the crime. He had a guilty look on his face. *Moreover*, the police found a gun under his bed.

This is a good example, as it clearly reflects the meaning of the connector. There is first and foremost a statement (‘Smith probably committed the crime’). It is followed by a supporting idea (‘He had a guilty look on his face’) and another, *final*, supporting idea that appears to be more important than the former one (‘the police found a gun under his bed’).

¹³ <http://www.ldoceonline.com/dictionary/moreover>

¹⁴ http://wiki.answers.com/Q/What_does_the_word_moreover_mean

¹⁵ <http://www.english-test.net/forum/ftopic33893.html>

Interestingly, the connector *moreover* is different from *therefore* in one important respect. In the case of *therefore*, the claim that the speaker wants to make appears after the connector and the supporting idea(s) before. By contrast, in the case of *moreover*, the claim that the speaker wants to make appears before the connector, while the supporting ideas, before and after. Here is the proposed meaning of *moreover*.

X. Moreover, Y. =

I said something because I wanted you to know how I think about something
at the same time, I wanted you to know why I think it is like this
because of this, I said, ‘X’
I now want to say one thing more
I want to say it because I want you to know why I think it has to be like this
I say, ‘Y.’
I don’t have to say anything else now
After this, I think that you will think that it has to be like this

This explication tells us that the connector is used to support an idea (e.g. a stand, an argument). It implies that the speaker has already said something to support the idea but is introducing something of greater significance than the previous ideas. We can now test this formulation against the example from Celce-Murcia and Larsen-Freeman (1999, p. 533).

Smith probably committed the crime. He had a guilty look on his face. Moreover, the police found a gun under his bed. =

I said something because I wanted you to know how I think about something:
‘Smith probably committed the crime.’
at the same time, I wanted you to know why I think it is like this
because of this, I said, ‘He had a guilty look on this face.’
I now want to say one thing more
I want to say it because I want you to know why I think it has to be like this
I say, ‘The police found a gun under his bed.’
I don’t have to say anything else now
after this, I think that you will think that it has to be like this.

It might be added here that this is a particularly good example because the claim (‘Smith probably committed the crime’), a first reason for the claim (‘He had a guilty look on his face’) and a more important reason (‘the police found a gun under his bed’) are all given. In many other examples presented in dictionaries, the claim is implicit.

6. THE MEANING OF *IN FACT*

A distinction should be made between two meanings of *in fact*, one of which is the object of this study. One meaning allows it to be used to introduce a phrase (e.g. noun phrase, adjectival phrase), as exemplified by the following example:

...that sleek slab levitating in midair is *in fact* a bed, and it is floating unsupported — though lightly tethered at its four corners...¹⁶

¹⁶ http://www.beedictionary.com/meaning/in_fact

This is presumably different from saying, ‘(...) *In fact*, that sleek slab levitating in midair is a bed’, where *in fact* introduces a clause, thus functioning as a connector. As a connector, *in fact* has an additive sense. As we shall see, the connector introduces an idea in support of something. When *in fact* is used to introduce a phrase, it does not appear to have this additive sense.

According to Halliday and Hassan, *in fact* belongs to the class of connectors the meaning of which is something like ‘as against what the current state of the communication process would lead us to expect, the fact of the matter is...’ (1976, p. 253). The connector expresses an ‘adversative relation’ and its meaning may thus be described as ‘contrastive’ (Halliday and Hassan, 1976: 253). Roger Woodham, on a webpage in the BBC World Service website (‘Learning English’)¹⁷, says something similar. According to Woodham, the connector ‘can be used to modify or contradict a previous statement’, as the following example from the same webpage shows:

Well, it may sound very straightforward to you, but in fact it’s all very complicated.

However, the same BBC webpage points out that the connector has another use. Apparently, it ‘can also be used to introduce more detailed information or to make things clearer or more precise’, as the following examples given suggest:

I got so bored with what he was saying that *in fact* I fell asleep.

I’m going to take on a bit more responsibility now that Kevin’s left.
John, that’s wonderful news.

Yes, well, *in fact* I’ve been promoted to senior sales manager.

Here is another, longer example of this other use from James Chartrand’s blog. The details might be necessary to reveal the meaning of *in fact*.

(...) I really, really wanted to make this work.

But I was still having a hard time landing jobs. I was being turned down for gigs I should’ve gotten, for reasons I couldn’t put a finger on.

My pay rate had hit a plateau, too. I knew I should be earning more. Others were, and I soaked up everything they could teach me, but still, there was something strange about it...

It wasn’t my skills, it wasn’t my work. So what were those others doing that I wasn’t?

One day, I tossed out a pen name, because I didn’t want to be associated with my current business, the one that was still struggling to grow. I picked a name that sounded to me like it might convey a good business image. Like it might command respect.

Instantly, jobs became easier to get.

There was no haggling. There were compliments, there was respect. Clients hired me quickly, and when they received their work, they liked it just as quickly. There were fewer requests for revisions — often none at all.

Customer satisfaction shot through the roof. So did my pay rate.

And I was thankful. I finally stopped worrying about how I would feed my girls. We were warm. Well-fed. Safe. No one at school would ever tease my kids about being poor.

¹⁷ <http://www.bbc.co.uk/worldservice/learningenglish/grammar/learnit/learnitv247.shtml>

I was still bringing in work with the other business, the one I ran under my real name. I was still marketing it. I was still applying for jobs — sometimes for the same jobs that I applied for using my pen name.

I landed clients and got work under both names. But it was much easier to do when I used my pen name.

Understand, I hadn't advertised more effectively or used social media — I hadn't figured that part out yet. I was applying in the same places. I was using the same methods. Even the work was the same.

In fact, everything was the same.

Except for the name. (...)

What all this seems to suggest is although *in fact* is often used in a counter-argument, it does not have to be. It could also be used to elaborate or support an argument or a proposition. Nonetheless, these two uses seem to have something in common; in both cases there seems to be a strong implication or indication that the speaker wants to support what they have just said with a piece of fact. This means that any difference is more contextual than semantic and we may thus not need to posit two meanings for this connector.

It should be mentioned that the meaning of *in fact* is complex because it embodies the meaning of the word *fact*, a quintessentially English word; one needs the word *fact* to define *in fact*. The word *fact* will not be discussed in any detail here because Wierzbicka (2006, p. 43) has defined the word (in the plural form):

facts =

people can know that it is like this

they can know it as they can know that something is in a place if they see that place

if someone wants to know that it is like this they can do something

other people can do the same thing

What this essentially means is that facts constitute knowledge and are knowable to people. They have to do with what one knows, not what one thinks. Facts are also expected to be accessible to anyone in the sense that it does not depend on any one individual's opinion.

Another important characteristic of *in fact* seems to be that, unlike *therefore* and *moreover*, the user is not exactly trying to provide evidence to support a given claim. Rather, they are trying to introduce a piece of fact which says something broadly similar or something that entails what the speaker wants to say. For example, when one says, 'I got so bored with what he was saying that in fact I fell asleep', the speaker is not exactly presenting the fact that they fell asleep as evidence that they were bored. Rather, they are saying broadly similar things when they say 'I got so bored' and 'I fell asleep'. However, the latter ('I fell asleep') is presented as a fact and, being a fact, it gives weight to the claim. Additionally, the idea that 'I fell asleep' (in this context) entails the idea that 'I got so bored'.

The idea that *in fact* is used to introduce a fact that says something similar or something that entails a given idea is important, because this means that one semantic component of *in fact* is 'if you know this fact, you will know why I said that it is like this'

rather than ‘if you know this fact, you will know why it is like this’, which implies a kind of cause and effect relationship.

It is proposed here that the meaning *in fact* may be explicated in this way, with the word *fact* acting as a semantic molecule.

In fact, X =

I said about something: it is like this
I now want to say something more
this something is a fact
if you know it, you can know why I said that it is like this
the fact is this: Y

This formula seems to have some descriptive adequacy.

I got so bored with what he was saying that in fact I fell asleep =

I said about something: it is like this, ‘I got so bored with what he was saying.’
I now want to say something more
this something is a fact
if you know it, you can know why I said that it is like this
the fact is this, ‘I fell asleep.’

It is not entirely clear at this stage why this connector is not often used by learners of English, especially those who do not speak any variety of English as a native language. One hypothesis is that they are not familiar with the quintessentially English word *fact*, which is not just an English word, but a scientific word as well. Many languages do not have a semantic equivalent for this word. In fact, it might be said that the word *fact* is another challenging area in the area of English language teaching.

7. PEDAGOGIC IMPLICATIONS

Ultimately, the objective of this study is to present the NSM approach, developed by Wierzbicka and colleagues, as a pedagogic method to help learners acquire meaning. However, as mentioned, this method has rarely, if ever, been put into practice in the ELT classroom, much less tested. In this study, there is some evidence to suggest that NSM is helpful for ELT purpose.

In the test, I asked students what they thought of the following example (Celce-Murcia & Larsen-Freeman, 1999, p. 534). I labeled the two reasons X and Y.

Smith probably committed the crime. He had a guilty look on his face (X). Moreover, the police found a gun under his bed (Y).

Opinions were divided; some students said it was a good example while others disagreed. Whether they thought it was a good example or not, their reasons suggest that they did not fully understand the meaning of the connector. Here are three comments from students regarding the above example.

1. Good example because Y is support for X.
2. Not a good example because Y is more important than X. Y and X should be interchangeable.
3. Not a good example; X and Y should be parallel and Y has additional information about X.

Suffice to say here that Y is not meant to be a support for X, and neither should X and Y be interchangeable or of equal status.

On another occasion, I first asked students to look at three examples of use of the word *moreover* and asked them to say which examples were good examples and which were not. All the examples were not supposed to be good examples but the answers from students were all different, without any discernible pattern. The only interesting thing was that no student said that the examples were all not good examples. Here are the examples shown to the students.

Table 1 shows percentages of NUS international students' attitude towards writing and activities related to writing. As can be seen, generally, all the entire students agree that they cannot write well in English and also, seventy five percent did not like to write at all. Moreover, they prefer to write in their native language rather than write in English. This kind of trend may suggest that there is specific indication where international students have such difficulties in writing ability. In overall, to help them learning to write in English, compared with their classmates' comments, they prefer to have comments and grammar editing from their teacher. In addition, they prefer not to give comments on their classmates' writing either. Our results suggest that all the students need to have more time to discuss their writing difficulties with their teacher.

Table 2 shows percentages of NUS international students' attitude towards blogging as a writing activity. As can be indicated, overall, most of the students agree that blogging is fun and it is a good way to improve their writing. Moreover, they all agree that blogging is a form part of their writing course because their blogging partner encourages them to write more often. They also like to receive feedback from their teacher rather than their classmates in their writing blog. Our result may suggest that blogging have a good correlation with students' writing attitude because it encourages students to write more. Furthermore, as can be seen, seventy to eighty percent of the students are not afraid of receiving feedback from their teacher and classmates on their writing blog. All of them agree that looking for mistakes in their blog or their classmates' blog is a good learning experience in writing. These results may suggest teacher to be more active in blog to encourage students to write and learn.

These tables collectively suggest that, in NUS, teacher should be encourage international students more often to write and give their student time to have discussions and grammar editing in their essays for their English writing difficulties. Moreover, it could be said that blogging is one way to encourage students to write more often and learn from their teacher and classmates.

On both occasions, however, after the explication of *moreover* was shown to the students and each semantic component carefully explained, the students were soon able to judge the representativeness of the examples. On the second occasion discussed above, for example, the students were able to see that all the three examples were not particularly good examples. These two exercises constitute a piece of evidence to suggest the NSM approach is helpful for ELT purposes.

Immediately after one of these occasions, the students were asked to write examples of how the connector is to be used. Here are some of their examples.

Students like to write blogging. They are not afraid of making mistakes in blogs. Moreover, they can communicate with each other by blogging.

I like academic research. This is because that it can be my job in the future. Moreover, academic research contributes to the development of human society.

NUS is a world leading university. The equipments in NUS are advanced. Moreover, NUS has a high rank in the world.

Smoking in the classroom is impolite to the other students. Moreover it is against the law.

While some of these examples may not be the most convincing examples, it is observed that each example has an idea to be supported, which may be implicit, a supporting idea and another, presumably more important, supporting idea. This is another small piece of evidence to suggest that the NSM paraphrase is helpful.

However, it should be mentioned that the victory appeared to be rather short-lived. In a subsequent assignment, some of the students seemed to have forgotten how to use *moreover* and used it like they did before. Then again, perhaps this should not be seen as a shortcoming of NSM. The reason is that such a phenomenon happens rather often; all too often, English learners make mistakes in grammar even when they apparently know the rules. In my experience, it is not uncommon for students to make grammatical mistakes (e.g. agreement) even though they can say what the problems are when pointed out to them. In fact, even teachers (non-native speakers of English) are guilty of this. If this can happen in the area of grammar, there is no reason to assume that it cannot happen in the area of meaning. It might take time for rules to be internalized.

8. CONCLUDING REMARKS

One of the hallmarks of academic writing is the use of logic connectors to construct an argument but many non-speakers of a traditional variety of English seem to have problems with them. If this author's experience as a classroom English learner is anything to go by, despite their importance, logical connectors are seldom given as much attention as aspects of grammar.

An English language teacher needs a sound methodology with which to teach the meaning of logical connectors and one such methodology may be found in NSM, which research suggests can explicate meaning with a high degree of clarity and precision. As a pedagogic tool, NSM is rarely exploited but numerous studies have suggested that it is a useful tool for the teaching and learning of meaning. This paper advocates the use of the NSM approach to complement and supplement other ELT approaches.

© Jock Onn Wong, 2018

REFERENCES

- Allan, K. (1986). *Linguistic Meaning, Volume 1*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Carter, R. A. (1987). Is there a Core Vocabulary? Some Implications for Language Teaching. *Applied Linguistics*, 8(2), 64—72. doi:<https://doi.org/10.1093/applin/8.2.178>
- Celce-Murcia, M., & Larsen-Freeman, D. (1999). *The Grammar Book: An ESL/EFL Teacher's Course* (Second edition). Boston: Heinle & Heinle.
- Gladkova, A., & Romero-Trillo, J. (2014). Ain't it beautiful? The conceptualization of beauty from an ethnopragmatic perspective. *Journal of Pragmatics*, 60, 140—159.
- Goddard, C. (ed.). (2006). *Ethnopragmatics: A Fresh Approach to Discourse in Culture*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Goddard, C. (ed.). (2008). *Cross-Cultural Semantics*. Amsterdam: John Benjamins.

- Goddard, C. (2011). *Semantic Analysis: A Practical Introduction* (Second ed.). Oxford: Oxford University Press.
- Goddard, C., & Wierzbicka, A. (eds.). (1994). *Semantic and Lexical Universals: Theory and Empirical Findings*. Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, C., & Wierzbicka, A. (eds.). (2002). *Meaning and Universal Grammar: Theory and Empirical Findings* (Vol. 1). Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, C., & Wierzbicka, A. (2007). Semantic primes and cultural scripts in language learning and intercultural communication. In S. Farzad, & G. B. Palmer (Eds.), *Applied Cultural Linguistics: Implications for Second Language Learning and Intercultural Communication* (pp. 105—124). Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, C., & Wierzbicka, A. (2018). Minimal English and how it can add to Global English. In C. Goddard (Ed.), *Minimal English for a Global World: Improved Communication Using Fewer words* (pp. 5—27). Cham: Palgrave Macmillan.
- Halliday, M. A., & Matthiessen, C. M. (2014). *Halliday's Introduction to Functional Grammar* (Fourth edition). Abingdon: Routledge.
- Halliday, M. A., & Hassan, R. (1976). *Cohesion in English*. New York: Longman.
- Ho, S. T., & Khor, N. H. (2010). *Panpac Additional Mathematics*. Singapore: Marshall Cavendish Education.
- Peeters, B. (ed.). (2006). *Semantic Primes and Universal Grammar: Empirical Evidence from the Romance Languages*. Amsterdam: John Benjamins.
- Wierzbicka, A. (1972). *Semantic Primitives*. Frankfurt: Athenäum.
- Wierzbicka, A. (1986). Introduction (Special issue on 'Particles'). *Journal of Pragmatics*, 10(5), 519—534.
- Wierzbicka, A. (1988). *The Semantics of Grammar*. Amsterdam: John Benjamins.
- Wierzbicka, A. (1991). *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, A. (1996). *Semantics: Primes and Universals*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, A. (1997). *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German and Japanese*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wierzbicka, A. (2001). *What did Jesus Mean? Explaining the Sermon on the Mount and the Parables in Simple and Universal Human Concepts*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, A. (2004). Jewish cultural scripts and the interpretation of the Bible. *Journal of Pragmatics*, 36(3), 575—599.
- Wierzbicka, A. (2006). *English: Meaning and Culture*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, A. (2013). *Imprisoned in English: The Hazards of English as a Default Language*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, A. (2018). Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics*, 22(1), 38—53. Retrieved from <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/17846/15441>
- Wong, J. O. (2014). *The Culture of Singapore English*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ye, Z. (Ed.). (2017). *The Semantics of Nouns: A Cross-Linguistic and Cross-Domain Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Yoon, K.-J. (2005). *Constructing a Korean Natural Semantic Metalanguage*. Seoul: Hankook.

Article history:

Received: 7 April 2018

Revised: 18 May 2018

Accepted: 21 May 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 7 апреля 2018

Дата принятия к печати: 21 мая 2018

For citation:

Jock Onn Wong (2018). The Semantics of Logical Connectors: therefore, moreover and in fact. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 581—604. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-581-604.

Для цитирования:

Jock Onn Wong. The Semantics of Logical Connectors: therefore, moreover and in fact // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 3. С. 581—604. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-581-604.

Bionote:

JOCK ONN WONG is a lecturer at the Centre for English Language Communication, National University of Singapore, where he teaches semantics, pragmatics, and academic writing. His research interests include semantics, pragmatics, language and culture, English Language teaching, Singapore English and Anglo English. He has written a number of papers on Singapore English, Anglo English and English language teaching. His book, 'The Culture of Singapore English' (2014, Cambridge University Press), discusses how Singapore English reflects Singaporean meanings, values and other world views. He believes that when one learns a language, one should go beyond grammar and understand the meanings and culture it is associated with.

Contact information: Email: jockonn@gmail.com

Сведения об авторе:

ДЖОК ОНН ВОНГ преподает семантику, прагматику и академическое письмо в центре Коммуникации английского языка в Национальном университете Сингапура. В сферу его научных интересов входят семантика, прагматика, язык и культура, преподавание английского языка, сингапурский английский, англо-саксонский английский. Его публикации включают работы по сингапурскому английскому, англо-саксонскому английскому и преподаванию английского языка. В своей книге 'The Culture of Singapore English' (2014, Cambridge University Press) он рассматривает, как в данном варианте английского языка отражены сингапурская языковая картина мира, а также значения и ценности. Он придерживается мнения о том, что в изучении языка важно не только овладеть грамматикой, но и стремиться к пониманию культуры.

Контактная информация: jockonn@gmail.com.

ACKNOWLEDGMENTS

I would like to thank Brian Poole, Anna Gladkova and an anonymous reviewer for reading an earlier version of this paper and giving me valuable feedback.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Я выражаю благодарность Брайану Пулу, Анне Гладковой и анонимному рецензенту за прочтение моей статьи и ценные комментарии.

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-605-627

Заметки о русском числе

Е.В. Рахилина¹, А.К. Казкенова²

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт русского языка имени В.В. Виноградова
Российской академии наук
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; 119019,
Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

²Казахский национальный педагогический университет
имени Абая
050010, Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, 13

Аннотация

Статья посвящена хорошо известной проблеме выбора грамматических маркеров: верно ли, что этот выбор мотивирован семантически. Объектом нашего исследования стало распределение числовых форм в русском языке. О языковой специфичности правил выбора показателей русского числа одной из первых писала Анна Вежбицкая, сопоставляя русскую систему с системами других языков, прежде всего английского и польского (Wierzbicka 1988). В ее модели разница, которая наблюдается в употреблении числовых форм даже у близких по своей семантике имен — в том числе представляющих один и тот же таксономический класс (например, предметы мебели, или овощи, или посуду и др. под.) и встречающихся в одном и том же контексте — всегда мотивирована. Она определяется семантикой этих имен, точнее функциональными различиями соответствующих им объектов внешнего мира. В определенном смысле данная статья продолжает и развивает этот семантический подход, подхваченный затем другими специальными исследованиями по русскому числу (Поливанова 1997; Ляшевская 2004а и др.), однако на совершенно ином материале. Мы исследуем узус числовых форм у таких нестандартных носителей русского языка (Mustajoki, Protassova & Vakhtin 2010), как билингвы. В нашем случае это студенты крупных алматинских университетов, давно и хорошо говорящие по-русски, родным языком которых является казахский. Собранный и обработанный нами корпус текстов таких билингвов объемом 60000 слов является частью Русского учебного корпуса (RLC), который позволяет отслеживать в помещенных туда текстах отклонения от стандартной языковой нормы. Они представляют немалый интерес для лингвистической теории — прежде всего как источник примеров взаимодействия и взаимовлияния таких разных по своей структуре языков, как русский и казахский. Главная цель нашей работы — показать, что отклонения в числовом поведении имен в текстах билингвов не случайны, а мотивированы. Они подчинены определенным семантическим стратегиям, которым следуют эти «нестандартные говорящие», апеллирующие одновременно к двум языковым системам. В статье будет также показано, что отклонения от общепринятого узуса, то есть нарушения стандартных правил русской грамматики, которые мы наблюдаем на материале учебного корпуса, позволяют уточнить и сами эти правила, даже в такой хорошо изученной области, как распределение числовых показателей.

Ключевые слова: грамматическая семантика, русское число, билингвизм, грамматика ошибок, Русский учебный корпус

Notes on Russian Number

Ekaterina V. Rakhilina¹ & Aimgul K. Kazkenova²

¹National Research University Higher School of Economics;
V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Myasnitskaya str., 20, Moscow, 101000, Russia;
Volkhonka str., 18/2, Moscow, 119019, Russia

²Abai Kazakh National Pedagogical University
Dostyk ave., 13, Almaty, 050010, Kazakhstan

Abstract

The paper deals with a well known problem of the distribution of grammatical markers within a certain category and whether this distribution is motivated semantically or not. It discusses the choice of singular and plural forms of nouns in Russian texts. Anna Wierzbicka was one of the first to recognize that the rules which regulate the usage of number markers in Russian are language-specific. She compared the Russian system with the systems of other languages, mainly, English and Polish (cf. Wierzbicka 1988). According to her theoretical assumptions, the difference of the linguistic behaviour of singular and plural forms is always semantically motivated, even if the corresponding nouns represent the same taxonomic class and occur in the same context (like different pieces of furniture, or kinds of vegetables, or types of dishes, etc.). The difference is always determined by the semantics of nouns and the typical functions of the extralinguistic objects they encode. This approach has been pursued by a number of scholars (see: Polivanova 1997; Lyashevskaya 2004a and others). Our paper develops this approach further on the basis of very different data. We take our data from texts written by nonstandard speakers of Russian (as defined by Mustajoki, Protassova & Vakhtin 2010) who are bilinguals. In our case these are students of the major universities in Almaty, who speak Russian fluently and acquired it long before entering university, having Kazakh as their native language. We have gathered and tagged a corpus of bilingual texts of this kind containing 60 000 tokens. This is a part of the Russian Learner Corpus (RLC) which facilitates identification of deviations from standard Russian. The analysis of these deviations is of particular interest for linguistic theory, since they provide cases of interference and interaction for languages of very different structure, such as Russian and Kazakh. The main goal of our paper is to show that the deviations in nominal number marking we come across in the texts of bilinguals are not arbitrary but motivated. They follow semantic strategies which are characteristic for speakers appealing to both systems at once. The paper argues that the violation of standard usage observed in the learner corpus can specify the rules governing Russian number usage which have been violated, even though the domain of number has been well described already.

Keywords: *semantics of grammar, Russian number, bilingualism, grammar of errors, Russian Learner Corpus*

1. ВВЕДЕНИЕ

Эта статья — о поведении числовых форм в русском языке. Их семантика и распределение когда-то становились сюжетом для блестящих лингвистических статей поколения наших учителей, прежде всего А.А. Зализняка, И.А. Мельчука, Е.В. Падучевой, А.К. Поливановой (Зализняк 1967; Падучева 1967, 1996; Зализняк, Падучева 1997; Mel'čuk 1979; Мельчук 1985; Поливанова 1983, 1997), и в их числе Анны Вежбицкой. Действительно, в центре одной из самых захватывающих дискуссий о том, в какой степени распределение числовых форм регулируется семантикой, была в свое время монография Анны Вежбицкой «The semantics of Grammar» (Wierzbicka 1988), получившая мировую известность. Мы надеемся, что сюжет о русском числе интересен ей и сегодня, и предложим свой, не вполне

стандартный, ракурс исследования реально действующих правил по распределению числовых показателей. Материалом для наших наблюдений будут отклонения от принятой нормы, которые обнаруживаются в числовых формах в текстах нестандартных носителей русского языка, в нашем случае билингов.

Как известно, подход к грамматике, который отталкивается от подобного рода отклонений в узусе, оказывается не только продуктивным, но и очень современным, хотя апеллирует он к традиции, заложенной больше 100 лет назад (Frei 1993) и известной под именем «Грамматика ошибок»¹. Это связано с новыми технологиями, которые уже прочно вошли в лингвистическую практику — а именно так называемыми учебными корпусами, содержащими тексты неканонических носителей — прежде всего изучающих данный язык, но также и билингов (Никунласси, Протасова 2014; Протасова 2014; Korneev & Protassova 2018).

Для русского языка таким новым инструментом изучения неисконной русской речи является Русский учебный корпус (RLC), разработанный Лабораторией по корпусным исследованиям Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и пополняемый учебными текстами в сотрудничестве с партнерами из разных стран. В основном корпус содержит тексты двух типов: это тексты студентов разного уровня, изучающих русский, и тексты так называемых эритажных носителей русского, унаследовавших этот язык от родителей, но живущих в другой языковой среде. Они представляют разные доминантные языки (в идеале — все возможные, но пока 15) — английский, французский, японский, нидерландский и др. в активном взаимодействии с русским в процессе порождения на нем текстов. Само это взаимодействие крайне нетривиально. Конечно, в первую очередь в нем задействованы механизмы интерференции — и прямого калькирования в русский из доминантного. Однако, как мы показали в (Рахилина 2014), причиной девиаций могут стать и более глубокие языковые закономерности. Бывает, что они приводят к порождению фрагментов, невозможных ни в одном из двух конкурирующих языков: ни в русском, ни в доминантном.

По многим своим характеристикам (морфологическим, синтаксическим, лексическим и др.) эти тексты отклоняются от современных норм русского языка. Исследование материала RLC (как и других таких корпусов) позволяет, отслеживая явные отклонения от действующей нормы, выявлять правила русского языка, которые в этом случае нарушаются. В том числе такая работа высвечивает и ту мини-грамматику, которая остается за бортом стандартных учебников русского как иностранного и в особенности русского как родного. Она апеллирует к частным, но с лингвистической точки зрения интересным, случаям сложного взаимодействия лексики и грамматики.

Наше небольшое исследование мы провели на относительно новом для RLC материале, а именно на текстах казахско-русских билингов больших городов

¹ Нельзя не вспомнить, что в свое время в традиционной русистике сформировались отдельные концепции и целые направления, для которых точкой отсчета стало именно изучение особенностей использования русского языка инофонами, ср., например, исследования «языка русского зарубежья» Е.А. Земской (Земская 2001а, 2001б) и др.

(в нашем случае — Алматы), использующих русский в своей повседневной жизни. Методически работа с ними никак не отличается от работы с текстами русского как иностранного или эритажного: они также позволят нам взглянуть на нюансы русской грамматики как бы со стороны, на этот раз со стороны казахского языка.

При этом на первый взгляд система русского числа, с его единственным грамматическим противопоставлением SG — PL, производит впечатление очень бедной и простой — по сравнению хотя бы с древнерусской, в которой присутствовало двойственное число — не говоря уже о более дробных системах (Corbett 2000; Мельчук 1998; Плунгян 2011). Будучи бедной, она кажется и достаточно хорошо семантически мотивированной и в этом смысле — тоже лишенной сложности для не-носителей. Между тем так же, на первый взгляд, просто устроена и система казахского — однако наблюдения за письменной речью студентов-казахов показывают, что использование русских числовых форм сопряжено для них с целым рядом трудностей, которые и будут представлять для нас главный интерес.

Итак, в основу данной статьи легла работа с включенными в Русский учебный корпус русскими текстами казахских студентов-билингвов в объеме около 60 тыс. слов. Все авторы текстов свободно говорят на русском языке, который в том числе изучается в школах и университетах Казахстана и активно поддерживается в билингвальной среде крупного города (Алматы). Прямое или косвенное влияние казахского в их текстах возникает прежде всего в определенных точках системы — как мы покажем, не вполне устойчивых и для русского. Замеченные в них эффекты прямого или косвенного калькирования (трансфера) можно рассматривать как ключи к поиску и описанию нетривиальной сочетаемости разного рода. Мы дадим этому небольшие иллюстрации — все они связаны с выбором числовых форм — и обсудим особенности их выбора, одновременно обращая внимание на частные свойства собственно русской числовой системы, которые обычно не бросаются в глаза при «внутриязыковом» описании.

Статья состоит из пяти разделов, помимо Введения. В первом мы коротко опишем систему казахского числа — как основу для последующего анализа. Во втором разделе мы рассмотрим морфологические примеры, где ожидается простое калькирование. В третьем обсудим случаи расхождения языков в отношении нестандартной семантики числа, связанной с передачей референциальных свойств имен. Четвертый раздел будет посвящен синтаксису — а именно отклонениям в субъектном согласовании глаголов по числу. В каждом разделе мы будем обращать внимание на соответствующий фрагмент русской системы, обнаруживая в ней внутренние, собственно русские корреляты, казалось бы, совершенно аграмматичным формам, присущим казахским текстам. В последнем, пятом разделе — в Заключение — мы подведем общие итоги.

2. КРАТКО О КАЗАХСКОМ ЧИСЛЕ

Прежде чем перейти к разбору конкретного материала, дадим очень краткую справку об особенностях распределения числовых форм в казахском языке. Сведения о казахской системе нужны нам для того, чтобы определить, в какой степени

отклонения от стандартной стратегии выбора числовых форм в русской речи билингов обусловлены влиянием конкурирующего казахского языка. Поэтому мы сосредоточимся только на ее наиболее явных отличиях от соответствующей категории русского языка и отметим следующие три обстоятельства.

(1) В казахском языке, как и в русском, категорию числа традиционно рассматривают как двучленную — основанную на противопоставлении единственного и множественного числа². Вместе с тем исходная форма казахского существительного (без показателя множественности) может соотноситься с идеей числа иначе, чем мы бы ожидали, исходя из правил русской системы. Действительно, она может не только выражать значение единичности и определенности (*бір адам* ‘один человек’), но и, например, входить в состав сочетаний со словами, выражающими количественные значения (как в: *қырық қасқыр* ‘сорок волков’ или: *бірнеше кітап* ‘несколько книг’ — букв.: ‘сорок волк’ / ‘несколько книга’) или обозначать парные предметы и органы (*аяғына етік ки* ‘надень на ноги сапоги’, букв. ‘на ногу сапог надень’). В связи с этим в литературе часто говорится о нейтральности исходной формы существительного по отношению к выражению числовых значений (Гузев, Насилов 1975: 98; Балақаев, Қордабаев, Хасенова, Ысқақов 1967: 54).

(2) Важной функцией формы без показателя множественности (и падежа), вытекающей из ее нейтральности по отношению к идее числа, является выражение нереферентности (Плунгян 2003: 137), см. также (Маманов 1989: 28; Бейсенбаева 1994: 68) и др., ср.: *би билеу* ‘танцевать’ (букв.: ‘танцевать <какой-либо> танец’), *кітап оқу* ‘читать’ (букв.: ‘читать <какую-либо> книгу’). Референтность маркируется формой с аффиксом множественности или формой винительного падежа, например: *Кітап-тар* (‘книга-PL’) *осында жатыр*. ‘Книги здесь лежат’ или: *Мен осы кітап-ты* (‘книга-ACC’) *оқыдым*. ‘Я эту книгу читал’. (Плунгян 2003: 287; Жұбаева, Тураева 2016: 368—373).

(3) В отличие от русского, в казахском почти нет согласования по числу: прилагательные не согласуются с определяемыми существительными (*қызыл алма* ‘красное яблоко’, букв.: ‘красный яблоко’ — *қызыл алманың* (GEN) ‘красного яблока’, букв.: ‘красный яблока’ — *қызыл алмалар* (PL) ‘красные яблоки’, букв.: ‘красный яблоки’), а глаголы в форме 3-го лица (в отличие от форм 1-го и 2-го лица) не согласуются со своим субъектом, ср.: *Ол* (‘он’-SG) *мектепке келді* (SG). Букв.: ‘Он в школу пришел’ VS. *Олар* (‘они’-PL) *мектепке келді* (SG). Букв.: ‘Они в школу пришел’.

Каждого из этих обстоятельств достаточно, чтобы стать влиятельным источником изменения стандартной русской нормы в тексте, написанном казахским билингом. Другими словами, механизмы калькирования, ответственные за «имитацию» казахской конструкции в русской речи (Wasserscheidt 2016: 82), должны работать прежде всего здесь. В следующих трех разделах мы последовательно проследим, насколько слаженно они работают и почему дают сбой.

² См. другие возможные интерпретации устройства категории числа в тюркских языках, например: (Гузев, Насилов 1975).

3. НЕЙТРАЛЬНОСТЬ НЕМАРКИРОВАННОЙ ФОРМЫ (SG) ПО ОТНОШЕНИЮ К ЧИСЛУ: ПРЯМОЙ ТРАНСФЕР

Следуя логике предыдущего раздела, можно было бы ожидать, что в корпусе будут примеры прямого трансфера, во-первых, в количественных группах — именных конструкциях с числительными типа *тридцать восемь попугаев* и, во-вторых, среди употреблений имен парных предметов и названий частей тела. Мы добавим к упомянутым еще один, третий, пункт: клише, в которых сохраняется числовое маркирование родного языка, и рассмотрим их последовательно.

Первый случай как будто бы иллюстрируют корпусные примеры (1—3):

- (1) *Она родила и вырастила 8 ребенок.*
- (2) *В семье дедушки **шесть мальчика** и одна девушка, самая младшая.*
- (3) *Надо учитывать тот факт что кроме меня в семье **5 ребенка**.*

Все они грамматически неправильны — но неоднородны. Действительно, (1) и в самом деле является точной копией единственно возможной в казахском языке модели NUM + NOM SG (*segiz бала* ‘восемь детей’, букв.: ‘восемь ребенок’) — в русском число должно быть множественным, а сама форма существительного — супплетивной: *8 ребенков* → *8 детей*. Иной интерпретации, кроме как прямое заимствование из казахского, тут, видимо, быть не может. Другие два примера (2—3) устроены несколько иначе. В них реализована попытка билингва использовать специальную русскую генитивную конструкцию с существительным в единственном числе — конструкцию «малого количества», ср. *четыре мальчика* (GEN SG). «Ошибка» билингва в том, что она используется расширительно. В стандартном русском она применима только к трем контекстам: с числительными *два, три* и *четыре*, а билингв по этому образцу строит сочетания с числительными *пять* и *шесть*. И хотя число существительного здесь единственное, как в казахском, мы не можем говорить здесь о прямом трансфере из казахского. Скорее, здесь прослеживается влияние другого, смежного фрагмента самой русской системы.

Вторая ожидаемая зона калькирования — парные части тела. Действительно, в русских текстах казахских студентов они часто кодируются единственным числом, как в казахском, тогда как грамматически правильной русской формой было бы множественное. Ср. характерный пример (4):

- (4) *Самое важное — это умение работать **рукой**.*

Ең маңызды-сы қол-мен жұмыс істе-й біл-у.

Самый важный-3.POSS **рука-COM** работа делать-CVB уметь-INF.

‘Самое важное — уметь работать **руками**.’, букв.: ‘Самое важное — **рукой** работу делая уметь.’

Другой похожий пример:

- (5) *Слова матери эхом долетали **до моего уха**...*

Ана-м-ның сөз-дер-і құлағ-ым-а жаңғырық-пен жет-іп жат-ты.

Мать-1SG.POSS-GEN слово-PL-3.POSS **ухо-1SG.POSS-DAT** эхо-COM достигать-CVB AUX-PST(3)

‘Матери слова **до моего уха** эхом достигали.’

В данном случае сомнений в том, что тут некоторое отклонение от обычного узуса, не возникает — все примеры НКРЯ на соответствующий запрос (с глаголом *долетать* и существительным *ухо*) выдаются с множественным числом, как в (6):

- (6) *Он и сам чуть ли не повергался то ли в смятение, то ли в сомнения всякий раз, когда случайно этот хохоток долетал до ушей.* [Василий Аксенов. Тайственная страсть (2007)]

Однако «казахская» модель обозначения парных органов единственным числом не чужда и русскому, ср. хотя бы конструкции уровня типа: *засучить рукава по локоть* (SG).

Исследователи русского числа предлагали в связи с этим рассматривать русские парные части тела как единый сложный объект и его части (ср. Арбатский 1954; Ляшевская 2004а). Это решение полностью соответствует духу семантических интерпретаций сочетаемости с граммемами числа в зоне овощей-фруктов, предложенных в свое время Анной Вежбицкой. По-видимому, именно это семантическое представление о парных объектах как единых сложных лежит в основе стратегии, доминантной для казахского. В русском оно же объясняет такие (преимущественно фразеологизованные) примеры с SG, как: *радовать глаз* (SG), *держат ухо остро*, *набить руку*, *подвернуться под руку*, *в ус не дуть* и т.д.

Конечно, сочетания типа **радовать глаза* (PL) или **набить руки* (PL) в русском невозможны, но в целом внутри этой фразеологизованной зоны стабильности нет: в некоторых сочетаниях такого рода уже распространена вариативность³, когда в одном контексте возможна и форма единственного, и форма множественного числа.

Ср. (7) как функционально тождественные примеры (изменение мимики как выражение эмоции — в частности, удивления) с *поднял бровь / брови* из одного и того же произведения одного и того же автора:

- (7) — *То есть? — поднял брови* Улл. — *Ну, выходит из туловища в тонком теле.* [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)]
Аполло поднял бровь.
— *Тебе все еще непонятно?* [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)]

В нашем корпусе встретилось только единственное число, пример (8).

- (8) *...она улавливает мое настроение с одного поднятия брови.*

Он полностью соответствует казахскому узусу:

- (8^а) *Ол менің көңіл-ім-ді қимылда-ған қас-ым-нан біл-е-ді.*

³ Эти контексты требуют подробного исторического комментария. Действительно, их фразеологизованность говорит о том, что они отражают какой-то иной, более старый слой русской системы, когда парность продуктивно выражалась единственным числом. Однако ведь когда-то в русском имелось еще и двойственное число — ровно для этой цели. Поэтому последовательность изменений, которые происходили в этой лексической зоне, нуждается в строгой документации.

Он я:POSS настроение-1SG.POSS-ACC двигать-PST.PTCP **бровь-SG.POSS-ABL** знать-PRS-3

‘Он (здесь: она) мое настроение по поднятой **брови** знает.’

Тем не менее, ввиду вариативности в самом русском, калькой такой пример считаться не может.

Наконец, третий класс примеров в этом разделе: фразеологизованные конструкции за пределами частей тела. Нам встретилось два нетривиальных примера — со словом *граница* и со словом *дверь*. Первый содержит явное отклонение от нормы ввиду переинтерпретации *за границей*:

(9) *Есть люди которые живут за границами не понимая смысл слова дом но они когда нибудь узнают, как это — плохо жить далеко от дома.*

Природа такой переинтерпретации прекрасно описана в (Ляшевская 2004а: 178), где для объектов-линий (как *край*, *линия* или *граница*) вводится противопоставление *точечной* VS *широкой* локализации. Точечная локализация охватывает небольшой фрагмент линии, доступный для наблюдения говорящего, и маркируется SG, ср.: *за границей, на границе, по границе земельного участка, западная граница России*. Широкая локализация представляет линию как множество отдельных отрезков и, соответственно, соотносится с PL: *за границы / *границу дозволенного, на границах, границы земельного участка / России* и под. Как видим, в русском здесь происходят колебания в отношении числового маркирования — по семантическим причинам. С точки зрения носителя казахского, которому эта семантика незаметна, это просто вариативность: ведь в казахском значение ‘граница’ закреплено за *шекара*, а значение ‘заграница’ — за словом *шетел*, соответственно, ‘за границей’ — *шетелде* (LOC). Поэтому казахский билингв ведет себя здесь так, как если бы строгой нормы в русском просто не было. В данном случае такое его лингвистическое поведение высвечивает правила, которые уже описаны, например, в (Ляшевская 2004а) — но бывает и иначе.

Рассмотрим следующий корпусный пример со словом *дверь* (10):

(10) *Моя учительница в школе нам всегда говорила что я всегда делаю так что проблемы в школе оставляю у двери школы, чтобы дома было уютно и хорошо.*

Он отражает структуру посессивной конструкции казахского языка, в которой существительное *есік* ‘дверь’ стоит в единственном числе: *мектептің есігінің қасында* ‘у / возле **двери** школы’, тогда как в русском языке здесь естественно было бы использовать выражение *у дверей школы*, с множественным числом. При этом единственное число в родовом значении для *дверь* тоже используется, ср. хотя бы *стоял под дверью*. О.Н. Ляшевская (Ляшевская 2004а) связывает числовое варьирование такого рода с семантическим противопоставлением двери как проема / открытого пространства для входа и (результата метонимического переноса) двери как закрывающей его поверхности, ср. *ручка двери* VS. *широкие двери* или *застрясть в дверях*. Однако для объяснения (10) этого недостаточно: оказывается, в русском языке тут действуют и другие предпочтения. Данные основного корпуса НКРЯ подтверждают предположение о преимущественном использовании формы множественного числа в этом сочетании: *у двери школы*

не зафиксировано ни разу, однако при этом достаточно широко представлены примеры у *двери кельи / магазина / лифта / класса / кабинки / кабинета / дома / квартиры / сарая / кафе* и т.д.

Если искать семантический мотив в таком, на первый взгляд, непоследовательном распределении, нужно признать, что в нем отражается представление о прототипах разных видов зданий (помещений) и соответствующих им дверей. В частности, представление о прототипической школе, зафиксированное в русском языке, включает в себя образ распашных дверей.

Этот пример важен нам еще и с методической точки зрения: в той парадигме, которую задали работы Анны Вежбицкой, Игоря Александровича Мельчука, Анны Константиновны Поливановой и их последователей, контекстом числовой формы считается таксономический класс имени или его конкретный представитель. Следуя этой парадигме, мы говорим, что класс названий посуды или названий фруктов или имен веществ и проч. ведет себя так-то и так-то в отношении числа — или что слово, например, со значением ‘репа’ выступает как SG *tantum*, в отличие от другого представителя того же класса — скажем, ‘огурец’ — которое имеет обе числовые формы, но склонно к PL. Однако из нашего примера видно, что для описания числового поведения может понадобиться более широкий контекст, включающий имя объекта-целого (как здание / помещение для *дверь*), в тех случаях, когда сам по себе объект не задает типовой ситуации использования (или, в терминологии Московской лексико-типологической группы, фрейма, см. [Рахилина, Резникова 2013]).

Подводя итоги сказанному в этом разделе, обратим внимание, что, несмотря на ситуацию конфликта казахской и русской систем в тех точках, которые мы выбрали здесь для разбора (а именно, семантической нагруженности русских форм и «семантической пустоты» и обязательности некоторого способа числового маркирования [в наших случаях, как правило, SG] соответствующих им казахских), мы не наблюдаем ожидаемого в этом случае прямого (и сплошного) трансфера в речи казахских билингвов. Наши корпусные примеры отклонений от стандартной нормы касаются тех случаев, в которых мы наблюдаем вариативность в русской системе.

В следующем разделе мы рассмотрим более сложную ситуацию, в которой казахский числовой показатель семантически нагружен, а русский к этой семантике часто индифферентен — зато поддерживает иные семантические признаки и оппозиции.

4. ВЫБОР ЧИСЛОВЫХ ФОРМ И РЕФЕРЕНТНОСТЬ

Выбор форм единственного числа в нереферентном значении является регулярно повторяющимся явлением в русских текстах казахов-билингвов. Очевидно, что это прямое отражение конструкций родного языка, где, как мы уже говорили во Введении, форма без показателя множественности лишена количественного значения и во многих случаях выражает нереферентность именной группы. В русском языке, наоборот, отмечается «устойчивая связь между нереферентностью и множественным числом» (Плунгян 2003: 288), поэтому, как правило,

формы единственного числа в большинстве нереферентных контекстов кажутся в речи казахско-русских билингвов очевидным отступлением от правил стандартного русского языка. Ср.:

(11) *Побольше надо прочитать книгу* SG. [вместо: *Больше надо читать <книг PL>*]

(12) *И мы даже после урока* SG *проводим время вместе*. [вместо: *После уроков PL*].

Тем не менее, хорошо известно, что для русского это не общепринятое правило, действующее во всех без исключения контекстах: ведь в русском в определенных нереферентных контекстах допускается варьирование, ср. предложения типа (13—14):

(13) *Любите книгу* SG / *книги* PL [нереф] — *источник знаний*.

или:

(14) *Француз* SG [нереф] *всегда ответит комплиментом на комплимент*. / *Французы* PL [нереф] *всегда ответят комплиментом на комплимент*.

Таким образом, для казахских билингвов область нереферентных контекстов — это не только зона прямого трансфера, но и зона выбора в условиях вариативности нормы. Ср. пример (15), свидетельствующий о полной, если так можно сказать, «языковой растерянности» билингва перед проблемой выбора числового показателя в условиях языкового варьирования в русском и жесткой нормы в казахском:

(15) *В Талдыкоргане проживает различные наций. Например: казах* SG, *уйгур* SG, *татар* SG, *кореец* SG, *русские* PL, *узбеки* PL, *украинцы* PL, *немцы* PL *и другие*⁴.

(Заметим еще раз, что в казахском в подобных контекстах используются формы без показателя множественности *-лар*, ср. пример из (Бейсенбаева 1994: 67):

(16) *Бұл мекемеде қазақ, орыс, татар, ұйғыр, украин жұмыс істейді*. — ‘В этом учреждении работают казахи, русские, татары, уйгуры, украинцы.’)

Однако есть случаи, когда такая вариативность хорошо укладывается в уже описанные семантические правила в духе работы Анны Вежбицкой (Wierzbicka 1988), ср. прежде всего (Ляшевская 2004а, 2004б). Показательны в этом плане названия блюд. Ср. (17):

(17) *Она для меня всегда хранила всякие сладости, куртты*.

Этот пример показывает, как билингв решает проблему числового оформления слова *курт*⁵, «чужого» для русского языка. Курт — это национальная казахская еда, ср.: «*курть*, м. иногда *куртъ*, у башкирь, калмыковъ, киргизовъ,

⁴ Ср. здесь также фрагмент пушкинского стихотворения «Памятник» — давно устаревший, но для носителей зафиксированный как клише: *...всяк суций в ней язык... и финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык*. С точки зрения сегодняшней нормы должно было бы быть что-то вроде: *все народы: и финны, и дикие тунгусы...*, то есть формы PL, а не SG. Отсюда следует, что эта норма не только варьирует в современном языке в зависимости от контекста, но еще и меняется почти на наших глазах.

⁵ В казахском языке имеется несколько омонимов *құрт*, различающихся между собой в том числе числовым поведением (Жанұзақов 2008: 546—547).

ноганцевъ и казаковъ: круто соленый, сухой сыръ, б.ч. овечій, въ стопочкахъ; его скребуть въ похлебки» (Даль 1979: 204). Соответственно, в русский оно заимствовано, а в казахском относится к разряду SG *tantum*. Специалисты по русскому числу считают, что в русской системе это слово должно вести себя подобно *мармеладу, зефиру, печеню* и т.д, то есть как «класс совокупностей, состоящих из изделий среднего размера» (Ляшевская 2004б: 102), которые оформляются единственным числом, ср. следующий пример:

- (18) *Девушки в национальных костюмах преподнесли гостям на подносах курт в красивых упаковках. Народная молва, притча о курте разошлась по всей степи.* [Память во имя будущего // «Родина», 2010]

Однако в примере (17) билингв «сочиняет» форму множественного, которая чужда обоим языкам. Ясно, что в этом случае он выбирает числовой маркер, имея в виду другую аналогию — с множеством «оформленных», то есть разнородных мелких объектов, завернутых, как конфеты, имеющих начинку, как вафли, и под., ср. (Ляшевская 2004б: 103). Для них в русском естественно множественное число, ср. *сладости, конфеты, вафли*.

Обратные примеры того же рода дают (19—21). Ср.:

- (19) *У них с бабушкой есть скоты.*
(20) *Сестренки и братишки играли с посудами и набирали воду с арыка, и ушли в другую сторону дома.*
(21) *Мы недавно сделали ремонт в доме, все обновили, и мебели новые купили и обои поменяли.*

Формально это трансфер из казахского: в казахском языке собирательные существительные могут приобретать формы множественного числа. По мнению известных специалистов по казахскому, множественное число в этом случае маркирует неоднородность обозначаемой совокупности предметов, наличие разновидностей, имеющих очевидные внешние различия (Балакаев, Қордабаев, Хасенова, Ысқақов 1967: 52; Жанпейісов 2002: 454; Гузев, Насилов 1975: 108) и др.: *мал* ‘скот’ — *малдар* ‘животные’, *жиһаз* ‘мебель’ — *жиһаздар* ‘предметы мебели’, *тағам* ‘еда, пища’ — *тағамдар* ‘блюда’. Таким образом, нельзя исключить, что в (19—21) формой множественного числа казахи-билингвы подчеркивают именно гетерогенность обозначаемых совокупностей.

Заметим, однако, что очень похожее правило, только для русского языка, мы упоминали только что, противопоставляя *мармелад* SG и *конфеты* PL: однородный объект VS. разнородные отдельные (то есть имеющие внешние различия) мелкие объекты. Однако область действия этого правила разная в наших двух языках: в русском ни мебель, ни посуда не «считаются» разнородными, и это создает своего рода область семантического варьирования (одна и та же совокупность может быть признана однородной и нет) и дополнительные трудности для билингва. Заметим, что и Анна Вежицкая называет понятия типа ‘мебель’, ‘одежда’, ‘посуда’ «размытыми», но все-таки относит соответствующие им существительные к «разнородным совокупностям объектов» (Вежицкая 2011: 101).

А теперь обратим внимание на пример (22). Он показывает, что идея разнородности как семантическая подоплека для выбора формы числа действительна

и за пределами привычных множеств еды, посуды или мебели и обращает внимание на прежде незаметное. Другими словами, это тот случай, когда корпусные «ошибки» позволяют вносить какие-то уточнения в систему правил распределения числа.

(22) *На всех праздниках и свадьбах она любила петь частушку* SG.

Неестественный в этом контексте для русского выбор формы единственного числа *частушку* — в русской речи казахского студента является явным трансфером из казахского, ср. каз.: *өлең* (SG) *айту* — ‘петь песню’. Этот тип трансфера похож на первые примеры в начале этого раздела статьи (11—12) и связан с неререферентностью ситуации. Так же, как в (11—12), по-русски здесь лучше всего было бы опустить объект — *она любила петь на свадьбах*, а если все-таки его нужно выразить, число будет множественным: *любила петь песни, романсы, арии из опер, частушки* и др. Обобщая, можно опять апеллировать к идее разнородности объектов, хотя уже несколько более абстрактных, чем мы до сих пор обсуждали.

Между тем, если чуть-чуть изменить описываемую ситуацию и представить себе ту же героиню, которая любила не петь, а танцевать, числовое распределение в соответствующем примере было бы уже совсем другим:

(22') *На свадьбах она любила танцевать вальс / польку / гопака / полонез...* SG.

Изменение формы существительного на множественное число в этом контексте категорически невозможно: **любила танцевать вальсы / польки...* — хотя разумеется, точно так же, как в (22), речь не идет об одной-единственной частушке или единственном романсе, который составлял ее репертуар, так и здесь, она танцевала под музыку разных вальсов и полек (то есть множество их было разнородно).

Узус билингва позволил нам уточнить формальную сторону небольшого фрагмента правила, касающегося форм русского числа. Осталось понять его природу. Представляется, что меньшая гомогенность ситуации пения, отраженная в маркировании множественным числом, может быть связана с сопутствующим музыке текстом: текст придает на слух индивидуальность каждой песне, точно так же, как обертка — конфетам. Танцы с примерно одними фигурами визуально различать гораздо сложнее, их различает тип музыки, так что каждый вид танца представляется как единая ситуация.

Наш последний пример, касающийся неререферентных контекстов и вариативности русского числа, кажется совершенно прозрачным. Он представляет собой фрагмент рассказа об очень строгой и грозной бабушке, которая имела смешную и милую особенность: она *боялась кошек* — это та самая формулировка, с помощью которой следовало бы выразить эту мысль по-русски, употребив, как мы и ожидаем, множественное число. А по-казахски в такой ситуации, как мы много раз говорили, естественно, наоборот, единственное. Рассказчик-билингв следует казахской модели — это типичный трансфер:

(23) *В молодости она была очень строгой свекровью. <...> Самое интересное то, что бабушка очень боится **кошки** и мы все ее дети, внуки, провнуки все, все, все боимся **кошки**.*

Конструкции с глаголом *бояться* многожды описаны в современной русской лексикологической традиции (ср., прежде всего (Зализняк 1983; Зализняк 2006), а также (Апресян 1995). В отношении форм числа существительных Анна А. Зализняк (Зализняк 2006: 84) отмечает, что они могут быть связаны с денотативным статусом и служить критерием для разграничения значений *бояться*₁ (конкретный существующий объект, возможно единственное число) и *бояться*₂ (нереферентный объект, множественное число). Однако причиной страха может быть не только физический объект — существующий или нет (в нашем случае кошка), но и событие или ситуация, причем «с точки зрения способности обозначать событие в контексте *бояться* противопоставление предметных и не предметных имен, а также других семантических классов существительных не играет определяющей роли» (там же: 83). Это замечание совершенно верно, однако с точки зрения числового маркирования противопоставление по предметности — не предметности как раз важно. Действительно, если для предметных имен важна презумпция существования (существующая и несуществующая кошка в отношении числа маркируются по-разному), то для имен ситуаций, таких как *обман* или *встреча*, в контексте глагола *бояться* она нерелевантна: поскольку нельзя бояться уже случившегося события, а можно только того, которое случится в будущем, оно всегда не референтно. При этом число для соответствующего не предметного имени возможно и единственное, и множественное: *боялся обмана* SG (родовое, генерическое употребление, ср.: *боялся обмана, а не ограбления*) / *боялся обманов* PL (множественное событие). Получается, что в контексте *бояться* предметное имя семантически дефектно в отношении числа: кажется, что в русском нет опции выразить страх перед обобщенным котом, что-то вроде: **он почему-то больше боялся кошки, а не льва*. Средство выразить этот смысл (SG) уже «занято» под референтные объекты.

На самом деле это не совсем так. В русском тоже можно найти употребления такого рода — просто чтобы стать грамматически правильными, такие предложения с *бояться* должны быть устроены более сложно: с помощью дополнительного контекста, эксплицитно указывающего некоторое свойство данного предмета «переводить» референтное предметное имя в не референтное имя свойства. Ср., например:

(24) *Я не боюсь **собаки** в квартире.*

Это предложение омонимично: в первом значении оно имеет в виду конкретного страшного зверя, запертого в квартире, а во втором — генерическое понимание, полностью аналогичное *боялся обмана* — которого нам так не хватало для контекста с *кошкой*. Говорящий не боится домашней собаки как вида, дворовая собака, возможно, его пугает еще меньше.

Принимая такой анализ, мы признаем и в этой зоне некоторую неустойчивость внутри самого русского языка. С одной стороны, такая неустойчивость говорит о неоднозначности языковой стратегии русского в отношении числового маркирования референтности — не референтности, а с другой, не исключено, что она может в каких-то случаях даже оказывать влияние на лингвистическое поведение билингов, которые все-таки достаточно хорошо владеют этим языком.

5. СОГЛАСОВАНИЕ ПО ЧИСЛУ

В этом небольшом разделе мы коснемся интерференции русского и казахского в такой зоне числового маркирования, которая кажется областью чисто синтаксического расхождения между ними: это глагольное согласование по числу. Как мы помним (см. раздел 1), в казахском языке нет согласования по числу между субъектом и предикатом, выраженным глаголом 3-го лица, поэтому здесь тоже естественно ожидать от двуязычных носителей потока системных «ошибок». Такие случаи в анализируемых текстах действительно встречаются часто, причем представлены все варианты отклонений: и единственное число глагола при подлежащем со значением множества (25), и множественное число глагола — при единичном субъекте (26), и смешение разных форм при сочинении: как правило, сначала идет грамматически правильная, а затем «ошибочная» (27—28):

- (25) *Интересные рассказы, все жизненные истории (PL) воспитывает (SG) нас.*
(26) *Она всегда говорит, что работа (SG) не делится (PL) работу мальчика или девочки.*
(27) *Я никогда не видела бабушку злой, она SG всегда улыбается (SG), балуют (PL) нас.*
(28) *<...> два разных противоположных людей в жизни встретились (PL) и еще живут (PL) вместе, воспитывает (SG) общих детей.*

Однако согласование в русском языке также не всегда следует единой стратегии, см. (Граудина, Ицкович, Катлинская 1976; Русакова 2013) и мн. др. В ситуациях нетривиального выбора числовой формы предиката сугубо синтаксическая задача согласования может превратиться в семантическую, а значит слишком сложную для нестандартного носителя языка: ведь для него выбор, не ограниченный формальными поверхностными правилами, всегда выглядит как свободное варьирование. Мы приведем здесь пример такого рода, подсказанный нашим корпусом. Однако, видимо, таких случаев в русском больше, и они нуждаются в последовательной инвентаризации и полном описании — как для сугубо практических, педагогических, целей, так для лингвистической теории.

Рассмотрим следующее предложение из сочинений про бабушку:

- (29) *С тех пор у бабушки болят (PL) сердце и ноги.*

Это конструкция со сложно устроенным, множественным, но «семантически распределенным» субъектом, который состоит из единичного предмета и множества (в данном случае пары).

Поверхностно она оформляется сочинением. В общем случае глагольное согласование в ней может идти как по единственному числу — если единичный объект следует первым и оказывается выделенным для говорящего, либо по множественному — если первым следует множество или если все распределенное множество-субъект воспринимается как единое, независимо от последовательности, в которой перечисляются его составляющие. Действительно, мы говорим и (30), и (31); ср. также (32—33):

- (30) *Пришла (SG) Маша (SG) и дети = ‘пришла [Маша] и <пришли> дети’*

- (31) *Пришли* (PL) *Маша и дети* = ‘пришли [Маша и дети]’
 (32) а. *Жил* (SG) *дядя* (SG) *и две его жены*.
 б. *Жили* (PL) *дядя* (SG) *и две его жены*.
 (33) а. *Пропала* (SG) *собака* (SG) *и кошки*.
 б. *Пропали* (PL) *собака* (SG) *и кошки*.

Однако в болевой конструкции типа (29) доминирующим неожиданно оказывается согласование по единственному, а не множественному числу, как если бы части тела человека в отношении боли не могли бы «складываться» в единое множество: каждая из них болит по-своему, сердце одним образом, а ноги — другим. Ср. (34) и (35): ни в том, ни в другом случае множество не воспринимается как гомогенное, в отличие от (31) и (32—33b):

- (34) *Болит* (SG) *сердце* (SG) *и ноги* (PL) = ‘болит [сердце] и <болят> [ноги]’,
 (35) *Болят* (PL) *ноги* (PL) *и сердце* (SG) = ‘болят [ноги] и <болит> [сердце]’

Такая асимметрия в согласовании по числу наблюдается и за пределами названий частей тела. Судя по предварительному анализу НКРЯ, прежде всего она касается бытийных контекстов с разнородными сущностями, причем как собственно с глаголом *быть*, так и с его квазисинонимами, ср. (36—37), а также фрагменты примеров НКРЯ с другими предикатами бытийной семантики (38):

- (36) *У «благодетельного барина» была* (SG) [**были*] *барыня* (SG) *и дети* (PL). [П.П. Бажов. Очерки. Уральские были (1923—1924)]
 (37) *В день открытия выставки у меня был* (SG) [**были*] *спектакль* (SG) *и репетиции* (PL). [В.В. Полонская. Последний год (1938)]
 (38) *жил* [*жили*] *Христос и апостолы; хранилось* [**хранились*] *добро и деньги; показала* [**показались*] *полиция и солдаты; состоялась* [**состоялись*] *елка и танцы; сзади <...> осталась* [**остались*] *улица и преследователи; почувствовалось* [**почувствовались*] *волнение и слезы; пошло* [**пошли*] *шушуканье и переговоры; сохранялась* [**сохранились*] *ризица и книги и под*.

Понятно, что сами по себе распределенные сочинительные конструкции не так уж часты, а еще реже встречаются более сложные семантические конфигурации внутри них, о которых мы говорим, поэтому пока они не привлекали особого внимания и практически не затронуты ни в (Санников 2008), ни в (rusgram.ru), да и в (Русская грамматика 1982) описаны как простая вариативность⁶, а это, как показывает работа с текстами билингов, существенно огрубляет настоящее положение дел.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучая учебные тексты разных категорий говорящих, мы продолжаем типологические исследования, столь близкие творчеству Анны Вежбицкой, только с другим инструментарием. В этих текстах языковые стратегии сталкиваются

⁶ Ср.: «Если место подлежащего занято закрытым рядом, объединяющим формы ед. и мн. ч. или только ед. ч., то в сказуемом возможно колебание, однако предпочитается форма мн. ч.: *К берегу бежали/бежал Ваня и Коля; <...> К берегу бежали/бежал Ваня и другие мальчики; По ту сторону прилавка... возвышались хозяин и хозяйка* (Олеша; / *возвышался*); <...> *В этом были свой расчет и хитрость* (Симон.; / *был*)». (Русская грамматика 1982: 244).

напрямую — потому что становятся предметом выбора человека, который в той или иной степени владеет обеими. То, как он действует в этих условиях, во многом определяется степенью владения каждым из языков и уровнем погружения в них. Наша область лингвистического интереса — это конструкции (Рахилина 2014, 2015; Polinsky, Rakhilina & Vyrenkova 2016), они связывают материал самой разной природы — морфологический, синтаксический, семантический и лексический.

Обобщая (и, как это всегда бывает) несколько упрощая результаты этих исследований, можно сказать, что изучающие язык (или L2-говорящие начального и среднего уровня) чаще всех апеллируют здесь к стратегии калькирования, повсеместно используя модели родного языка как образец. Так называемые эритажные говорящие (или, иначе, несбалансированные билингвы), которые восприняли язык в детстве, а потом утратили его под давлением доминантного, наиболее креативны в отношении родного языка — они легко составляют несуществующие конструкции, составляя их из фрагментов двух языков или опираясь на общие семантико-синтаксические правила, впрямую не действующие ни в одном языке.

Теперь мы столкнулись с еще одним типом нестандартных говорящих — так называемыми сбалансированными билингвами, с детства живущими в окружении двух языков. Общая задача, которую мы решаем в серии работ (Рахилина 2014, 2015, 2016; Polinsky, Rakhilina & Vyrenkova 2016), — сравнение их языкового поведения в сопоставлении с первыми двумя группами говорящих.

В этой работе мы выбрали небольшой фрагмент из довольно обширной зоны числа специально сосредоточившись на трех точках, — таких, в которых системы русского и казахского очевидно расходятся при выборе числовых маркеров: выражение парности, отражение референтности, согласование. Во всех этих точках мы наблюдали следующее.

Билингв действительно калькирует способ маркирования с родного языка, очевидно, что эта стратегия ему ближе. Однако если задуматься — правда ли в русском «так нельзя сказать?» и углубиться в узус собственно русских форм, то в каждой из этих точек можно обнаружить случаи колебания нормы внутри русского языка или параллельного действия разных правил, причем часто, как выясняется, в выборе участвует (и даже иногда побеждает) и «казахская» стратегия. Так, парность объектов иногда выражается формой единственного числа (как в казахском), а не множественного (как обычно в русском). То же касается случаев нереперентности имен — нереперентность, которая как ожидается, должна маркироваться в русском множественным, вдруг оказывается в корреляции с единственным (точно как это было бы в казахском).

Любопытна и ситуация с казалось бы асемантичным согласованием по числу: в русском оно есть, в казахском — нет. На самом деле за этим формальным правилом стоят две простые стратегии: язык либо дублирует семантически нагруженное именное число в глаголе (как это делает русский), либо довольствуется одним семантически наполненным маркером. Ср. симметричную ситуацию с итеративными контекстами: итеративность может выражаться лексически, наречиями типа

‘всегда’ или ‘каждый раз’, и либо дублируется в глаголе (ср. необходимый в таких контекстах несовершенный вид в русском), либо не дублируется (как, например, в английском). В то же время на периферии есть области, где выбор числового маркера сложнее, например в случае, когда подлежащее соответствует распределенной группе объектов, которые представляют разные сущности. Тогда такой выбор вовсе неоднозначен, в том числе и для казахского носителя.

В практическом отношении это означает, что встреча с отклонениями в речи нестандартных носителей от принятого узуса стимулирует нас исследовать границы возможного в исследуемом языке — и благодаря этому мы находим дополнительные правила русского языка. Даже в такой хорошо исследованной области, как числовое маркирование, добавляются частные правила нестандартного поведения парных слов (как *дверь/двери* и др.), особые контексты нереперентности (как, например, *бояться*), случаи сложного согласования (в контексте бытийных глаголов или глагола *болеть*).

В теоретическом отношении это означает то, что в самом русском всегда есть обе противоположные стратегии — и «русская», и «казахская»: одна основная, другая — периферийная. Не исключено и то, что билингу эта двойственность русского даже в каком-то объеме доступна, то есть что он слышал формы и сочетания, похожие на те, которые он использует в казахском, но это даже не так важно. Важно, что такая ситуация может возникнуть только при естественной семантической мотивированности каждой из стратегий, которую мы наблюдали во всех рассмотренных здесь случаях и о которой одной из первых заговорила Анна Вежбицкая в своих работах. Семантически мотивированное расхождение системы — это одновременно и точка ее роста, потенциал ее изменения: в прошлом, будущем или в речи нестандартного носителя.

© Е.В. Рахилина, А.К. Казкенова, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян В.Ю. Бояться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. Москва, Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. С. 60—66. [Apresyan V. Yu. (2004). *Boyat'sya*. In: Apresyan Yu. D. (ed.) (2004) *New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms*. (2-nd edition). Moscow, Wien: *Yazyki slavyanskoi kul'tury, Venskii slavisticheskii al'manakh Publ.* (In Russ.)]
- Арбатский Д.И. Значения форм множественного числа имен существительных в современном русском литературном языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. [Arbatskii, D. I. (1954). *Znacheniya form mnozhestvennogo chisla imen sushchestvitel'nykh v sovremennom russkom literaturnom yazyke* (Meanings of plural forms of nouns in Russian). Dissertation for the degree of Candidate of philological sciences. Moscow. (In Russ.)]
- Бейсенбаева К.А. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Алматы: Ана тілі, 1994. 240 с. [Beisenbaeva, K. A. (1994). *Sopostavitel'naya grammatika russkogo i kazakhskogo yazykov* (Comparative Grammar of Russian and Kazakh). Almaty: *Ana tili*. (In Russ.)]

- Вежбицкая А. Прототипы и инварианты (пер. с англ.) // Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 91—124. [Wierzbicka, A. (2011). Prototypes and invariants. In *Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty (Semantic universals and basic concepts)*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury (In Russ.)]
- Выренкова А.С., Полинская М.С., Рахилина Е.В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 3—19. [Vyrenkova, A. S., Polinskaja M. S., Rakhilina, E. V. (2014) Grammar of errors and Construction Grammar: The case of «heritage Russian». *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 3—19. (In Russ.)]
- Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. М.: Наука, 1976. 456 с. [Graudina, L. K., Itskovich, V. A., Katlinskaya, L. P. (1976). *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoj rechi (Grammatical correctness of Russian speech)*. Moscow: Nauka (In Russ.)]
- Гузев В.Г., Насилов Д.М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // Вопросы языкознания, 1975, № 3. С. 98—111. [Guzev, V. G., Nasilov, D. M. (1975). K interpretatsii kategorii chisla imen sushchestvitel'nykh v tyurkskikh yazykakh (Some views on the category of noun number in the Turkic languages) *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 98—111. (In Russ.)]
- Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 372 с. [Zaliznyak, A. A. (1967). *Russkoe imennoe slovoizmenenie (Russian nominal morphology)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Зализняк А.А., Падучева Е.В. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997. С. 7—14. [Zaliznyak, A. A., Paducheva, E.V. (1997). O kontekstnoi sinonimii edinstvennogo i mnozhestvennogo chisla sushchestvitel'nykh (On the contextual synonymy of the singular and plural of nouns). In *Semiotics and Informatics*, 35, 7—14. (In Russ.)]
- Зализняк Анна А. Семантика глагола *бояться* в русском языке // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1983, Т. 42. № 1. С. 59—66. [Zaliznyak, Anna A. (1983). Semantika glagola *boyat'sya* v russkom yazyke (The semantics of the verb *boyat'sya* in Russian). *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 42, 1, 59—66. (In Russ.)]
- Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы её представления. М.: Языки славянской культуры, 2006. 672 с. [Zaliznyak Anna A. (2006). *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya (Polysemy in the language and ways of their description)*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury (In Russ.)]
- Земская Е.А. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. 2001а. № 1. С. 114—131. [Zemskaya, E. A. (2001a). Yazyk russkogo zarubezh'ya: itogi i perspektivy issledovaniya (The Russian language abroad: results and prospects of research). *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 114—131. (In Russ.)]
- Земская Е.А. Умирает ли язык русского зарубежья? // Вопросы языкознания. 2001б. № 1. С. 14—30. [Zemskaya, E. A. (2001b). Will the Russian language abroad really die? *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 14—30. (In Russ.)]
- Инструментарий русистики. Ошибки и многоязычие / ред. А. Никунласси, Е. Протасова. *Slavica Helsingiensia* 45. Helsinki: University of Helsinki, 2014. 319 с. [Nikunlassi, A & Protassova E. (eds) (2014). Instrumentarii rusistiki. Oshibki i mnogoyazychie (Instrumentation of Russian Studies. Errors and multilingualism). *Slavica Helsingiensia* 45. Helsinki: University of Helsinki Publ. (In Russ.)]
- Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры, 2004а. 400 с. [Lyashevskaya, O. N. (2004a) *Semantika russkogo chisla (The Semantics of the Russian Number)*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury (In Russ.)]

- Ляшевская О.Н. О семантической числовой парадигме имен существительных (названия пищи в русском языке) // Вопросы языкознания, 2004б, № 1. С. 79—106. [Lyashevskaya, O. N. (2004b). On the semantic numerical paradigm of nouns (food nomes in Russian). *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 79—106. (In Russ.)]
- Маманов И. Казахский язык. 2-е изд. Алма-Ата: Мектеп, 1989. 176 с. [Mamanov, I. (1989). *Kazhskhskii yazyk (Kazakh language)*. (2-nd ed.). Almaty: Mektep. (In Russ.)]
- Мельчук И.А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Вена: Венский славистический альманах, 1985. 510 с. [Mel'čuk, I. A. (1985). *The Surface Syntax of Russian Numeral Expressions*. Vienna: Wiener Slawistischer Almanach Publ. (In Russ.)]
- Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. II (пер. с франц.). М. — Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1998. 544 с. [Mel'čuk, I. A. (1998). *Kurs obshchei morfologii (Course of general morphology)*. V. II. Moscow — Vienna: Yazyki slavyanskoi kul'tury, Wiener Slawistischer Almanach Publ. (In Russ.)]
- Многоязычие и ошибки / Под ред. Е. Протасовой. Берлин: Реторика, 2014. [Protassova, E. (ed) (2014). *Mnogoyazychie i oshibki (Multilingualism and Errors)*. Berlin: Retorica. (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Два подхода к семантическому анализу категории числа // To Honor for R. Jakobson. II. The Hague — Paris: Mouton, 1967. С. 14—78. [Paducheva, E. V. (1967). *Dva podkhoda k semanticheskomu analizu kategorii chisla (Two approaches to the semantic analysis of the number)*. In To Honor for R. Jakobson. II. The Hague — Paris: Mouton (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с. [Paducheva, E. V. (1985). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (Statement and its correlation with reality)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Перевод с англ., ответственный редактор М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 412 с. [Paducheva, E. V. (1996). *Fenomen Anny Vezhbitskoi (The phenomenon of Anna Wezhbitskaya)*. In Krongauz, M. (ed.) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie. (Language. Culture. Cognition)*. Moscow: Russkie slovari (In Russ.)]
- Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. 2-е изд., испр. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 384 с. [Plungyan, V. A. (2003). *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku (General morphology: Introduction to the problematics)*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)]
- Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с. [Plungyan, V. A. (2011). *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira (Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world)*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ. (In Russ.)]
- Поливанова А.К. Выбор числовых форм существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1981 / Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1983. С. 130—145. [Polivanova, A.K. (1983). *Vybor chislovykh form sushchestvitel'nykh v russkom yazyke (Selecting numeric forms of nouns in Russian)*. In Grigor'ev, V. P. *Problemy strukturnoi lingvistiki 1981 (Problems of structural linguistics 1981)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Поливанова А.К. Языковые аномалии: условие корректности // *Studia linguarum*. М.: РГГУ, 1997. С. 213—251. [Polivanova, A. K. (1997). *Yazykovye anomalii: uslovie korrektnosti (Language anomalies: the condition of correctness)*. *Studia linguarum*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ. (In Russ.)]
- Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с. [Rakhilina, E. V. (2008). *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetayemost' (Cognitive analysis of names of objects: semantics and combinability)*. Moscow: Russkie slovari. (In Russ.)]

- Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. 584 с. [Rakhilina, E. V. (ed.) (2010). *Lingvistika konstruktсии* (Construction Linguistics). Moscow: Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik» (In Russ.)]
- Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3—31. [Rakhilina, E. V., Reznikova, T. I. (2013). Frame-based approach to lexical typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 3—31. (In Russ.)]
- Рахилина Е.В. Грамматика ошибок: в поисках констант // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. М.: Алетейя, 2014. С. 87—95. [Rakhilina, E. V. (2014). *Grammatika oshibok: v poiskakh konstant* (Grammar of errors: in the search for constants). In *Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika* (Language. Constants. Variables. In memory of Alexander E. Kibrik). Moscow: Aleteiya (In Russ.)]
- Рахилина Е.В. Степени сравнения в свете русской грамматики ошибок // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015, № 6. С. 310—333. [Rakhilina, E. V. (2015). Russian Comparative Constructions in the Aspect of Error Grammar. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 6, 310—333. (In Russ.)]
- Рахилина Е.В. О новых инструментах описания русской грамматики: корпус ошибок // Русский язык за рубежом. 2016, № 3. С. 20—25. [Rakhilina, E. V. (2016). Russian Learner Corpus as a New Tool of Grammatical Description of Russian. *Russian Language Abroad*, 3, 20—25. (In Russ.)]
- Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянских культур, 2013. 568 с. [Rusakova, M. V. (2013). *Elementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo yazyka* (Elements of the anthropocentric grammar of the Russian language). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury (In Russ.)]
- Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. II. М.: Наука, 1982. 710 с. [Shvedova, N. Yu. (ed.) (1982). *Russkaya grammatika*. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с. [Sannikov, V. Z. (2008). *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* (Russian syntax in the semantic-pragmatic space). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury (In Russ.)]
- Балақаев М., Қордабаев Т., Хасенова А., Ысқақов А. *Қазақ тілінің грамматикасы. Морфология*. I. Алматы: Ғылым, 1967. 264 б. [Balaqaev, M., Qordabaev, T., Khasenova, A., Ysqaqov, A. (1967). *Qazaq tilinin' grammatikasy. Morfologiya* (Kazakh language grammar. Morphology). I. Almaty: G'ylym. (In Kazakh)]
- Жұбаева О., Тураева А. Анықтық / танықтық функционалды-семантикалық өрісі // *Жұмсалымды грамматика / Жауапты редактор С. Құлманов*. Алматы: Мемлекеттік тілді дамыту институты, 2016. 347—386 б. [Zhubaeva, O., Turaeva, A. (2016). *Anyqtyq / tanyqtyq funktsionaldy-semantikalyq o'risi* (Functional-semantic field of definiteness and indefiniteness). In Qulmanov, S. (ed.) *Zhumsalymdy grammatika* (Functional grammar). Almaty: Memlekettik tildi damyту институты Publ. 347—386. (In Kazakh)]
- Қазақ грамматикасы. Фонетика, сөзжасам, морфология, синтаксис / Жауапты редактор Е. Жанпейісов*. Астана: Астана полиграфия, 2002. 784 б. [Zhanpeiisov, E. (ed.) (2002). *Qazaq grammatikasy. Fonetika, so'zhasam, morfologiya, sintaksis* (Kazakh grammar. Phonetics, word formation, morphology, syntax). Astana: Astana poligrafiya. (In Kazakh)]
- Corbett, Greville.G. (2000). *Number*. Cambridge.
- Mel'čuk, Igor (1979). "Countability" vs. "Non-countability" and Lexicographic Description of Nouns in Russian. In *Papers from the XVth Regional Meeting of the CLS*. Chicago: University of Chicago, 1979, 220—227.

- Frei, Henri (1993). *La grammaire des fautes*. Genève — Paris: Slatkine Reprints. (In French)]
- Korneev, Aleksei & Protassova, Ekaterina (2018). Measuring bilingual literacy: challenges of writing in two languages. In Kopotev, M., Lyashevskaya, O & Mustajoki, A. (eds.) *Quantitative Approaches to the Russian Language*. London: Routledge, 177—196.
- Mustajoki, Arto, Protassova, Ekaterina & Vakhtin, Nikolai (2010). *Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approach to non-standard Russian*. Helsinki: Helsinki University Press.
- Polinsky, Maria, Rakhilina, Ekaterina & Vyrenkova, Anastasia (2016). Linguistic creativity in heritage speakers. *Glossa*, Vol. 43, 1—29. DOI: 10.5334/gjgl.90.
- Wasserscheidt, Philipp (2016). Construction Grammar and Code-Mixing. In M. Reif & Ju. A. Robinson (eds) *Cognitive Perspectives on Bilingualism*. Boston/Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2016, 65—91. DOI: 10.1515/9781614514190-006.
- Wierzbicka, Anna (1988). *The Semantics of Grammar*. Amsterdam.

Словари и интернет-ресурсы / Dictionaries and Internet Recourses

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1—4. М.: Русский язык, 1979. Т. 2. И—О. 779 с. [Dal', V. I. (1979). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Moscow: Russkii yazyk (In Russ.)]
- Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 28.03.2018). [Russian National Corpus. Retrieved from: www.ruscorpora.ru. Accessed on 28.03.2018.]
- Проект корпусного описания русской грамматики. URL: www.rusgram.ru (дата обращения: 28.03.2018) [Project of corpus-based grammar of Russian. Retrieved from: www.rusgram.ru. Accessed on 28.03.2018.]
- Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / Жалпы редакциясын басқарған Т. Жанұзақов. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 968 б. [Zhanuzaqov, T (ed) (2008) *Qazaq tilinin' tu'sindirme so'zdigi* (Explanatory dictionary of Kazakh language). Almaty: Daik-Press. (In Kazakh)]

ПРИМЕЧАНИЯ

1 — 1-ое лицо, 3 — 3-е лицо, ABL — исходный падеж, ACC — винительный падеж, AUX — вспомогательный глагол, COM — совместный падеж, CVB — деепричастие, DAT — дательного-направительный падеж, GEN — родительный падеж, INF — инфинитив, LOC — местный падеж, NOM — именительный падеж, NUM — имя числительное, PL — множественное число, POSS — притяжательность, PRS — настоящее время. PST — прошедшее время, PTCP — причастие, SG — единственное число.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28 марта 2018

Дата принятия к печати: 27 апреля 2018

Article history:

Received: 28 March 2018

Revised: 20 April 2018

Accepted: 27 April 2018

Для цитирования:

Рахилина Е.В., Казкенова А.К. Заметки о русском числе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 3. С. 605—627. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-605-627.

For citation:

Rakhilina, Ekaterina and Kazkenova, Aimgul. Notes on Russian Number. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 605—627. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-605-627.

Сведения об авторах:

РАХИЛИНА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА — доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в.н.с. Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, Россия). *Сфера научных интересов*: семантика, лексикология, когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика, лексическая типология, языковая интерференция, микродиакрония.

Основные публикации: *Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке)*. München: Sagner, 1990; *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. М.: Помовский и партнеры, 1993 (соавторы А.Н. Баранов, В.А. Плунгян); *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. М.: Русские словари, 2000; М.: Азбуковник, 2010, изд. 2, испр. и доп.; *Лингвистика конструкций*. М.: Азбуковник, 2010.

Контактная информация: rakhilina@gmail.com

КАЗКЕНОВА АИМГУЛЬ КАИРБЕКОВНА — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Казахского национального педагогического университета имени Абая (Алматы, Казахстан). *Сфера научных интересов*: языковые контакты, языковая номинация, преподавание русского языка. *Основные публикации*: Мотивированность заимствованного слова (на материале современного русского языка) // *Вопросы языкознания*, 2003, № 5. С. 72—80; К вопросу о грамматическом освоении глаголов с заимствованной основой в разноструктурных языках (на материале русского и уйгурского языков) // *Вопросы языкознания*, 2012, № 2. С. 109—118 (соавтор — Арзиев Р.У.); *Онтология заимствованного слова*. М.: Флинта: Наука, 2013.

Контактная информация: aimgul.kazkenova@mail.ru

Bionotes:

EKATERINA V. RAKHILINA — Professor at National Research University Higher School of Economics, Head of the School of Linguistics, and Leading Researcher at the Vinogradov Institute for Russian Language (Russian Academy of Sciences). Her research interests include semantics, lexicology, cognitive linguistics, corpus linguistics, lexical typology, language interference, microdiachrony. Key publications: *Semantics or syntax? (Answering WH-questions in Russian)*. Munich: Sagner, 1990. *Guide in Russian discourse words* (co-authored with A. N. Baranov and V. A. Plungian). Moscow: Pomowsky & partners, 1993. *Cognitive analysis of names of objects: semantics and combinability*. Moscow: Russkie slovani, 2000 *Linguistics of constructions*. Moscow: Azbukovnik, 2010.

Contact information: rakhilina@gmail.com

AIMGUL K. KAZKENOVA — Associate Professor at Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan). Her main research interests are: language contact, language nomination, teaching of the Russian language. Key publications: Motivation of loan-words // *Voprosy Jazykoznanija*, 2003, 5, 72—80; On grammatical adaptation of verbs with borrowed stems in typologically divergent languages (case studies of Russian and Uyghur) // *Voprosy Jazykoznanija*, 2003, 5, 109—118 (co-authored with R. Arziev); *Ontologiya zaimstvovannogo slova* [Ontology of the borrowed word]. Moscow, 2013.

Contact information: aimgul.kazkenova@mail.ru

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02071 «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах»).

Авторы выражают благодарность Рашиде Тауекеловне Касымовой за помощь в сборе и разметке студенческих текстов, а также Бауыржану Нургалиеву за помощь в переводе фрагментов данных текстов с русского языка на казахский.

Участие авторов: Рахилина Е.В. — концепция и дизайн исследования, интерпретация материала, текст; Казкенова А.К. — сбор, обработка и интерпретация материала, текст, техническое оформление текста.

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 16-18-02071 “Marginal Russian: An assessment of the difficulty of comprehension of Russian texts in theoretical, experimental and statistical aspects”).

The authors thank Rashida Kassymova for help in data collection and tagging of the students’ texts and Bauyrzhan Nurgaliyev for help with translation of fragments of these texts from Russian to Kazakh.

Authors’ participation in the study: Ekaterina Rakhilina — concept and design of the study, data interpretation, text; Aimgul Kazkenova — data collection, processing and interpretation, text, text layout.

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-628-652

Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов: *пожалуй, никак, все-таки*

Анна А. Зализняк¹, Е.В. Падучева²

¹Институт языкознания Российской академии наук
125009 Москва, Б. Кисловский пер. 1;

²Институт проблем информатики, Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» Российской академии наук
119333 Москва, ул. Вавилова 44-2

Аннотация

Анализ дискурсивных слов (discourse markers) — активно развивающееся направление лингвистических исследований последних десятилетий. Цель статьи — предложить анализ русских дискурсивных слов *пожалуй, никак и все-таки*, проведенный на основе комплексного подхода, учитывающего опыт экспликации значения языковой единицы различных школ семантического анализа. Исследование проведено на основе материала Национального корпуса русского языка. Показано, что дискурсивная единица *пожалуй* вводит мнение, сформировавшееся у говорящего в результате личного выбора из двух или нескольких альтернатив, сопровождающегося сомнениями, которые не теряют актуальности в том числе и после принятия решения. В речевом режиме субъектом оценки всегда является говорящий; в нарративе *пожалуй*, так же, как и *все-таки*, может подвергаться гипотаксической и нарративной проекции. Дискурсивное слово *никак* выражает предположение, сделанное на базе непосредственно воспринимаемой ситуации и сопровождаемое удивлением; оно употребляется в вопросительном предложении, в том числе в таком, которое не обязательно требует ответа, а также в утвердительном; *никак* является первичным эгоцентриком: эта дискурсивная единица всегда имеет подразумеваемым субъектом говорящего, не допуская ни гипотаксической, ни нарративной проекции. Семантика слова *все-таки* включает пять смысловых компонентов: «мнение W»; «мнение не-W»; «аргумент в пользу мнения W»; «аргумент в пользу мнения не-W»; «факт, подтверждающий мнение W». В утвердительном предложении различается три класса употреблений в зависимости от того, какому из компонентов — «мнение W», «факт, подтверждающий мнение W» или «аргумент в пользу мнения W» — соответствует фрагмент текста, вводимый словом *все-таки*. В вопросительном и побудительном предложении это дискурсивное слово взаимодействует с иллюкутивной составляющей высказывания. К анализу привлекаются также дискурсивные слова *скорее всего, наверное, неужели, небось, что, что ли, таки*, в определенных условиях вступающие в квазисинонимические отношения с анализируемыми. Проведенное исследование открывает перспективу интегрального исследования дискурсивных слов, позволяющего соединить методы классического семантического анализа, контекстно-семантического подхода, концептуального анализа и нарратологии. Полученные результаты послужат дальнейшему развитию семантической теории, могут быть также использованы в толковой и двуязычной лексикографии и в практике преподавания русского языка.

Ключевые слова: дискурсивные слова, русский язык, эгоцентрические элементы языка, мнение-оценка, мнение-предположение, нарративная проекция, гипотаксическая проекция

Towards a Semantic Analysis of Russian Discourse Markers: *pozhaluj, nikak, vsjo-taki*

Anna A. Zalizniak¹, Elena V. Paducheva²

¹Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
1 B. Kislovskij Ln., Moscow, 125009, Russia

²Institute of Informatics Problems of the Federal Research Center
'Computer Science and Control' of the Russian Academy of Sciences
44-2 Vavilova St., Moscow, 119333, Russia

Abstract

Investigation of discourse markers has been an actively developing trend of linguistic research in the recent decades. The paper presents an analysis of three Russian discourse markers (*pozhaluj*, *nikak* and *vsjo-taki*, all untranslatable into English). It applies an approach which integrates the experience of explicating meaning of a lexical unit of different frameworks of semantic analysis. The research is based on the National Corpus of Russian (<http://ruscorpora.ru/>). It demonstrates that the discourse marker *pozhaluj* introduces the opinion formed by the speaker as the result of a personal choice between two or several alternatives: the opinion is accompanied by doubts that do not lose relevance even after the decision is made. In the speech register the speaker is the subject of evaluation; in the narrative *pozhaluj*, as well as *vsjo-taki*, may undergo hypotactic or narrative projection. The discourse marker *nikak* expresses an assumption made on the basis of a directly perceivable situation accompanied by astonishment; it is used mainly in interrogative sentences, in particular in those that do not necessarily require an answer; it can also be used in affirmative sentences. *Nikak* is primarily egocentric: it can only have the speaker as its assumed subject and it allows neither hypotactic nor narrative projection. The semantics of *vsjo-taki* includes five components: opinion W; opinion not-W; an argument in favor of the opinion W; an argument in favor of the opinion not-W; the fact confirming opinion W. In an affirmative sentence three classes of uses are distinguished depending on which of the components is prominent: opinion W, the fact substantiating opinion W or the argument in favor of W. In interrogative and imperative sentences *vsjo-taki* acts upon the illocutionary constituent of the utterance. Such discourse markers as *skoree vsego*, *navernoe*, *neuzheli*, *nebos'*, *chto*, *chto li*, *taki* are taken into consideration because under certain conditions they are quasi-synonymous to *pozhaluj*, *nikak* and *vsjo-taki*. Our study offers the prospect of an integral research of discourse words that allows the researcher to combine methods of classical semantic analysis, contextual-semantic method, conceptual analysis and narratology. The obtained results contribute to further development of the semantic theory; they can be used in lexicography and in practice of teaching the Russian language.

Keywords: *discourse words, Russian language, egocentric entities, evaluation, supposition, narrative projection, hypotactic projection*

1. ВВЕДЕНИЕ

Как пишет Э. Бенвенист, «язык настолько глубоко отмечен выражением субъективности, что возникает вопрос, мог ли бы он, будучи устроенным иначе, вообще функционировать и называться языком» (Бенвенист 1974: 295). То, что Бенвенист называет субъективностью в языке, было впоследствии названо эгоцентричностью. Бенвенист предложил новый подход к изучению эгоцентричности, разграничив два плана (\approx контекста) употребления языка — план дискурса и план повествования. Впоследствии возникло понятие режима интерпретации:

различается речевой (диалогический) и нарративный режим см. Падучева 1986, 1996, 2011, Апресян 2003). Это разграничение принципиально для эгоцентрических единиц языка (эгоцентриков), семантика которых включает обращение к говорящему. Важную роль играет противопоставление первичных и вторичных эгоцентриков: вторичные допускают проекцию (когда роль говорящего выполняет какой-то иной субъект), тогда как первичные проекции не допускают.

В своих работах Анна Вежбицкая неоднократно обращалась к исследованию форм и способов присутствия говорящего в высказывании (Wierzbicka 1972, 1987, 1991 и др.). Одной из таких форм являются дискурсивные слова, в значение которых входит мнение говорящего относительно некоторого положения дел. В данной статье предлагается анализ трех русских дискурсивных слов — *пожалуй, никак и все-таки*. В исследовании применен комплексный подход, учитывающий опыт экспликации значения языковой единицы, принадлежащий разным школам семантического анализа (Wierzbicka 1992, Bybee et al. 1994, Levin, Rappaport 1998, Traugott, Dasher 2002, Апресян 1995, 2003, Падучева 1996, 2004, Зализняк 2006), а также различные методы анализа дискурсивных слов — синхронного, диахронического и контрастивного (Киселева, Пайар 1998, Разлогова 2004, Fisher 2006, Ajimer, Simon-Vanderbergen 2006, Traugott 2007, Diewald 2011, Degand et al. 2013, Апресян 2015, Шмелев 1996, 2017). Исследование проведено на основе материала Национального корпуса русского языка (www.ruscorgora.ru).

2. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

2.1. Пожалуй

Русское дискурсивное слово *пожалуй* представляет собой застывшую форму императива от глагола *пожаловать*¹. В языке 18 в. *пожалуй* имело две основные функции: оно употреблялось (в значении современного *пожалуйста*) в императивном предложении, выражающем просьбу или предложение нечто сделать (ср. (1) и (2)), а также в ответе на просьбу или предложение нечто сделать, выражающем согласие — уже в не императивном, а в констативном предложении, ср.(3)²:

- (1) — Ахъ другъ мой, вскричала Аглая, *пожалуй* со мною не разлучайся! [Путешественницы // Магази́нь общепользньхъ знаній и избобрѣтеній съ присовокупленіемъ моднаго журнала, раскрашенныхъ рисунковъ, и музыкальныхъ нотъ. Часть первая. съ Генваря до Іюня, 1795]
- (2) Почтового комиссара нашел я храпящего; легонько взял его за плечо. — Кого черт давит? Что за манер выезжать из города ночью. Лошадей нет; очень еще рано; взойди, *пожалуй*, в трактир, выпей чаю или усни. [А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779—1790)]

¹ Подробный анализ истории дискурсивного слова *пожалуй* предложен в статье (Гатинская 2014). Здесь мы приводим лишь факты, необходимые для описания современного употребления. Ср. также анализ путей прагматикализации формы императива в дискурсивных словах в Weiss 2018.

² Здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (www.ruscorgora.ru) приводятся со ссылкой в квадратных скобках.

- (3) Князь. Однако прежде посмотрим и Нельстецова. Княгиня. *Пожалуй*, я и на это согласна. [Д.И. Фонвизин. Выбор гувернера (1790—1792)]

Одинокое *Пожалуй*, выражающее согласие осуществить действие, обозначенное в предшествующей реплике собеседника, широко распространяется с начала 19 в., ср.:

- (4) Кабанова. Что ж, кум, зайди! Закуси чем бог послал! Дикой. *Пожалуй*. [...] [А.Н. Островский. Гроза (1860)]
- (5) — Чайку не желаете ли? — *Пожалуй*... — согласился Егорушка с некоторой неохотой, хотя чувствовал сильную тоску по утреннем чае. [А.П. Чехов. Степь (1888)]

В современном языке употребление, иллюстрируемое примерами (1) и (2), отсутствует, употребление типа (3)—(5) является несколько устаревшим. Сегодня одинокое *Пожалуй* употребляется преимущественно для выражения согласия с мнением, заключенным в предшествующей реплике собеседника, ср. (6):

- (6) — Это красиво. — *Пожалуй*, — лукаво соглашался Павел Алексеевич. — Да только очень уж простенько, — поддразнивал. [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]

В современном языке *пожалуй* — это эгоцентрическая единица, употребляющаяся преимущественно в речевом режиме³. В словаре МАС у *пожалуй* в функции вводного слова различается два значения: 1) ≅ ‘скорее всего’ и 2) ≅ ‘лучше’. Как нам представляется, реализация того или другого варианта значения слова *пожалуй* определяется контекстными условиями, а значение у дискурсивного слова *пожалуй* — одно: ‘говорящий после размышлений в процессе осуществления речевого акта решил, что Р’. Можно предложить также следующую более развернутую формулировку: *пожалуй* вводит мнение, сформировавшееся у говорящего в результате личного выбора из нескольких альтернатив, сопровождающегося сомнениями, которые не теряют актуальность в том числе и после принятия решения⁴. Остановимся на этом подробнее.

Итак, значение высказывания *Пожалуй Р* включает следующие компоненты:

- (i) выбирая между *Р* и *не-Р*, говорящий склоняется к *Р*;
- (ii) выбору предшествует размышление⁵;
- (iii) на момент речевого акта выбор является окончательным, хотя у говорящего сохраняются сомнения относительно его правильности;

³ Об эгоцентрических единицах языка, речевом и нарративном режимах их интерпретации см. (Падучева 1996: 258—284; Падучева 2001, 2011).

⁴ Ср. анализ этого слова, предложенный в Разлогова 1998а: одна альтернатива выбрана, но остальные сохраняют право на существование. Это верно для всех вариантов значения *пожалуй*, но наиболее ярко проявляется в диалогическом контексте, где говорящий принимает решение в пользу одной из альтернатив, предложенных ему партнером по диалогу.

⁵ В статье Разлогова 1998а в семантике *пожалуй* усматривается компонент ‘говорящий как бы размышляет вслух’. Как верно отметила И.Б. Левонтина (устное сообщение), *пожалуй* «отражает колебания говорящего в процессе осуществления речевого акта».

(iv) [кроме того, имеется следующее условие:] пропозиция *P* является неверифицируемой, т.е. это может быть либо оценочная пропозиция — атемпоральная (примеры (9),(10)) или относящаяся к прошлому (примеры (11)—(13)) — либо пропозиция, относящаяся к будущему (ср. (7а)) — но это не может быть единственный факт в прошлом (ср. (7б), (8)).

- (7) а. Он, *пожалуй*, откажется;
б. *Он, *пожалуй*, отказался.
- (8) **Пожалуй*, битва при Ватерлоо произошла в 1815 году.
- (9) Инфаркт — *пожалуй*, самая милосердная из смертей. Ребята потосковали и утешились. [И. Грекова. Перелом (1987)]
- (10) Потому что если уж очень он нравится семье, ему, *пожалуй*, незачем воровать девушку. [Фазиль Искандер. Слово (1980—1990)]

Предложение с *пожалуй* в прошедшем времени возможно только в случае оценочных суждений, ср.:

- (11) Но самым сложным для нас, *пожалуй*, было перекрытие кровли. [«Пермский строитель», 2003.04.28]
- (12) Как-то мне было не по себе, и даже больше того... да, *пожалуй*, мне было страшно. [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]
- (13) Дочь, *пожалуй*, была в его жизни главной заботой, большей проблемой, чем даже жена. [Василь Быков. Бедные люди (1998)]

Во всех этих примерах высказывание со словом *пожалуй* вводит мнение-оценку. Гипотеза о факте, который уже либо имеет, либо не имеет места, но мы об этом не знаем — это верифицируемое мнение-предположение⁶; слово *пожалуй* этот тип смысла выражать не может (ср. (7б), (8)).

Именно поэтому слово *пожалуй* широко используется в рекламе: *Пожалуй, лучшее пиво*, *Пожалуй лучший банк в России* и т.д. Дело в том, что в рекламе запрещено называть свой продукт самым лучшим, самым вкусным, самым эффективным и т.д. Вставка *пожалуй* дает возможность обойти этот запрет, представив рекламный слоган как выражающий не утверждение, а всего лишь чье-то индивидуальное мнение⁷.

В речевом режиме субъектом мнения, выражаемого в высказывании со словом *пожалуй*, является говорящий, ср.:

- (14) Знаешь, я, *пожалуй*, оказался не прав. [Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994—1995)]
- (15) — Знаешь... — сказал он. — Я в последнее время много думал об этой картине. И пришел к выводу, что, *пожалуй*, ошибся. Это не святой Бенедикт. [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008—2009)]

⁶ О противопоставлении мнения-предположения и мнения-оценки см. (Зализняк 1991).

⁷ Авторы благодарны И.Б. Левонтиной за это замечание.

В речевом режиме нарративная проекция (т.е. передача персонажу прерогативы говорящего быть субъектом сознания)⁸ для *пожалуй* невозможна — ср. (16а) и (16б):

- (16) а. Я, *пожалуй*, поеду летом в Болгарию;
б. Иван, *пожалуй*, поедет летом в Болгарию.

Поскольку *пожалуй* обслуживает только личный выбор говорящего, если речь идет о будущих действиях, это могут быть только действия, контролируемые говорящим. Предложение (16б), тем самым, осмысленно только, например, если Иван — это несовершеннолетний сын говорящего, за которого он принимает решение.

Говорящий может обосновать свой собственный выбор, см. (17а), и это право также не может быть передано 3-му лицу. В (17б) обоснование выбора также принадлежит говорящему:

- (17) а. Я, *пожалуй*, поеду летом в Болгарию, потому что это дешевле, чем в Италию;
б. Иван, *пожалуй*, поедет летом в Болгарию, потому что это дешевле, чем в Италию.

В нарративном режиме обычно имеет место гипотаксическая проекция, когда субъектом оценки, выраженной в изъяснительном придаточном предложении, является персонаж, ср. (18)—(22):

- (18) Сторожев понял, что совершил ошибку, что, *пожалуй*, скучает по Лидии и не очень-то, кажется, любит, увы, Илону, несмотря на все ее достоинства. [Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010]
- (19) Вовка заволновался, что тот, *пожалуй*, двинет сейчас локтем тарелку и столь трудно выпрошенная у повара лишняя каша с мясом будет на полу. [Владимир Маканин. Кавказский пленный (1995)]
- (20) Дмитриев сказал, что они, *пожалуй*, не поедут к тете Жене. [Юрий Трифонов. Обмен (1969)]
- (21) Он подумал как-то, что она, *пожалуй*, смогла бы озвучить не один сексуальный фильм. [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998]
- (22) Пьеса ему понравилась. Он заявил, что, *пожалуй*, будет ее ставить. [Самуил Алешин. Встречи на грешной земле (2001)]

Во всех этих примерах за выбор альтернативы отвечает не говорящий, а персонаж — субъект матричного предложения.

Нарративная проекция, т.е. передача персонажу права распоряжаться эгоцентрическими единицами в независимом предложении, возможна для *пожалуй* в повествовательной форме *discours indirecte libre* («свободный косвенный дискурс»), где субъектом оценки всегда является персонаж⁹, ср. (23), где предложению с *пожалуй* предшествует описание его колебаний в выборе альтернативы:

- (23) Лишь бы дойти до Боговизны. Идти, в общем, было безопасно, никто их не преследовал, парень вроде бы знал направление и пока уверенно вел.

⁸ О понятии нарративной и гипотаксической проекции см. (Падучева 2011).

⁹ См. подробнее (Падучева 1996: 335—353).

Наверно, они могли бы где-нибудь передохнуть в деревне, попить молочка и чего другого. Но с этим командиром, *пожалуй*, никакого отдыха не получится. Посидев недолго над картой, Гусаков снова сердито выругался и устало поднялся на ноги. [Василь Быков. Болото (2001)] [Василь Быков. Болото (2001)]

В примере (24) субъектом принятия решения также является персонаж; здесь несобственная прямая речь, *НВ* настоящее время *хватит* в нарративе с базовым прошедшим:

- (24) Забрел на кухню, включил свет. Мог бы сварить себе кофе (все-таки занятие), но кофе он уже выпил три чашки, *пожалуй*, на сегодня хватит. [Василь Быков. Бедные люди (1998)]

Часто установление «хозяина» эгоцентрика *пожалуй* оказывается непростой процедурой. Так, относительно примеров (25), (26) трудно сказать, повествователь или персонаж является субъектом выбора из обсуждаемых альтернатив; в (25) это скорее персонаж, в (26) — скорее повествователь.

- (25) Тане, *пожалуй*, было интереснее общаться с Виталиком, поскольку он склонялся к медицине и у них было больше общих тем. [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]
- (26) Самым интересным для нее было, *пожалуй*, черчение. [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]

Особенности семантики *пожалуй* хорошо видны при сопоставлении этого дискурсивного слова с близкой по значению единицей *скорее всего* (ср. перифразу одного из двух значений слова *пожалуй* в МАС), выражающей один из смысловых компонентов *пожалуй* — значение вероятностной оценки, близкой, но тоже не тождественной той, которая заключена в *пожалуй*. Действительно, в большинстве случаев замена *скорее всего* на *пожалуй* влечет более или менее существенное изменение смысла. Рассмотрим пару примеров (27а) и (27б):

- (27) а. Я *скорее всего* буду поступать на журналистику;
б. Я, *пожалуй*, буду поступать на журналистику.

Предложение (27а) означает ‘я считаю наиболее вероятным, что буду поступать на журналистику’ (окончательное решение еще не принято; возможно, будет приниматься не мной или я в своем решении буду руководствоваться не только своим желанием). Между тем в (27б) высказывается решение, принимаемое лично говорящим, на основании каких-то аргументов и личных предпочтений, при этом данное решение принимается *как бы* в момент осуществления речевого акта и на этот момент является окончательным.

Значение, обозначенное в МАС как ‘лучше’, ‘лучше всего’, возникает у *пожалуй* в контексте субъекта 1-го л. при глаголе действия в форме будущего времени (примеры (28)—(32)), а также в побудительном предложении (с императивом или инклюзивным 1-м л. мн.ч. примеры (33)—(36)). В контексте контролируемого собственного действия в значении *пожалуй* на первый план выступает идея выбора **оптимальной** альтернативы: выбор, как поступить, собственно и означает выбор, как *лучше* поступить. (В таких контекстах может появляться

само слово *лучше*, ср. (28)). При этом везде сохраняется компонент размышления перед принятием решения и незначительности преимущества принимаемого решения над его альтернативой (т.е. говорящий не уверен, что выбранная альтернатива является наилучшей и готов свой выбор пересмотреть). Примеры:

- (28) *Пожалуй*, лучше куплю все по отдельности: и телефон, и плеер. [Александр Волков. Одеться с иголки и без ниточки // «Знание — сила», 2003]
- (29) Ну, я, *пожалуй*, пойду, вам покой нужен. [И. Грекова. На испытаниях (1967)]
- (30) — Я выпью, *пожалуй*, еще кофе. [Владимир Маканин. Отдушина (1977)]
- (31) — Пойду, *пожалуй*, чайку спрошу, — сказал профессор. И встал. [Василий Шукшин. Печки-лавочки (1970—1972)]
- (32) А начну я, *пожалуй*, все-таки с письма, точнее, не с письма, а с того разговора, который состоялся прямо перед его получением. [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]
- (33) Начнем, *пожалуй*, с того, что в истории России были периоды, когда в нашей армии служили иностранцы. [«Солдат удачи», 2004.05.05]
- (34) А, *пожалуй*, зайдите, мне при вас вроде бы легче. [И. Грекова. Перелом (1987)] (*пожалуй* ≈ ‘лучше всего’; есть компонент «размышление» и «принятие решения»).
- (35) Знаешь, прочти, *пожалуй*. Может, что срочное. Откуда письмо-то? [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001] (≈ *лучше прочти*)
- (36) Пойдем, *пожалуй*, сейчас, по берегу недалеко. Он, наверно, дома. [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)]

Что же касается будущих событий, неконтролируемых говорящим, то здесь возможность появления *пожалуй* несколько ограничена; она тем больше, чем больше роль компонента собственной интерпретации и индивидуальных умозаключений в результирующем прогнозе. Так, вряд ли можно сказать *Пожалуй завтра будет дождь*, но можно *Пожалуй, завтра еще нельзя будет туда проехать на машине*.

- (37) Фильм «Война» режиссера Алексея Балабанова [...] претендует на то, чтобы стать главным отечественным кинохитом года. *Пожалуй*, станет. [Юрий Гладильщиков. Младший брат. О чем «Война» Алексея Балабанова (2002) // «Известия», 2002.03.15]

То же касается предсказаний относительно поступков других лиц, ср. (40):

- (38) Но представьте: я прихожу к Ольгиной тетке, которая, заметим, не сомневается, что ее племянница покончила с собой, и говорю: «Здравствуйте, я из уголовного розыска. Все мои коллеги сошлись на том, что это — самоубийство, а у меня вот особое мнение». Ведь она меня, *пожалуй*, выгонит — как по-вашему? [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

Таким образом, компонент (i) ‘выбирая между Р и не-Р, говорящий склоняется к Р’, в зависимости от характера пропозиции Р, может характеризовать выбор либо лучшей, либо более вероятной альтернативы — в зависимости от типа пропозиции Р.

Итак, дискурсивная единица *пожалуй* *P* вводит мнение, сформировавшееся у говорящего в результате личного выбора из двух или нескольких альтернатив, сопровождающегося сомнениями, которые не теряют актуальность в том числе и после принятия решения. В контексте неverified оценочной пропозиции, независимо от времени глагола, *пожалуй* вводит неуверенное мнение-оценку ('я считаю, что *P*', ср. *Пожалуй, самое трудное — это принятие решения; Пожалуй, самым трудным было/будет принятие решения*). В контексте глагола в 1-м л. будущего времени, обозначающего контролируемое действие, это мнение оказывается равнозначно (не полностью твердо) намерению данное действие совершить. В контексте пропозиций, обозначающих прогнозируемые события и действия других лиц, *пожалуй* вводит неуверенное мнение-предположение ('я считаю, что вероятно *P*', ср. *Пожалуй, она меня выгонит*). При этом *пожалуй* не может вводить мнение-предположения относительно фактов, которые уже либо имеют, либо не имеют места (**Пожалуй, он отказался*).

В речевом режиме субъектом оценки всегда является говорящий; в нарративе *пожалуй* может подвергаться гипотаксической и нарративной проекции.

2.2. Никак

Дискурсивное слово *никак* (ср. *Ты никак жениться собрался?*) исследовалось относительно мало. Словарь Даля определяет значение вводного *никак* как 'кажется, видится, должно быть, по-видимому, я думаю': *Никак приходил кто-то*. МАС трактует вводное *никак* как (просторечную) частицу, которая указывает на неуверенность, предположительность. Эти определения, однако, не отражают уникальной семантики и сочетаемостных свойств дискурсивного слова *никак*.

В Разлогова 2004: 44 отмечается, что *никак* сочетается с эпистемическими оценками «неуверенная истина» (*Кто это там? Никак Верка с почты*) и «истина знания» (*Ты никак бороду сбрил?*)

В статье (Жукова 2003) для *никак P* различается три класса употреблений:

1. Неуверенная констатация о некотором фрагменте мира *Z* (*Ты никак постригся?*)

2. Гипотетическое объяснение наблюдаемой ситуации *Q* (*А ты похорошела. Никак зубы вставила?*)

3. Смягченное утверждение. Говорящий высказывает предположение *P*, объясняющее уже известные факты *Q*. (При этом *Q* не связано с ситуацией и должно быть введено в левом контексте.)

Наше изложение будет построено на сопоставлении *никак* со словом *неужели*, которому посвящено существенно больше исследований (см., в частности, Апресян 1995: 50, Булыгина, Шмелев 1997: 273—281, Баранов 1986, Баранов, Пайар 1998).

В Апресян 1995: 50 предлагается следующее толкование: *Неужели P?* = 'До момента речи говорящий считал, что не *P*, в момент речи существуют обстоятельства или высказывания, имплицитующие *P*; прося адресата подтвердить или опровергнуть *P*, говорящий сообщает адресату, что ему очень трудно поверить, что *P*'. Для *никак* в работе (Жукова 2003: 132) предлагается следующая

формулировка: «[*н*] *никак* вводит новоприобретенное знание или предположение-догадку, которая переживается говорящим как только что, непосредственно в момент речи сделанное открытие».

В некоторых контекстах *никак* может быть заменено на *неужели* с частичным сохранением смысла, ср. (39а) и (39б):

(39) а. Ты что, Мурзик, *никак*, на волю не хочешь? [Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона / Обретение Энкиду (1997)]

б. Ты что, Мурзик, *неужели* на волю не хочешь?

Однако общим для *никак* и *неужели* является лишь то, что оба дискурсивных слова вводят возникшее в качестве реакции на только что полученную информацию предположение говорящего, вызывающее его удивление и высказываемое им в форме вопроса (чаще — к собеседнику, но возможно и к самому себе). Все прочие их свойства различны. Рассмотрим эти различия подробнее.

1. Слово *неужели* может функционировать в качестве самостоятельного высказывания — реакции на сообщение, истинность которого представляется говорящему маловероятной, например: — *Иванов ошибается. — Неужели?* Слово *никак* в такой позиции невозможно: дело в том, что *никак* может вводить только новую, как бы только что пришедшую в голову, мысль и поэтому не может относиться к мысли, высказанной собеседником, поэтому минимальный состав предложения с *никак* это *Никак Р!*

2. *Неужели* может выражать решительное отрицание (= риторическое *неужели*): *Неужели я тебя брошу?* Здесь тоже невозможно *никак*.

3. Слово *неужели* может вводить высказывание, представляющее собой реакцию на реплику собеседника: хотя обычно вопросительное предложение играет инициативную роль, при анализе вопроса с *неужели* необходимо принимать во внимание предшествующую реплику, поскольку *неужели* реактивно. Предложение с *никак* тоже может быть реакцией — но не на высказывание, а на ситуацию, которая представилась взору говорящего.

(40) Рывком открыла дверцу машины. — Ты что, *никак*, кататься задумал? — Не кататься, а уехать, — сказал я. [Людмила Уварова. Одинокий с собакой снимет комнату // Библиотека «Огонек», 1990]

(41) А ты, *никак*, и полы вымыл, смотрю? [Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000)]

(42) — Эй-эй, — закричал чиж. — Да ты, *никак*, тонешь?! — Буль, — кивнул головой Пешкин, и пузыри снова заплесали по луже. [Ефим Чеповецкий. Приключения шахматного солдата Пешкина (1986)]

Удивление — одна из естественных реакций на представившуюся взору ситуацию, соответственно, *никак* часто появляется в контексте, содержащем эксплицитное указание на удивление, ср.:

(43) — Да это, *никак*, вояки короля Смоля?! — удивился Пешкин. [Ефим Чеповецкий. Приключения шахматного солдата Пешкина (1986)]

(44) Он даже вилок повел в воздухе, перечеркивая этот день. — Да ты, *никак*, крестисься? — удивилась Анна Николаевна. [Лазарь Карелин. Головокружение // «Юность», 1971]

- (45) Вдруг она всплеснула руками: — Коля, да, *никак*, это ты? Я тебя совсем не признала! [Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000)]
- (46) — Ты, *никак*, меня сватать задумал? — от неожиданности растягивая слова, спросила она. — Задумал. Сватаю уж... [Валентин Распутин. Изба (1999)]

4. В отличие от *неужели*, слово *никак* может употребляться не только в вопросительном, но также и в утвердительном (примеры (47)—(49), (51)) и восклицательном (примеры (50), (52)—(54)) предложении, ср.:

- (47) Кривцов еле устоял, схватившись за фонарь. Ощупал голову, отнял ладонь — она была в крови. — Вася, я, *никак*, его убила... — охнула женщина, разъяренность исчезла из ее глаз, появилась бабья жалостливая деловитость. [Евгений Евтушенко. Ягодные места (1982)]
- (48) Что это братец нейдет, вон, *никак*, гроза заходит. [А.Н. Островский. Гроза (1860)]
- (49) — Да ты, *никак*, уже поработал, и на славу... [Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Привратник (1994)]
- (50) Батюшки мои, да, *никак*, это она радуется! Это она так веселится, что вот и ей с карусели платочком машут. [Федор Кнорре. Каменный венок (1973)]
- (51) — Оно <солнце>, *никак*, тоже на воскресник вышло, — поддержал его Кузьмин, также прикрываясь пятерней от солнца. [Борис Можаев. Саня (1957)]
- (52) — Да что ты, *никак*, Прохорыч, с ума спятил! [М.Е. Салтыков-Щедрин. Пропала совесть (1878)]
- (53) МОЦАРТ (пытаясь помешать). Ты, *никак*, с ума сошел! Ты что! [Людмила Петрушевская. Сцена отравления Моцарта (1985—1990)]
- (54) «Эх, мать-перемать! — догадался шофер. — Да это ж, *никак*, лошади! [Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975—2003)]

При этом даже в том случае, когда *никак* употреблено в формально вопросительном предложении, это может быть не собственно вопрос, а констатация своего впечатления или неуверенное утверждение — вообще говоря, не требующая ответа, ср. (41), (45), а также (55):

- (55) — Ты, *никак*, заговариваешься? — ужаснулась Татьяна. [Ирина Муравьева. Филемон и Бавкида (1995)]

5. *Никак* может употребляться только в независимом предложении. Большая часть примеров с *никак* вообще не может быть поставлена в подчинительный контекст (т.е. не допускает гипотаксической проекции); так в (18б) *никак* должно быть заменено на другой показатель эпистемической оценки, напр. *наверно*):

- (56) а. Их уж, *никак*, лет двадцать не продают [Борис Можаев. Живой (1964—1965)];
б. *Он сказал, что их уж, *никак*, лет двадцать не продают.

Между тем слово *неужели* может употребляться в подчиненной позиции, при этом субъектом эпистемической оценки оказывается персонаж, ср. (подчиняющий предикат выделен подчеркиванием):

- (57) Профессор, горько усмехаясь, начинал выговаривать ей, что *неужели* она за двадцать пять лет жизни с ним не научилась разбираться в солнечной системе, что Сатурна в это время и в этой четверти неба не бывает. [М.М. Зощенко. Возвращенная молодость (1933)] (≅ удивительно, что она не научилась).

- (58) У нее, против воли, промелькнула мысль, что *неужели* Ирина сама не замечает, какая она стала? [П.С. Романов. Человеческая душа (1926)] (≡ не может быть, чтобы не замечала).

Слово *никак* не допускает ни гипотаксической, ни нарративной проекции, оно не употребляется нигде, кроме как в прямой речи, это типичный «первичный эгоцентрик», т.е. исключительная принадлежность речевого режима¹⁰. При этом чаще всего предложение с *никак* — это высказывание, обращенное ко второму лицу, ср. примеры (49), (52), (53), (55) и др. с подлежащим *ты* или *вы*.

б. Наконец, собственно **семантическое** отличие *никак* от *неужели* состоит в том, что если высказывание с частицей *неужели* делается тогда, «когда говорящий склонен делать предположение, что обсуждаемая ситуация не должна бы иметь место» (Булыгина, Шмелев 1997: 275), то в *никак* какое-либо априорное предположение о не-Р отсутствует. Кроме того, компонент ‘говорящий просит слушающего подтвердить, что Р’, имеющийся в *неужели*, в *никак* присутствует в более «слабой» форме ‘говорящий ожидает от слушающего подтверждения Р’, и при этом является факультативным.

В предложениях с *никак* часто появляются разного рода частицы: *да* (*Да ты, никак, тонешь?!;*); местоимение и частица *это* (*Батюшки мои, да, никак, это она радуется!*), дискурсивные слова *что* и *что ли* (*Ты что, никак, кататься задумал?*). Две последние единицы могут даже заменять *никак*, ср.: *Ты что/что ли кататься задумал?* (о частицах *что* и *что ли* см. Левонтина 2014).

Никак имеет просторечный вариант *нешто*, употребляющийся только в вопросительном предложении (— *Нешто и в самом деле выкупаться?..* [И. Грекова. На испытаниях (1967)]). В Жукова 2003 *никак* сравнивается с оборотом *не иначе, как*. Показано, что несмотря на наличие некоторого круга контекстов где эти две единицы взаимозаменяемы, различия в их значении и употреблении достаточно существенны.

Отметим также, что при некоторых условиях *никак* сближается со словом *небось* — ср. квазисинонимичные предложения (59а) и (59б):

- (59) а. — Их уж, *никак*, лет двадцать не продают?
б. — Их уж *небось* лет двадцать не продают?

В других случаях замена *никак* на *небось* приводит к существенному искажению смысла — ср. (60а) и (60б):

- (60) а. Ты что, Мурзик, *никак*, на волю не хочешь?
б. ?Ты что, Мурзик *небось* на волю не хочешь?

Предложение (60б) может быть осмысленным лишь в очень специальном контексте. Между тем, если убрать отрицание, то замена *никак* на *небось* оказывается почти равнозначной, ср.:

- (61) а. Ты что, Мурзик, *никак*, на волю хочешь?
б. Ты что, Мурзик, *небось* на волю хочешь?

¹⁰ Понятие первичного vs. вторичного эгоцентрика было введено в (Падучева 1996: 310—312), см. также (Падучева 2011).

Объяснение этому факту кроется в специфической семантике слова *небось*. Так, А.Д. Шмелев (1996) предлагает следующее толкование для этого слова (цит. по Шмелев 2017: 290):

Используя слово *небось*, говорящий не просто высказывает гипотезу о ситуации, к непосредственному знанию о которой у него нет доступа. Гипотеза высказывается довольно уверенно, однако эта уверенность основывается не на рациональных общих соображениях (как в случае дискурсивных слов *должно быть*, *наверно* или совсем уверенного *несомненно*), а на опыте, который приписывает себе говорящий. Он как бы демонстрирует свое знакомство с ситуациями подобного рода — ‘я-то знаю, как в таких случаях бывает’. Тем самым он показывает свое превосходство над теми, у кого такого опыта нет.

Невозможность замены *никак* на *небось* в предложении (60а) обусловлена наличием в *небось* компонента ‘я-то знаю, как в таких случаях бывает’¹¹: этот компонент — за исключением ситуации, когда имеется эксплицитное указание на обратное — неуместен по отношению к пропозиции ‘не хочешь на волю’ — в отличие от пропозиции ‘хочешь на волю’¹². Между тем *никак* не включает никакого априорного мнения относительно того, «как в таких случаях бывает»: высказываемое предположение формируется исключительно на основе имеющихся в распоряжении говорящего фактов (чаще всего наблюдаемых).

Таким образом, оба дискурсивных слова (*никак* и *небось*) вводят предположение относительно истинности некоторой пропозиции. При этом слово *никак* включает в свое значение указание на то, что основанием для такого предположения являются (только что полученные) перцептивные данные. Кроме того, идея «вероятно, имеет место Р» является для говорящего новой (до сих пор такая возможность не приходила ему в голову) и поэтому вызывает удивление. Для *небось* основанием для предположения относительно истинности некоторой пропозиции является апелляция к собственному опыту, и тем самым оно не является полностью «новым».

Итак, дискурсивное слово *никак* выражает предположение, сделанное на базе непосредственно воспринимаемой ситуации. *Никак* употребляется в вопросительном предложении, в том числе в таком, которое не обязательно требует ответа, а также в утвердительном; в контексте *никак* естественно встретить частицы и местоимение 2-го лица; *никак* выражает удивление; оно может оказаться контекстным синонимом слов *неужели* и *небось*. Употребляется только в независимом предложении и только в речевом режиме, т.е. является первичным эгоцентриком: всегда имеет подразумеваемым субъектом говорящего, не допуская ни гипотактической, ни нарративной проекции.

¹¹ Ср. также замечание в (Разлогова 1998b), что установка, выражаемая словом *небось*, сопровождается «вторжением в личную сферу адресата речи».

¹² Здесь дело еще в том, что слово *небось* включает также встроенную отрицательную оценку довольно сложной структуры, восходящую к компоненту отрицательной оценки в глаголе *бояться*; более подробное обсуждение этого вопроса выходит за рамки настоящей статьи.

2.3. Все-таки

В книге (Апресян 2015: 258—259), а также в Активном словаре русского языка (АС) предлагается описание слова *все-таки*, включающее три значения: уступительное, уступительно-причинное и противительное. В статье Пайар 1998а, где описание данного дискурсивного слова выполнено в иной модели, говорится, что *все-таки* «указывает на внутреннюю конфликтность ситуации, на наличие различных точек зрения на некоторое положение вещей, одна из которых оказывается доминирующей» (Пайар 1998а: 217)¹³.

Как нам представляется, значение высказывания *все-таки P* включает следующие смысловые компоненты:

- (i) мнение W;
- (ii) мнение не-W;
- (iii) аргумент в пользу мнения W;
- (iv) аргумент в пользу мнения не-W;
- (v) факт, подтверждающий мнение W.

Употребление слова *все-таки* в вопросительном и побудительном предложении, где на его семантику накладывается иллокутивная составляющая, будет рассмотрено отдельно. Что же касается употребления *все-таки* в утвердительном предложении, то здесь имеется три разных случая — в зависимости от того, какому из перечисленных компонентов соответствует вводимый словом *все-таки* фрагмент текста P. А именно:

Все-таки P:

- 1) P соответствует компоненту (v);
- 2) P соответствует компоненту (i);
- 3) P соответствует компоненту (iii)¹⁴.

Эти три случая частично соответствуют трем значениям *все-таки*, различаемым в (Апресян 2015). Предлагаемый способ представления имеет то преимущество, что позволяет продемонстрировать связь между различными типами употребления этого слова, а также в том же формате описать «промежуточные» случаи.

Характеризуя значение слова *все-таки* в целом, необходимо сказать следующее. Компонент (i) присутствует в значении предложения с *все-таки* двояким образом: как исходное (фоновое) мнение и как утверждаемое мнение; собственно, главную «пружину» значения обсуждаемого слова составляет апелляция к этому исходному мнению, которое оказывается победившим. Компонент (ii) также присутствует обязательно; он может быть выражен в том же предложении (вне сферы действия *все-таки*), но может и оставаться невыраженным. Об ингерентном статусе компонента «мнение не-W» в семантике слова *все-таки* ярко свидетельствует следующий пример (из романа Э. Ферранте «История нового имени»):

До этого о Лиле не было сказано ни слова, и вдруг он заявил — как будто мы только ее и обсуждали: «И все-таки во всем квартале нет матери лучше Линь».

¹³ См. также описание близких по значению единиц: частицы *таки* в (Широкова 1982, Пайар 1998b) и дискурсивного слова *все же* в (Пайар 1998c).

¹⁴ Обратим внимание на то, что частица *таки* имеет значения, соответствующие случаям 1 (*он таки успел*) и 2 (*он таки прав*), но не 3.

Это «все-таки» мне совсем не понравилось. Я никогда не замечала в Энцо особой чуткости, но тут поняла, что, шагая рядом со мной, он *услышал* — именно услышал — то, что я не собиралась говорить вслух. Наверное, мое тело помимо моей воли перечислило длинный список недостатков, которые я приписывала нашей общей подруге¹⁵.

Компонент (iv) может быть выражен в том же предложении внутри составляющей, вводимой союзом *хотя* или *несмотря на* (ср. примеры (2),(3)), но он может и отсутствовать. Компоненты (iii) и (v) находятся в дополнительном распределении (выбор детерминирован семантикой пропозиции Р — соответственно, выражает она мнение или факт).

Рассмотрим подробнее перечисленные выше случаи.

Случай 1. Все-таки Р: фрагмент Р соответствует компоненту (v) «факт, подтверждающий мнение W». В том же предложении может быть отражено содержание компонента (iv) «аргумент в пользу мнения не-W»¹⁶. Мы предлагаем следующую экспликацию (номера тех смысловых компонентов, которые отражены в поверхностной структуре анализируемого предложения, выделены полужирным шрифтом).

(62) (А) *все-таки* я успел до перерыва (Р = ‘я успел до перерыва’):

— (i) мнение W: ‘я думал, что успею’ является здесь фоновым (это условие осмысленности данного предложения);

— (ii) мнение не-W: ‘(по каким-то причинам) я или кто-то другой думал, что не успею’;

— (iii) отсутствует; содержание компонента (iv) здесь неизвестно (ср. «по каким-то причинам» выше),

— (v), факт, подтверждающий мнение W: ‘я успел’.

(63) (Хотя) лил дождь, но мы *все-таки* пошли гулять (Р = ‘мы пошли гулять’):

— (i) мнение W: ‘мы думали, что пойдем гулять’, как и в предыдущем случае является фоновым;

— (ii) мнение не-W: ‘кто-то мог подумать, что мы не пойдем гулять’;

— (iv) аргумент в пользу мнения не-W: ‘[потому что] лил дождь (а под дождем люди обычно не гуляют)’;

— (v) факт, подтверждающий мнение W: ‘мы пошли гулять’.

(64) Детский центр *все-таки* закрыли, несмотря на многочисленные протесты:

— (i) мнение W: ‘предполагалось, что детский центр закроют’

— (ii) мнение не-W: ‘можно было думать, что не закроют’;

¹⁵ Слово *все-таки* в русском переводе появилось здесь на месте итальянского *comunque*. По результатам проведенного в (Bonola 2017) сопоставительного корпусного исследования для *comunque* в «противительном» значении перевод *все-таки* является наиболее частотным.

¹⁶ Этот случай приблизительно соответствует значению, которое в АС и в (Апресян 2015) названо «уступительным», или *все-таки I* и иллюстрируется примерами (1)—(3).

— (iv) аргумент в пользу мнения не-W: ‘[потому что] были многочисленные протесты’;

— (v) факт, подтверждающий мнение W: ‘детский центр закрыли’.

Как справедливо замечено в (Апресян 2015: 258), для *все-таки* в данном значении характерно употребление в контексте союзов *а, но*, а также при наличии в предложении составляющей, вводимой словами *хотя, несмотря на* (ср. примеры (63), (64), (68), (69)). Представляется, однако, что именно наличие такого контекста способствует профилированию значения уступительности, реально составляющего лишь фрагмент концептуальной конфигурации, заключенной в слове *все-таки*, наиболее существенная специфика которой состоит в противостоянии двух мнений и победе «исходного» мнения над его отрицанием.

Другие примеры данного типа употребления (из НКРЯ):

(65) Сердце билось так, что мешало вслушиваться, и *все-таки* я расслышал: дверь подъезда внизу медленно приотворилась и не затворялась мгновений пять... [Венедикт Ерофеев. Москва—Петушки (1970)]

(i) ‘я хотел расслышать (=думал, что расслышу)’; (ii) ‘можно было подумать, что не расслышу’ (iv) ‘[потому что] сердце билось так, что мешало вслушиваться’; (v) ‘я расслышал’

(66) Он очень медленно собирался с мыслями, но *все-таки* собирался. [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)]

(i) ‘он соберется с мыслями’ (ii) ‘он не соберется с мыслями’ (iv) ‘[потому что] он очень медленно это делает’; (v) ‘он собрался с мыслями’.

(67) Фердинанд и его приятель, неуязвимые пройдохи, саламандры судьбы, василiski счастья, отделались местным и временным повреждением чешуи, тогда как Нина, несмотря на свое давнее, преданное подражание им, оказалась *все-таки* смертной. [В.В. Набоков. Весна в Фиальте (1938)]

(i) ‘Нина (как и все люди) смертна’; (ii) ‘Нина бессмертна’ (iv) ‘[потому что] Нина — такая же, как Фердинанд и ее приятели, которые остались живы’; (v) ‘Нина умерла’¹⁷.

(68) *хотя* стекло в окне замерзло и заиндевело, *все-таки* в нем осталось отверстие, через которое бумажный король мог видеть, что делалось кругом. [Л.А. Чарская. Король с раскрашенной картинки (1912)]

(69) *Несмотря на* сутолоку, мы *все-таки* улучили часика два для не формального общения. [Александр Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (1999)]

Случай 2. *Все-таки* P: актант P соответствует компоненту (i) «мнение W». Здесь вводимая словом *все-таки* пропозиция P представляет собой именно **мнение** — то, которое в более или менее явной форме имелось ранее и в момент речи утверждается как «победившее».

¹⁷ Уточненный анализ данного примера будет приведен ниже.

Сюда относятся, в частности, примеры, реализующие значение *все-таки* 3 по (Апресян 2015), где оно толкуется как ‘Говорящий сообщает, что имеет место ситуация A1, как бы возвращаясь к разговору об A1 или возражая кому-то, кто утверждал, что не-A1’ и иллюстрируется примерами: *Какие все-таки в Москве высокие цены! Она все-таки абсолютно непредсказуема; Это все-таки незаметное средство; Все-таки десять часов в самолете — это очень долго.*

Ср. аналогичные примеры из НКРЯ:

(70) — *Все-таки* все они сволочи, — разрешала себе Ирина. [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002]

(71) И *все-таки* неожиданно кончилась война! Раз — и кончилась. [И. Грекова. Перелом (1987)]

(72) — Нет, ты *все-таки* дура. [Андрей Геласимов. Жанна (2001)]

Структура значения *все-таки* здесь сведена к минимуму: во всех этих случаях говорящий высказывает свое личное оценочное мнение по какому-то вопросу; *все-таки* маркирует то обстоятельство, что это мнение было у говорящего и раньше, при этом говорящему известно, что у кого-то может быть другое мнение по этому вопросу (или же говорящий в прошлом сам испытал определенные колебания).

К этой же категории относится приписываемая Галилею фраза *И все-таки она вертится!* (якобы произнесенная им после вынужденного отречения).

Специально отметим, что реализация данного значения возможна не только в речевом режиме, ср.:

(73) Она говорит — надо *все-таки* похлопотать, чтобы его определили в спецшколу. [Андрей Геласимов. Жанна (2001)]

(i) мнение W: ‘я думал: надо похлопотать’; (ii) мнение не-W ‘кто-то мог думать: не надо хлопотать’; утверждается торжество мнения W.

Рассмотрим также несколько примеров более сложной структуры.

(74) Октябрина Михайловна опять спросила про фильм. Его, наверняка, снимали в эпоху немого кино. *Все-таки* придется смотреть. Жалко ее обманывать. [Андрей Геласимов. Нежный возраст (2001)]

(i) мнение W (исходное, оно же утверждаемое): ‘надо посмотреть этот фильм’; (ii) мнение не-W: ‘не надо смотреть’ (iii) аргумент, подтверждающий мнение не-W: ‘[не надо смотреть *потому что*] его снимали в эпоху немого кино (т.е. фильм старый, неинтересный)’; (iv) аргумент, подтверждающий мнение W: ‘[надо посмотреть *потому что*] жалко обманывать Октябрину Михайловну.

(75) Кямал помогал собрать вещи, принес пустые коробки из-под марокканских апельсинов и моток бельевой веревки. *Все-таки* какая-то польза от него была. [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002]

(i) мнение W: ‘от Кямала есть польза’; (ii) мнение не-W: ‘от Кямала нет никакой пользы’¹⁸; (v) факт, подтверждающий мнение W: ‘принес коробки и веревки (т.е.

¹⁸ Согласно сюжету цитируемой повести В. Токаревой Кямал — бывший возлюбленный героини, женившийся на другой женщине.

помог при сборах)’. Особенность этого примера состоит в том, что утверждаемое мнение ‘от Кямала есть какая-то польза’ не равно исходному мнению W, но оно противостоит мнению не-W ‘нет никакой пользы’.

Здесь, также как и в случае 1, характерно введение аргумента в пользу мнения не-W при помощи предлога *несмотря на*, ср.:

(76) *Несмотря на* идеологическую пропасть, русские *все-таки* остаются частью европейского этноса. [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)]

Строго говоря, сюда же следовало бы отнести пример (67), где *все-таки* формально вводит мнение (*все-таки оказалась смертной*). Однако в примере (67) это, очевидно, фигура речи: на самом деле сообщается не о торжестве мнения, а о факте. Однако этот пример свидетельствует о реальном отсутствии границы между случаями 1 и 2.

Случай 3. Все-таки P: фрагмент P соответствует компоненту (iii) «аргумент в пользу мнения W».

Приведем примеры из НКРЯ:

(77) Привязав лошадь у забора, он вошел ко мне; я попотчевал его чаем, потому что хотя разбойник он, а *все-таки* был моим кунаком. [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839—1841)]

(i) мнение W: ‘надо напоить его чаем’; (ii) мнение не-W: ‘не надо поить его чаем’; (iii) аргумент в пользу мнения W ‘[потому что] он мой кунак’ (iv) аргумент в пользу мнения не-W ‘[потому что] он разбойник’.

Здесь компонент (iii) «аргумент в пользу мнения не-W» выражен предложением, вводимым союзом *хотя*. Ср. также пример на значение *все-таки* 2 из (Апресян 2015): *Хотя экзамен сложный, я уверен, что она сдаст на пятерку — все-таки круглая отличница*.

(78) Уговорить старика <на операцию> было нелегко, так как за свою слепоту он *все-таки* получал какую-то небольшую пенсию. [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996]

(i) мнение W: ‘не надо делать операцию’ (ii) мнение не-W: ‘надо делать операцию’ (iii) аргумент в пользу мнения W: ‘за свою слепоту он получает пенсию (а если он сделает операцию и перестанет быть слепым, то не будет получать пенсию)’.

(79) Тогда уже было видно, что это конченный человек, но я сдержался тогда. *Все-таки* гость... [Фазиль Искандер. Чик чтит обычаи (1967)] = ‘Сдержался, хотя естественно было не сдержаться; сдержался, *потому что* он гость’.

(i) мнение W: ‘надо сдержаться’; (ii) мнение не-W: ‘надо сказать то что думаю (= не сдержаться)’; (iii) аргумент в пользу мнения W ‘[потому что] он гость’

(80) Я чуть не крикнул Фреду: «Так совершали бы подвиги!». Но сдержался. *Все-таки* я пил за его счет. [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)] = ‘Сдержался, хотя естественно было не сдержаться; сдержался, *потому что* пил за его счет’.

- (81) Надо иметь сознательность, товарищи, вы же *все-таки* рабочий класс. [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001] = ‘Вы не имеете сознательности, а надо иметь, *потому что* вы рабочий класс’.

В вопросительных и других неутвердительных предложениях семантика *все-таки* взаимодействует с иллокутивной составляющей. Рассмотрим следующие примеры:

- (82) — Ну когда же вы *все-таки* приедете? Я очень хочу вас видеть! [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)]
- (83) Скажите, а что же *все-таки* явилось причиной гибели Геннадия? [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]
- (84) Вы, наверное, *все-таки* страдали, когда жена от вас ушла? [Фазиль Искандер. Муки совести, или Байская кровать (1980—1990)]
- (85) А почему вы *все-таки* развелись? [Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995—2000)] ≈ почему *все-таки*; т.е. *все-таки* относится к оператору вопроса.
- (86) — А вот что ты *все-таки* говорил про храм толпе на базаре? [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929—1940)]
- (87) — Мне не ясно, что же у больного *все-таки* болело! [Григорий Горин. Почему повязка на ноге? (1960—1985)]

Во всех этих предложениях слово *все-таки* вписывает задаваемый вопрос в контекст некоторого предшествующего обсуждения или размышления. Поскольку *все-таки* употреблено в вопросительном предложении, ни мнение *W*, ни его альтернатива нигде не выражены, однако сам факт их противостояния сохраняется. Так, в вопросе *А почему вы все-таки развелись?* содержится отсылка к тому обстоятельству, что по этому поводу у говорящего имеются противоречивые или недостаточные сведения — или же к тому факту, что говорящий уже пытался узнать ответ на этот вопрос и попытка оказалась безуспешной. Этот смысл может быть эксплицирован и усилен в перифразе, где *все-таки* относится к глаголу речи, ср.: *Скажи все-таки, почему вы развелись.*

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, был предложен семантический анализ трех русских дискурсивных слов — *пожалуй*, *никак* и *все-таки*, — выполненный в рамках комплексного подхода, учитывающего опыт экспликации значения дискурсивных единиц, принадлежащий различным школам семантического анализа (толкование; эксплицитная перифразировка; концептуальный сценарий-схема, включающий набор семантических компонентов, и др.). Было показано, что дискурсивная единица *пожалуй* *P* вводит мнение, сформировавшееся у говорящего в результате личного выбора из двух или нескольких альтернатив, сопровождающегося сомнениями, которые не теряют актуальность в том числе и после принятия решения. Дискурсивное слово *никак* выражает предположение, сделанное на базе непосредственно воспринимаемой ситуации и сопровождаемое удивлением; оно употребляется в вопросительном предложении, в том числе в таком, которое не обязательно

требуется ответа, а также в утвердительном. Предложенное описание семантика дискурсивного слова *все-таки* включает пять смысловых компонентов: «мнение W»; «мнение не-W»; «аргумент в пользу мнения W»; «аргумент в пользу мнения не-W»; «факт, подтверждающий мнение W». В разных типах употребления в предложении со словом *все-таки* отражены два и или три из них: остальные уходят на задний план, но сохраняют свою актуальность. В утвердительном предложении различается три основных класса употреблений в зависимости от того, какому из компонентов — «мнение W», «факт, подтверждающий мнение W» или «аргумент в пользу мнения W» — соответствует фрагмент текста, вводимый словом *все-таки*. В вопросительном и побудительном предложении это дискурсивное слово взаимодействует с иллокутивной составляющей высказывания. Было продемонстрировано, что слова *пожалуй* и *все-таки* являются вторичными эгоцентриками, а *никак* — первичным: он не подвергается ни гипотаксической, ни нарративной проекции. Проведенное исследование открывает перспективу интегрального исследования дискурсивных слов, позволяющего соединить методы классического семантического анализа, контекстно-семантического подхода, концептуального анализа и нарратологии. Полученные результаты послужат дальнейшему развитию семантической теории, могут быть также использованы в толковой и двуязычной лексикографии и в практике преподавания русского языка.

© Анна А. Зализняк, Е.В. Падучева, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян В.Ю. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. Москва: Языки славянских культур, 2015. Moscow: [Apresjan, V.Ju. (2015). *Concessivity: mechanisms of formation and interaction of complex meanings in the language*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)]
- Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. [Apresjan, Ju.D. (1995) *Integral description of language and systematic lexicography*. Moscow. (In Russ.)].
- Апресян Ю.Д. Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 3-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Apresjan Ju.D. (2003). *Linguistic terminology of the dictionary*. Apresjan Ju.D. e.a. *New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language*. The third edition. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury, XVIII—XLIX. (In Russ.)]
- Баранов А.Н. (1986) 'Предположение' vs. 'факт': «неужели» vs. «разве» // *Zeitschrift für Slawistik*, 1986, № 1. [Baranov, A.N. (1986). 'Supposition' vs. 'fact': "razve" and "neuzheli". *Zeitschrift für Slavistik*, 1986, 1. (In Russ.)]
- Баранов А.Н., Пайар Д. (1998) *НЕУЖЕЛИ*, или Фома неверующий // Киселева К., Пайар Д. (ред.) Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. С. 300—306. [Baranov, A.N., Pajar, D. (1998). *NEUZHELI*, or doubting Thomas. Kiseleva, K., Pajar, D. (eds.) *Russian discourse markers: contextual-semantic description*. Moscow. (In Russ.)]

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. [Benvenist E. (1974). *General linguistics*. Moscow, Progress. (In Russ.)]
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. [Bulygina T.V., Shmelev A.D. (1997). *Linguistic conceptualization of the world (on the basis of Russian grammar)*. Moscow, Jazyki russkoj kultury. (In Russ.)]
- Гатинская Н.В. Лексико-грамматическая история лексемы *пожалуй* // Русский язык в научном освещении. № 2 (28). 2014. С. 126—152. [Gatinskaja, N.V. (2014). *Lexico-grammatical history of the lexeme *pozhalej**. *Russkij jazyk v nauchnom osveschenii*, 2 (28), 126—152. (In Russ.)]
- Жукова О.В. *НИКАК, НЕ ИНАЧЕ КАК*: сравнительный анализ двух дискурсивных слов // К. Киселева, Д. Пайар (ред.) *Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство*. М., 2003. С. 131—143. [Zhukova O.V. (2003). *NIKAK/NE INACHE KAK: a comparative analysis of the two discursive words* In D. Palliard (ed.) *Discursive words of Russian: contextual variation and semantic unity*. Moscow. (In Russ.)]
- Зализняк Анна А. *Считать и думать*: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 187—194. [Zaliznjak, Anna A. (1991). *Schitat' and dumat': two types of opinion*. *Logicheskij analiz jazyka. Cultural concepts*. Moscow. (In Russ.)]
- Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. [Zaliznjak, Anna A. (2006). *Linguistic polysemy and the ways of its description*. Moscow: Languages of Slavic Cultures (In Russ.)]
- Левонтина И.Б. Дискурсивные слова в вопросительных предложениях // *Die Welt der Slaven*, LIX, 2014, p. 201—218. [Levontina I.B. (2014). *Discourse markers in the interrogative sentences*. *Die Welt der Slaven*, LIX. (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Семантика вида и точка отсчета // *Известия АН СССР, сер. лит. и яз.*, 1986, т. 45, № 5, с. 413—424. [Paducheva, E.V. (1986). *The semantics of aspect and the point of reference*. *Izvestiya AN SSSR. Series literature and language*. Vol. 45. (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры. 1996. (Изд-е 2-е, 2010). [Paducheva, E.V. (1996). *Semantic investigations*. Moscow: Languages of Russian Culture (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Модальность сквозь призму дейксиса // *Традиционное и новое в русской грамматике*. Сб. статей памяти В.А. Белошапковой. М.: Индрик, 2001. С. 184—197. [Paducheva, E.V. (2001). *Modality in the prism of deixis*. *Traditional and new in Russian grammar*. In *memoriam V.A. Beloshapkova*. Moscow: Indrik, 184—197. (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. [Paducheva, E.V. (2004). *Dynamic models in lexical semantics*. Moscow: Languages of Slavic Culture (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего. Вопросы языкознания, 2011, № 3, 3—18. [Paducheva, E.V. (2011). *Egocentric valencies and the deconstruction of the speaker*. *Voprosy yazykoznanija*, 3. (In Russ.)]
- Пайар Д. *ВСЕ-ТАКИ*, или Барьер взят // К. Киселева, Д. Пайар (ред.) *Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания*. М., 1998. С. 217—226. [Pajar, D. (1998a). *VSJO-TAKI, or the barrier is taken*. In Kiseleva, K., Pajar, D. (eds.) *Russian discourse markers: contextual-semantic description*. Moscow, 217—226. (In Russ.)]

- Пайар Д. (1998b). *ВСЕ ЖЕ*, или мирное сосуществование // К. Киселева, Д. Пайар (ред.) Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. С. 208—217. [Pajar, D. (1998b) VSJO ZHE, or peaceful coexistence. In Kiseleva, K., Pajar, D. (eds.) *Russian discourse markers: contextual-semantic description*. Moscow, 208—217. (In Russ.)]
- Пайар Д. (1998c) *ТАКИ*, или развязка // К. Киселева, Д. Пайар (ред.) Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. С. 199—208. [Kiseleva, K., Pajar, D. (eds.) *Russian discourse markers: contextual-semantic description*. Moscow, 199—208. (In Russ.)]
- Разлогова Е.Э. *ПОЖАЛУЙ*, или раздвоенность // К. Киселева, Д. Пайар (ред.) Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998, С. 331—336. [Razlogova, E.E. (1998a). POZHALUJ, or bifurcation. In Kiseleva, K., Pajar, D. (eds.) *Russian discourse markers: contextual-semantic description*. Moscow, 331—336. (In Russ.)]
- Разлогова Е.Э. *НЕБОСЬ*, или вторжение // К. Киселева, Д. Пайар (ред.) Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. Москва, С. 326—331. [Razlogova, E.E. (1998b). NEBOS', or intrusion. In Kiseleva, K., Pajar, D. (eds.) *Russian discourse markers: contextual-semantic description*. Moscow, 326—331. (In Russ.)]
- Разлогова Е.Э. Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов. М.: Изд-во МГУ, 2004. [Razlogova, E. E. (2004). *Logical, cognitive and stylistic aspects of the semantic of the modal words*. Moscow: MGU. (In Russ.)]
- Широкова Е.Г. Частица ТАКИ: семантика и условия употребления // Семиотика и информатика. № 8. М., 1982. [Shirokova, E.G. (1982). The particle ТАКИ: semantics and rules of use. *Semiotika i informatika*, 8, Moscow. (In Russ.)]
- Шмелев, А.Д. Жизненные установки и дискурсивные слова // *Aspekteja* [= *Slavica Tampere*], V. Tampere, 311—322. [Shmelev, A.D. (1996). Life attitudes and discourse words. *Aspekteja* [= *Slavica Tampere*], V. Tampere. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов // Русский язык: пересекая границы. Дубна, 2001. С. 266—279. [Shmelev, A.D. (2001). Some tendencies of semantic evolution of the Russian discourse words. In: *Russkij jazyk: peresekaja granitsy*. Dubna, 266—279. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. Русские *авось* и *небось* revisited // *Die Welt der Slaven*. 2017. Jg 62. 2. S. 276—303 [Shmelev, A.D. (2017). Russian *avos'* and *nebos'* revisited. *Die Welt der Slaven*, Jg 62, 2. (In Russ.)]
- Ajimer K., Simon-Vanderbergen, A.M. (2006). *Pragmatic markers in contrast*. Amsterdam. Elsevier.
- Bonola A. (2017). Il corpus parallelo italiano-russo-italiano come strumento per l'indagine contrastiva delle marche discorsive e testuali: il caso di *comunque* e i suoi traduttivi russi. In O. In'kova, D. Mancheva (eds.) (2017). *Sopostavitel'noe yazykoznanie*. Sofiya, 99—116.
- Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W. (1994). *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press.
- Degand, L., Cornillie, B., Pietrandrea P. (eds.) (2013). *Discourse Markers and Modal Particles: Categorization and description*. Amsterdam. John Benjamins.
- Diewald, G. (2011). Pragmaticalization (defined) as grammaticalization of discourse functions. *Linguistics* 49—2, 365—390.
- Fisher K. (ed.) (2006). *Approaches to discourse particles. Studies in pragmatics*. Vol. 1. Elsevier.
- Levin B., Rappaport H.M. (1998). Building verb meaning. In M. Butt, W. Geuder (eds). *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*. CSLI Publications, 1998. P. 97—134.

- Traugott, E.C. (2007). Discourse markers, modal particles, and contrastive analysis, synchronic and diachronic. *Catalan Journal of linguistics*, 6, 139—157.
- Traugott, E.C., Dasher, R.B. (2002). *Regularities in semantic change*. Cambridge Univ. Press, 2002.
- Weiss, D. (2018). Imperatives as a source for the emergence of new particles in Russian. *Pragmatization. Language Change between Text and Grammar*. LMU, Munich 19—20 January 2018.
- Wierzbicka, A. (1972). Semantic primitives. *Linguistische Forschungen*. Bd. 22. Frankfurt am Main, 1972.
- Wierzbicka, A. (1987). *English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary*. Sydney: Acad. Press, 1987.
- Wierzbicka, A. (1991). *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991.
- Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1992.

Словари:

- АС — Активный словарь русского языка, т. 2. Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2014.
- МАС — Словарь русского языка. В 4-х тт. / Ред. А.П. Евгеньева. М.: Рус. яз., 1981.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23 апреля 2018
Дата принятия к печати: 12 мая 2018

Article history:

Received: 23 April 2018
Revised: 10 May 2018
Accepted: 12 May 2018

Для цитирования:

Зализняк Анна А., Падучева Е.В. Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов: пожалуй, никак, все-таки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 3. С. 628—652. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-628-652.

For citation:

Zalizniak, Anna and Paducheva, Elena (2018). Towards a Semantic Analysis of Russian Discourse Markers: *pozhaluj, nikak, vsjo-taki*. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 628—652. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-628-652.

Сведения об авторах:

АННА АНДРЕЕВНА ЗАЛИЗНЯК — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук. В 90-е годы преподавала русскую лингвистику в университетах Парижа, Экс-ан-Прованса, Флоренции, Мюнхена. Область научных интересов: общая и русская семантика, семантическая типология, аспектология, словообразование, языковая концептуализация, прагматика, межкультурная коммуникация. Основные результаты исследований изложены в более чем 200 публикациях, в том числе 8 монографиях: «Исследования по семантике предикатов внутреннего состоя-

ний» (1992); «Введение в русскую аспектологию» (в соавторстве с А.Д. Шмелевым, 2000); «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (в соавторстве с И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелевым; 2005); «Многозначность в языке и способы ее представления» (2006), «Русская семантика в типологической перспективе» (2013) и др. Автор концепции семантической типологии как типологии семантических переходов, на основе которой создана «База данных семантических переходов в языках мира» (<http://semshifts.iling-ran.ru/>).

Контактная информация: anna.zalizniak@gmail.com

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА ПАДУЧЕВА — доктор филологических наук, профессор, иностранный член Американской академии наук и искусств, член Европейской академии. Главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук; автор многочисленных публикаций. Книга «О семантике синтаксиса» (1974) посвящена проблеме описания вклада синтаксической структуры в смысл предложения; «Высказывание и его соотношенность с действительностью» (1985) — о теории референции и прагматических аспектах языка. Монография «Семантические исследования» (1996) развивает подход к семантике нарратива, продолжающий традиции московско-тартуской семиотической школы и пионерские идеи Якобсона и Бенвениста о речевом и нарративном режиме интерпретации дискурса. В книге «Динамические модели в семантике лексики» (2004) отражен опыт работы автора с базами данных по семантике русского глагола. «Русское отрицательное предложение» (2013) соединяет лингвистические и логические традиции изучения отрицания. В 2018 г. выходит книга «Эгоцентрические единицы языка».

Контактная информация: elena.paducheva@yandex.ru

Bionotes:

ANNA ZALIZNIAK is a Doctor of Philology, a Chief Researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, a Leading Researcher at the Federal Research Centre of Computer Science and Control of the Russian Academy of Sciences. She has taught Russian linguistics at the universities of Paris, Aix-en-Provence, Florence and Munich. The sphere of her scientific interests includes general and Russian semantics, semantic typology, aspectology, word formation, conceptualization, pragmatics, intercultural communication. The main results of her research are reflected in more than 200 publications, including 8 books: “Explorations of the semantics of inner states” (1992), “Introduction into Russian aspectology” (co-authored with A.D. Shmelev, 2005), “Key ideas of the Russian linguistic picture of the world” (co-authored with I.B. Levontina and A.D. Shmelev, 2005), “Polysemy and means of its representation (2006), “Russian semantics in a typological perspective” (2013) and others. She is the author of the conception of semantic typology as the typology of semantic shifts; this conception gave rise to “Database of semantic shifts in languages of the world” (<http://semshifts.iling-ran.ru/>).

Contact information: anna.zalizniak@gmail.com

ELENA V. PADUCHEVA is a Doctor of Philology, Professor, a Foreign Member of the American Academy of Arts and Sciences; a member of the Academia Europaea; a Chief Researcher at the Federal Research Centre of Computer Science and Control of the Russian Academy of Sciences, the author of a series of publications. The book “On the semantics of syntax” (1974) concerns the problem of contribution of the syntactic structure to the semantics of a sentence. The book “Utterance and its reference to reality” (1985) deals with the theory of reference and pragmatic aspects of language. The book “Semantic explorations” (1996) develops the approach to semantics of narrative within the traditions of Moscow-Tartu semiotic school and pioneer ideas of R. Jakobson and E. Benvenist on the narrative register of interpretation of discourse. The book “Dynamic models in the semantics of lexicon” (2004) reflects the experience of the work of the author with databases on the semantics

of the Russian verb. “Russian negative sentence” (2013) combines logical and linguistic traditions of research on negation. She is currently writing a book on egocentric entities in language, that is entities the semantics of which includes the speaker and the observer.

Contact information: elena.paducheva@yandex.ru

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Статья написана при поддержке РФФИ, грант № 16-06-00339.

ACKNOWLEDGMENTS

This paper was supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) № 16-06-00339.

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-653-674

Russian Constructions with Syntactic Reduplication of Colour Terms: A Corpus Study

Valentina Apresjan

National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka st., Moscow, 119019, Russia

Abstract

Russian reduplicated constructions with colour terms have never previously been an object of a comprehensive corpus study. Nevertheless, they present considerable interest for a researcher because comparative ability of colour terms to be reduplicated reflects their semantic and pragmatic differences, whereas semantics and pragmatics of reduplication construction are revealed in the properties of colour terms that can fill its slots. Thus, the goal of the paper is to study semantic and pragmatic properties of Russian colour terms and Russian syntactic reduplication construction by analyzing their co-occurrence. We apply corpus methods to the data from the Russian National Corpus, RuTenTen Corpus on Sketch Engine and RuSkell corpus. We analyze absolute corpus frequencies and collocation patterns of Russian non-reduplicated colour terms, as well as their relative frequencies and collocation patterns in the construction of syntactic reduplication with a hyphen (*belyj-belyj* ‘white-white, very white, spotlessly white’). Drawing on this data, we establish that absolute frequencies of non-reduplicated colour terms in Russian reflect both Anna Wierzbicka’s “universals of visual semantics”, as well as certain language and culture-specific tendencies, as evidenced by the prominence of *goluboj* ‘light blue’ and *ryzhij* ‘carroty-red’ in Russian. We also argue that the Russian reduplication construction with a hyphen (*belyj-belyj* ‘white-white’) is semantically and prosodically different from the construction of repetition with a comma (*belyj, belyj* ‘white, white’). The former has the meaning of high degree, and thus attracts only gradable colour terms, such as *belyj* ‘white’, *chernyj* ‘black’, *sinij* ‘medium to dark blue’, and other basic colour terms. There are additional factors that influence colour term reduplication. Collocation patterns suggest that colour terms that co-occur with the names of culturally and cognitively salient objects, such as denotations of human appearance (face, hands, skin, eyes, hair) or landscape features (sea, sky, fire, grass) are more likely to be reduplicated. Moreover, aesthetic or emotional evaluation of such objects (‘blue-blue eyes’, ‘green-green grass’) is also a factor that is conducive to their occurrence in the construction of reduplication. Our findings establish the importance of corpus methods in the study of colour terms and reduplication, demonstrate that the use and interpretation of lexical and syntactic items hinges both on semantic and pragmatic factors, and add to the understanding of semantics and pragmatics of Russian colour terms and reduplication construction.

Keywords: *reduplication, construction, collocation, colour term, gradable*

Русские конструкции с синтаксической редупликацией цветообозначений: корпусное исследование

В.Ю. Апресян

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Мясницкая, 20, Москва, 101000, РФ

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Волхонка, 18/2, Москва, 119019, РФ

Аннотация

Русские конструкции с редупликацией цветообозначений никогда ранее не становились объектом отдельного корпусного исследования. При этом они представляют явный интерес для исследователя, поскольку данные об их взаимной встречаемости могут пролить свет на семантику и прагматику как самих цветообозначений, так и конструкции с редупликацией. Цель данной работы — описание семантических и прагматических свойств русских обозначений базовых цветов, а также русской конструкции с полной синтаксической редупликацией на основе корпусного анализа их взаимной встречаемости. В работе используются данные разных подкорпусов Национального корпуса русского языка, корпуса RuTenTen на ресурсе Sketch Engine и корпуса RuSkell. На основе анализа абсолютных частотностей употребления нередуплицированных цветообозначений, а также их коллокационных свойств устанавливается иерархия базовых для русского языка цветов, которая отражает как межязыковые «универсалии визуальной семантики» Анны Вежбицкой, так и лингвоспецифичные тенденции (например, базовость *голубого* и *рыжего*). На основе анализа редуплицированных цветообозначений формулируется значение русской конструкции с редупликацией прилагательных. Ее основное значение — это значение высокой степени, поэтому она «привлекает» наиболее градуируемые из цветообозначений, а именно «базовые цвета» — *белый*, *черный*, *синий* и пр. Использование цветообозначений в конструкции редупликации дополнительно регулируется прагматически: анализ сочетаемости показывает, что к редупликации тяготеют те цветообозначения, которые используются для характеристики внешности человека или воспринимаемых человеком природных объектов с эстетической точки зрения или точки зрения нормы. Исследование демонстрирует важность корпусных методов в исследовании редупликации цветообозначений, показывает, что узус и интерпретация лексических и грамматических языковых единиц зависят как от семантических, так и от прагматических факторов, расширяет представление о семантике и прагматике русских цветообозначений, а также русской конструкции с синтаксической редупликацией.

Ключевые слова: редупликация, конструкция, коллокация, цветообозначение, градуируемый

1. INTRODUCTION

Both reduplication and colour terms separately have received a lot of attention in linguistics. Anna Wierzbicka authored a number of seminal papers on colour terms in different languages including Russian, as well as on reduplication (Wierzbicka 1990, 1991, 2003, 2005, 2008). Moreover, Russian constructions with reduplication have been receiving growing coverage in recent decades (Paillard, Plungian 1993, Bulygina, Shmelev 1997, Israeli 1997, Krjuchkova 2004, Iomdin 2003, 2010, 2013, Gilyarova 2010, Rakhilina, Plungian 2010, Vilinbakhova 2016, Feldstein 2016). Russian colour terms have also been thoroughly studied, from different perspectives: (Davies, Corbett 1994) from experimental and statistical perspectives, (Paramei 2005) from a cultural

perspective, (Paramei 2007) from a language acquisition perspective, (Winawer, Witthoft, Frank, Wu, Wade, Boroditsky 2007) from a psycholinguistic perspective.

However, so far there has been, to our knowledge, no attempt to juxtapose these two topics. Yet the issue appears to be of paramount interest: the ability of colour terms to be reduplicated reflects their semantic and pragmatic differences, whereas the semantics and pragmatics of the syntactic reduplication construction are revealed in the properties of colour terms that can fill its slots. Thus, the main focus of the paper is syntactic reduplication of Russian colour terms. The paper aims, in particular, at the following:

- 1) to formulate the meaning of the Russian construction with syntactic reduplication;
- 2) to consider its semantic shifts in different instantiations;
- 3) to show how different colour terms interact with reduplication construction and why certain colour terms are “attracted” to it, while others are “repelled” (Stefanowitch, Gries 2003);
- 4) to analyze different possible interpretations of reduplication construction depending on the colour term that fills its slots.

As it turns out, the arguments derived from our study support the previous findings in the field. First of all, they support Anna Wierzbicka’s idea that colour concepts are anchored in “universals of human experience”, such as the sun, the sky, the ground, day and night, vegetation, and fire (Wierzbicka 1990). They also provide certain linguistic endorsement to the existence of a hierarchy of colours introduced in (Berlin, Kay 1969), although at the same time pose strong challenges for it, along the lines of Wierzbicka’s criticism of Berlin and Kay’s “Anglocentric” approach to colour lexicon. Finally, they concur with the results of the above-mentioned cultural and experimental studies, because they also substantiate the claim for the “basicness” of the Russian *goluboj* ‘light-blue’ colour term. In addition, our findings suggest that the Russian colour term *ryzhij* ‘carroty-red’ also has certain properties specific to basic colour terms.

Our understanding of “basicness” of a colour term is different from what is suggested in [Berlin and Kay 1969]. The “basicness” of any concept for a specific language, including colour terms, is evaluated based partly on its frequency (and hence salience) in a given language, and partly on the degree of its integration into the lexical and grammatical system of that language. The latter is measured by the ability of a word to function as a “system-forming meaning”, or “a meaning which constitutes part of many linguistic items of different nature” (Apresjan 2006:52). In the language of NSM, the notion of system-forming meaning fairly closely corresponds to the notion of “semantic molecule” — a well-defined set of non-primitive lexical meanings in a given language that function as intermediate-level units in the structure of complex meanings in that language (Wierzbicka 2013). There are reasons to believe that basic colour terms belong to the set of system-forming meanings, as they are integrated into the meanings of many natural objects, such as animals, plants, minerals, etc. Apart from its entrenchment in the semantic domain, we assume that the degree of a word’s integration into the system of a language is also reflected in its ability to occur in different lexical and grammatical contexts, including constructions.

Syntactic reduplication here is understood as in A. Wierzbicka's 1991 work on Italian reduplication where it is considered as semantically and pragmatically distinct from repetition; cf. *adagio adagio* (syntactic reduplication) vs. *adagio, adagio* (repetition) (Wierzbicka 1991:256). A later work by A. Israeli, which contains an excellent overview of research on Russian reduplication and repetition, supports this distinction, yet on prosodic grounds: "Syntactic reduplication is defined here as a repetition of a word (or a modified word) within the same prosodic unit, regardless of whether the two words are separated in print by a space, a hyphen, or a comma" (Israeli 1997:588). However, there is a distinct difference in properties between the constructions marked by a hyphen and by a comma: the former displays characteristics typical of syntactic reduplication (including prosodic unity), and the latter behaves, prosodically and semantically, as repetition (see commentary below). Therefore, we consider construction with hyphen as syntactic reduplication, and construction with comma as repetition.

Reduplication of colour terms is considered against the larger background of other Russian constructions with reduplication. A brief examination of possible instantiations of syntactic reduplication construction reveals that its core meaning is 'high degree' and that in different contexts it may display different semantic effects. Interpretation depends on the speech part of the lexeme filling the construction slots, as well as on its semantics.

With nouns, full "hyphen" reduplication is (a) occasionally used to express the meaning of large quantity: *Sornjaki-sornjaki povsjudu* 'Weeds-weeds are everywhere'; (b) used as vocative aimed at soliciting particular attention: *Devochka-devochka, kak tebjja zovut* 'Girl-girl, what is your name?'; (c) used to refer to the most prototypical members of a class: *Ona takaja devochka-devochka* 'She is such as girl-girl; She is such as typical girl'. The latter interpretation, as well as certain other semantic effects of syntactic repetition in Russian nouns have been thoroughly described in (Gilyarova 2010).

With verbs, it marks (a) long duration: *Shel-shel i prishel* 'Walked-walked and came', *Dumal-dumal, no nichego ne pridumal* 'Was thinking-was thinking but thought of nothing' (Plungian, Rakhilina 2010); (b) strong stimulation in imperative: *Rabotaj-rabotaj* 'Work-work'.

With particles, it (a) emphasizes the meaning of the particle: *Da-da* 'yes-yes', *net-net* 'no-no', *konechno-konechno* 'certainly-certainly'; (b) in some cases, reduplicated particles are lexicalized as new meanings, consider the reduplication of *tol'ko* 'only': *My tol'ko-tol'ko uspeli na poezd* 'We barely (lit. only-only) made it to the train'.

With adverbs, interpretation of reduplication depends on the semantic class of the adverb. Gradable adverbs behave as adjectives and produce a high degree interpretation (*tixo-tixo* 'quietly-quietly' = 'very quietly'). Certain other adverbs that allow reduplication display effects of lexicalization; e.g. *ele* 'barely' vs. *ele-ele* 'barely-barely'. Single *ele* has two well-represented meanings: 'with great difficulty' (*On ele podnjjal tjazhelyj rjukzak* 'He barely lifted a heavy backpack') and 'almost not' (*ele zametnyj* 'barely visible'). Reduplicated *ele-ele* demonstrates overwhelming preference of the first meaning: based on the frequency data from the Russian National Corpus, collocation *ele-ele zametnyj* 'barely-barely visible' forms only 0.4 per cent of its total usages, whereas the relative frequency of the collocate *ele zametnyj* 'barely visible' to the total usages of *ele* is 7 per cent.

However, the main instantiation of syntactic reduplication marked by a hyphen are gradable adjectives. The major semantic classes of gradable adjectives that favor reduplication are parameters (size, duration, etc.) and physical properties (temperature, texture, colour, etc.): *bolshoj-bolshoj* ‘big-big’, *dolgij-dolgij* ‘long-long’, *xolodnyj-xolodnyj* ‘cold-cold’, *mjagkij-mjagkij* ‘soft-soft’, *chernyj-chernyj* ‘black-black’.

The latter semantic class is the major focus of the paper. The paper is structured in the following way: a brief outline of the methodology and data; the main part with results and discussion, which covers the use of non-reduplicated and reduplicated colour terms in Russian, a brief comparison of the Russian data with English, and a quick case study of register limitations of colour reduplication construction in Russian. The last section offers conclusions.

2. METHODOLOGY AND DATA

The study is based on the data from different subcorpora of the Russian National Corpus, RuTenTen corpus on Sketch Engine (Kilgariff, et al. 2014), and RuSkell learner corpus (Apresjan, et al. 2016). The main corpus of the Russian National Corpus reflects the literary Russian language of the 19—21 centuries and comprises over 280 million tokens. The children’s subcorpus is over 5.8 million tokens and comprises literature intended for children. Poetic corpus of the Russian National Corpus reflects the language of poetry in 19—21 centuries, and contains over 10 million tokens. Finally, the parallel English-Russian corpus of the Russian National Corpus contains original and translated English, American and Russian literature of the 19—21 centuries and contains over 76 million tokens. RuTenTen Corpus on Sketch Engine is made up of texts collected from the Internet and contains over 18 billion tokens. It provides detailed word sketches (collocation patterns) for verbs, nouns, adjectives, and adverbs. RuSkELL is its learner subcorpus which provides brief and simplified word sketches and contains 1 billion tokens.

The study is based on the following assumptions:

- (1) frequency of a certain word in the corpus of a particular language is indicative of the semantic “basicness” of this word in the lexicon of that language, as well as of the salience of a concept denoted by this word in the corresponding culture;
- (2) frequency of a certain word in a certain construction is indicative of the general frequency of this word and construction in the corpus, as well as of semantic compatibility between the meaning of the word and the meaning of the construction.

Therefore, the study comprised two experimental stages, the frequency analysis of unreduplicated colour terms and the frequency analysis of reduplicated colour terms. We also considered collocation patterns for both unreduplicated and reduplicated colour terms. We considered only those colour terms that allow reduplication. Therefore, we excluded from our consideration such terms as *fioletovyj* ‘purple’, *oranzhevyj* ‘orange’, *rozovyyj* ‘pink’, *serebrjanyj* ‘silvery’ and many other non-basic, borrowed, or derivative colour terms that either do not allow reduplication at all or else present only occasional reduplicated usages. Below are the statistical data of both usage types, along with explanations and analysis.

3. RESULTS AND DISCUSSION

3.1. Non-reduplicated colour terms: statistics and analysis

As of June 2, 2018, the absolute frequency of the colour terms in the Russian National Corpus was as follows:

belyj ‘white’ (111109 hits),
chernyj ‘black’ (106635 hits),
krasnyj ‘red’ (86762 hits),
seryj ‘gray’ (38297 hits),
zelenyj ‘green’ (37891 hits),
sinij ‘medium-to-dark-blue’ (29371 hits),
zheltyj ‘yellow’ (26833 hits),
goluboj ‘light-blue’ (23412 hits),
ryzhij ‘red, coppery, carrot’ (14326 hits),
korichnevyj ‘brown’ (6960 hits).

This data conforms with the earlier data from the New Frequency Dictionary of the Russian Lexicon by Olga Lyashevskaja and Sergey Sharov 2009 (online version on dict.ruslang.ru/freq.php); the first number shows the position of the word in the frequency hierarchy, and the second its relative frequency in items per million, or ipm. As one can easily observe, the “top” colour terms are also close to the top in the overall frequency of Russian adjectives:

21 ‘white’ 339.6
23 ‘black’ 337.5
39 ‘red’ 240.5
121 ‘green’ 124.4
170 ‘gray’ 96.1
213 ‘medium-to-dark-blue’ 82.8
219 ‘yellow’ 78.1
233 ‘light-blue’ 71.5
383 ‘carrot-red’ 43.2
632 ‘brown’ 25.5

Both sets of data reflect total usages of colour terms, in the entirety of their polysemies, i.e., such metaphorical usages as “black market”, “white magic”, “gray person” (untalented, uninteresting), etc., and not only their “colour” meanings, because developed polysemies are also indicative of the “basicness” of concepts.

As one can observe, absolute frequency of colour terms in RNC in some ways parallels the hierarchy suggested in Berlin and Kay “Basic Colour Terms: their Universality and Evolution” (1969): dark and light (Stage I), red (Stage II), green *or* yellow (III), green *and* yellow (IV), blue (V), brown (VI), purple, pink, orange, gray (VII). Russian ‘white’, ‘black’, ‘red’ and ‘green’ form the top in terms of frequency. However, there are also certain deviations from Berlin-Kay hierarchy. First of all, each of the terms for ‘blue’ is lower on the hierarchy of frequency than ‘gray’, and ‘yellow’ is lower than ‘medium-to-dark-blue’ (however, together ‘medium-to-dark-blue’ and ‘light blue’ rank

over ‘gray’). ‘Carrot red’ (a shade of orange) is higher than ‘brown’. In other words, ‘gray’ and ‘carrot red’ are unexpectedly high, and ‘yellow’ is unexpectedly low. The discrepancy between Berlin-Kay hierarchy and the frequency data in Russian may point to the fact that relative importance of colour terms is language and culture-specific rather than universal.

Our assumption is that the hierarchy of absolute frequencies of colour terms reflects certain cultural and cognitive trends. To study these trends, we turn to the analysis of collocations with colour terms, based on the data from RNC, as well as on collocation sketches from the Sketch Engine and RuSkell (ruskell.sketchengine.co.uk).

Below is the list of frequent collocations with colour terms, which account for most of their occurrences in the corpus:

belyj ‘white’: ‘dress’, ‘coat’, ‘house’; ‘wine’, ‘sea’, ‘bear’, ‘sand’
chernyj ‘black’: ‘sea’, ‘bread’, ‘hair’, ‘eyes’, ‘dress’, ‘hair’, ‘tea’, ‘metal’, ‘pepper’
krasnyj ‘red’: ‘army’, ‘square’, ‘wine’, ‘banner’, ‘sea’, ‘pepper’, ‘brick’, ‘cross’
zelenyj ‘green’: ‘tea’, ‘onions’, ‘eyes’, ‘grass’, ‘leaves’, ‘peas’, ‘salad’, ‘pepper’, ‘leaf’
sinij ‘medium-to-dark-blue’: ‘sky’, ‘eyes’, ‘beard’, ‘bird’, ‘flame’, ‘sea’, ‘jeans’
seryj ‘gray’: ‘building’, ‘granite’, ‘eyes’, ‘mouse’, ‘wolf’, ‘goose’, ‘matter’, ‘sky’
zheltyj ‘yellow’: ‘press’, ‘card’, ‘fever’, ‘gold’, ‘flower’, ‘gold’, ‘sand’
goluboj ‘light-blue’: ‘sky’, ‘eyes’, ‘screen’, ‘blood’, ‘fire’, ‘clay’, ‘dream’
ryzhij ‘red, coppery, carrot’: ‘fox’, ‘hair’, ‘cat’, ‘cockroach’, ‘cow’
korichnevij ‘brown’: ‘sugar’, ‘rice’, ‘crust’, ‘jacket’, ‘mascara’

The analysis of these sketches suggests that the factors influencing corpus frequencies of colour terms are as follows:

- (1) ability of colour terms to characterize parts of human body and landscape: *golubye glaza* ‘light-blue eyes’, *sinie glaza* ‘bright-blue eyes’, *serye glaza* ‘gray eyes’, *belye zuby* ‘white teeth’; *ryzhie volosy* ‘coppery-red hair’, *zelenaja trava* ‘green grass’, *goluboe nebo* ‘light-blue sky’, etc.;
- (2) cultural salience of objects of certain colours in a given language, such as the Russian *belyj khalat* ‘white coat’ (frequent expression used for metonymic reference to doctors, who typically wear white coats in Russia), *seryj dom* ‘gray building’ (a frequent artifact of Soviet architecture of the 60s—70s), *ryzhaja lisa* ‘carrot-red fox’ (a popular antihero in Russian animal folk tales), etc.;
- (3) ability of colour terms to be used for classifying purposes, in idiomatic or terminological expressions: *beloje vino* ‘white wine’, *belyj medved* ‘white bear (Polar bear)’, *bereza belaja* ‘white birch’, *chernyj khleb* ‘rye bread, literally: black bread’, *Krasnaja armija* ‘the Red Army’, *krasnyj flag* ‘red flag’, etc.

Thus, the objects that can be characterized by colour terms comprise, partly, certain “universals of human experience” in Anna Wierzbicka’s terms, for example, the landscape surrounding human beings — the sky, the sun, the grass, the fire, etc. This explains the relative frequency of different hues of ‘blue’, of ‘red’, ‘green’, ‘black’, and ‘white’.

Partly these objects are characteristics of human appearance. Our assumption is that colour terms that are used to characterize human appearance will gain cultural prominence in corresponding languages. That is the explanation of the frequency of the

‘blue’ and ‘gray’ specter in Russian, which appears to contradict Berlin-Kay hierarchy; apart from being the primary colours that describe the sky, *sinij* ‘medium-to-dark-blue’, *goluboj* ‘light-blue’ and *seryj* ‘gray’ are also prominent eye colour characteristics. The same factor explains the relative prominence of *ryzhij* ‘red, coppery, carrot’ colour in Russian. Unlike the borrowed term *oranzhevyj* ‘orange’, *ryzhij* is fairly frequent in the corpus (14326 hits for *ryzhij* in RNC vs. 3944 hits for *oranzhevyj*). This is likely due to the fact that *ryzhij* ‘red, coppery, carrot’ is mostly used to describe hair colour in humans and animals, especially in foxes (important antiheroes of Russian folktales).

Interestingly, *korichnevyj* ‘brown’ that is also a widespread colour of eyes and hair, does not gain cultural prominence, which is probably due to the fact that it is not used in Russian in reference to eye or hair colour. There are special terms that denote ‘brown’ in these contexts: *karij* ‘brown (in reference to eyes)’, *kashtanovyj* ‘chestnut; brown (in reference to hair)’, *gnedoj*, *kauryj* ‘chestnut (in reference to equine coat colour)’. *Zheltyj* ‘yellow’ is fairly infrequent, too, because it is not used in Russian in reference to blonde hair: *zheltye volosy* ‘yellow hair’ could only refer to artificially dyed hair, unlike the English *yellow hair* that can describe a naturally blonde shade.

Finally, these objects constitute different varieties of artifacts, animals, plants and all other kinds of objects, including historical and cultural objects, that form day-to-day-realities, social environment and cultural background of language speakers: *belaja bumaga* ‘white paper’, *belaja rubashka* ‘white shirt’, *krasnyj kirpich* ‘red brick’, *zheltyj pesok* ‘yellow sand’, *zheltaja pressa* ‘yellow press’, *Krasnyj krest* ‘Red cross’. Possibly due to the peculiarities of Soviet architecture, ‘gray’ has become a very prominent colour. It is also a standard metaphorical term for mediocrity. Very frequently the combinations of colour terms and nouns become idiomatic and turn into fixed expressions or terminology: *Krasnaja armija* ‘Red army’, *krasnoje vino* ‘red wine’, *belyj flag* ‘white flag’, and others.

Therefore, the most frequent colour terms are the ones that typically characterize landscape, human appearance, and culturally salient objects — and thus form the largest number of collocations and fixed expressions. For Russian, *goluboj* ‘light blue’ and *ryzhij* ‘carrot red’ at least partly answer these criteria, which explains their relatively high frequencies. This finding supports (Paramei 2005), where *goluboj* ‘light blue’ is interpreted as the twelfth basic colour, on the grounds of its symbolic and cultural value for Russian. In (Davies, Corbett 1994) *goluboj* ‘light blue’ is also established as the twelfth basic colour on experimental and statistical grounds.

Thus, corpus data suggest that linguistic hierarchies of colour basicness can vary across languages, as culturally salient objects do.

3.2. Reduplicated colour terms: statistics and analysis

To avoid bias, we measured not absolute, but relative frequencies of colour terms reduplication, namely, the ratio of reduplicated usages to non-reduplicated. Below are the percentages of reduplicated usages among the total usages for all basic colour terms:

0.8% *sinij-sinij* ‘medium-to dark-blue-medium-to-dark blue’

0.34% of *belyj-belyj* ‘white-white’

0.24% of *chernyj-chnyj* ‘black-black’

0.2% of *ryzhij-ryzhij* ‘carroty-carroty’

0.17% of *goluboj-goluboj* ‘light blue-light blue’

0.11% of *seryj-seryj* ‘gray-gray’

0.1% *krasnyj-krasnyj* ‘red-red’, *zelenyj-zelenyj* ‘green-green’, *zheltyj-zheltyj* ‘yellow-yellow’

Korichnevyj-korichnevyj ‘brown-brown’ does not occur in the corpus. One can immediately observe that the hierarchy of reduplication is not the same as the hierarchy of “basicness” for Russian colour terms. Thus, *sinij-sinij* ‘medium-to dark blue-medium-to-dark blue’ occupies the top position, *belyj-belyj* ‘white-white’, *chernyj-chernyj* ‘black-black’, *ryzhij-ryzhij* and *goluboj-goluboj* ‘light blue-light blue’ are in the middle, whereas *seryj-seryj* ‘gray-gray’, *krasnyj-krasnyj* ‘red-red’, *zelenyj-zelenyj* ‘green-green’ and *zheltyj-zheltyj* ‘yellow-yellow’ are in the bottom part. Therefore, the “basicness” of colour cannot be considered as the only factor affecting reduplication, and one must turn elsewhere to explain these data.

First of all, let us consider the semantics of Russian reduplication construction with a hyphen. Unlike Italian reduplication (Wierzbicka 1991), in Russian adjectives reduplication produces the interpretation of high degree. According to the bigrams in the Russian National Corpus, only qualitative adjectives are reduplicated (*dlinnyj-dlinnyj* ‘long-long’, *teplyj-teplyj* ‘warm-warm’, etc.); relative adjectives are not; cf. the non-felicity of **derevjannyj-derevjannyj dom* ‘wooden-wooden house’). They cannot even be repeated because repetition contains an indication of high degree, too (**derevjannyj, derevjannyj dom* ‘wooden, wooden house’), unless repetition construction is used to express confirmation: — *Dom derevjannyj?* — *Derevjannyj, derevjannyj* ‘— Is the house wooden? — Wooden, wooden’.

If a relative adjective is reduplicated or repeated, it can only be in a metaphorical, qualitative meaning. Consider the following examples with *zolotoj* ‘golden’ where the ‘golden colour’ interpretation is used with reduplication, and the ‘good person’ interpretation is used with repetition: *Zolotye-zolotye, kak plamja svechi, mnogochislennye kupola* ‘Golden-golden, as candle flame, numerous domes’ (S. M. Golicyn); *My s nim teper' krepko sdružilis', potomu čto on byl zolotoj, zolotoj čelovek* ‘We now made very good friends with him because he was a golden, golden person’ (V. Dragunskij).

Thus, in order to be able to appear in construction with reduplication, a colour term has to be gradable, because the meaning of the construction is high degree. Therefore, one factor that affects the ability of colour terms to be reduplicated is their gradability. Indeed, all colour terms that can occur with reduplication, can be defined by an intensifier *ochen'* ‘very’ and have comparative forms, which means they are gradable: *ochen' chernyje brovi* ‘very black eyebrows’, *ochen' belye ruki* ‘very white hands’, *ochen' krasnye guby* ‘very red lips’, *ochen' golubye/sinie glaza* ‘very light blue/medium to dark blue eyes’, *ochen' zelenaja trava* ‘very green eyes’, *ochen' zheltyj pesok* ‘very yellow sand’, *ochen' ryzhie volosy* ‘very carroty red hair’, *ochen' seryj den'* ‘very gray day’. Colour terms that cannot occur with reduplication, cannot co-occur with ‘very’ and have no comparatives: **ochen' korichnevyj* ‘very brown’, **korichnevee* ‘brownner’.

However, what is high degree with respect to colours? It seems that depending on the colour, it can mean different things. In some ways, high degree means closeness to the prototype, but for chromatic and achromatic colours prototypes are understood differently.

For achromatic colours that represent the poles (*belyj* ‘white’ and *chernyj* ‘black’), gradability means the degree of closeness to the pole, and high degree is primarily interpreted as spotlessness and homogeneity, absence of dark touches for white, and of light touches for black: *dlinnjushhie volnistye volosy... belye-belye!* ‘longest wavy hair... white-white’ (D. Rubina); *Ten' ot pletnja chjornaja-chjornaja* ‘The shadow of the wicker fence is black-black’. For *seryj* ‘gray’, gradability is measured along the scale from lighter to darker grays, and high degree is interpreted as being neither lighter nor darker than the middle of the gray spectre. It also means the absence of any other hues, such as blue, green, pink, etc.: *Nebo seroe-seroe, nigde ne vidat' prosveta* ‘The sky is gray-gray, no opening in the clouds anywhere’ (A. A. Allendorf); *Ves' zal byl takoj seryj-seryj, a ona sidela v rozovoj koftochke* ‘The whole audience was gray-gray, and she alone was wearing a pink blouse’ (Julija Korlyhanova).

For chromatic colours, gradability also means closeness to the prototype, but the prototype is different — it is characterized by brightness and being in the middle of the spectrum for that colour, not by spotlessness: *krasnyj-krasnyj* ‘red-red’ refers to bright “middle” red, not to dark red, light red or dull red, and the same is true of ‘green-green’, ‘yellow-yellow’, ‘carroty red — carroty red’ and ‘light blue — light blue’: *krasnaja-krasnaja krov'* ‘red-red blood’ (N. Cyrlin), *Zelenaja-zelenaja trava, gustaja, neizmjataja* ‘Green-green grass, thick, uncrumpled’ (N. V. Kozhevnikova), *Lico u nee staroe, a volosy molodye — jarkie takie, ryzhie-ryzhie, kak u lisy* ‘She has an old face but young hair — bright, carroty red-carroty red, like a fox’ (Dina Sabitova).

Sinij-sinij ‘medium to dark blue’ seems to possess more than one prototype and can therefore refer both to bright hues (*sinie-sinie glaza* ‘blue-blue eyes’) or intensive dark hues (*sinee-sinee nochnoe nebo* ‘blue-blue night sky’).

Colour terms that are reduplicated more frequently can also occur in the constructions of partial reduplication with the prefix *pre* ‘overly’: *belyj-prebelyj* ‘white-overly-white’, *chernyj-prechernyj* ‘black-overly-black’, *sinij-presinij* ‘dark to medium blue — overly dark to medium blue’. The two polar colours, ‘white’ and ‘black’, also occur in comparative construction: *belee belogo* ‘whiter than the white’, *chernee chernogo* ‘blacker than the black’.

Colour terms that cannot be reduplicated, such as ‘brown’, ‘purple’, ‘lilac’, etc. are not gradable, and they either cannot be bright, or do not possess a clear prototype.

The presence of a prototype in basic colour terms and its absence in the non-basic is attested by another linguistic fact — the possibility of a reference comparison. All basic colours possess standard comparisons in Russian. The most basic colours, ‘white’ and ‘black’, possess the largest number of standard comparisons: *belyj kak sneg/ moloko/ bumaga/ polotno/ saxar/ kipeň,...* ‘white as snow/ milk/ paper/ sugar/ foam,...’, *chernyj kak noch' smol'/ ugol'/ sazha/ zhuk/ voronovo krylo* ‘black as night / pitch/coal/soot/beetle/raven’s wing’.

The middle of the hierarchy of basicness is also well-represented: *krasnyj kak krov'/rak/ pion* 'red as blood/crawfish/peony', *sinij kak nochnoe nebo/vasil'ki* 'dark blue as night sky/ 'medium-to-dark-blue as a cornflower', *goluboj kak nebo* 'light blue as sky', *zelenyj kak trava* 'green as grass', *zheltyj kak limon/jantar* 'yellow as lemon/amber'.

Indeed, all basic colour terms have standard reference comparisons; gray does too (*seryj kak mysh'/pepel* 'gray as a mouse/ashes') and so does the Russian original term for 'dark orange' — *ryzhij* 'red, coppery, carrot' (*ryzhij kak ogon'/solnce* 'as fire, as the sun').

Interestingly, many of the standard reference comparisons reflect the "universals of human experience" that Anna Wierzbicka postulates in connection with colour terms (Wierzbicka 2005). However, there are no standard reference comparisons for 'brown', only occasional isolated similes, such as *korichnevyj kak shokolad* 'brown as chocolate', *korichnevyj kak pechenaja kartoshka* 'brown as baked potatoes'. Nor do non-basic colour terms, such as 'pink', 'lilac' or 'violet' possess standard reference comparisons. As stated above, the absence of a prototype prevents colour terms from being reduplicated because the construction of reduplication denotes closeness to the prototype.

However, the question remains — what explains *different* frequencies of gradable reduplicated colour terms? To answer that question, one has to examine typical collocations of reduplicated colour terms with nouns. The list of typical collocates with reduplicated colour terms according to the data from the Russian National Corpus is presented below:

sinij-sinij 'medium-to-dark blue-medium-to-dark blue': 'sky', 'eyes', 'mountains', 'sea', 'hands'

belyj-belyj 'white-white': 'hands', 'face', 'skin', 'snow', 'sand', 'doves', 'shirt'

chernyj-chernyj 'black-black': 'eyes', 'shadow', 'sky'

ryzhij-ryzhij 'coppery-red - coppery-red': 'man', 'girl' (about hair)

goluboj-goluboj 'light-blue-light-blue': 'eyes', 'sky', 'water'

seryj-seryj 'gray-gray': 'sky', 'day', 'face'

krasnyj-krasnyj 'red-red': 'blood', 'cheeks', 'lips'

zelenyj-zelenyj 'green-green': 'eyes', 'grass', 'meadow'

zheltyj-zheltyj 'yellow-yellow': 'sand', 'face'

One can easily observe that not all collocations typical for non-reduplicated colour terms are possible with reduplicated. Thus, for semantic reasons reduplication is impossible in terminological collocations because the high degree reading is not available: **Krasnaja-Krasnaja armija* 'Red-Red Army', **beloje-beloje vino* 'white-white wine', **zelenyj-zelenyj čaj* 'green-green tea'. Consequently, 'black', 'white' and 'red' which form the largest number of terminological expressions and which most frequently occur in them, are pushed down from the top of the frequency hierarchy because in this, most typical usage, they cannot be reduplicated.

As can be seen from the above list of collocates, the following semantic classes of objects encourage reduplication of the colour term they co-occur with: body parts, especially face and its parts (face, eyes, skin, lips, hair, cheeks, hands, blood), clothes — shirts, dresses (usually white), and landscapes — sky, grass, water, sea, leaves. As can be inferred from the co-occurrence data of non-reduplicated colour terms, reduplication

affects only a subclass of the most frequent combinations of nouns with colour terms — namely, expressions referring to human appearance (including clothes), and human perception of the surroundings (landscapes).

What does this signify? Colour term reduplication is not only contingent on the gradability of the colour term or the cultural prominence of the objects the colours characterize, but on some other factor. What is this factor? We suggest that objects that are likely to be aesthetically or emotionally evaluated, will tend to allow reduplication in the colour term. If we look at the interpretations of reduplicated colour terms, we will find that, apart from the surprisingly high degree, they express the idea of aesthetic or emotional assessment of the highly intensive or extremely pure colour.

Indeed, the phrase *golubye-golubye glaza* ‘blue-blue eyes’ expresses not only the idea that the eyes are of a particularly bright and clear colour, but also that they are beautiful. It would be impossible to use a negative attribute with the expression *golubye-golubye glaza*; cf. the impossibility of **mutnye golubye-golubye glaza* ‘murky blue-blue eyes’, **xolodnye golubye-golubye glaza* ‘cold blue-blue eyes’, **pustye golubye-golubye glaza* ‘vacant blue-blue eyes’.

However, without reduplication all these expressions become possible; cf. examples from the Russian National Corpus:

- (1) Svetlovolosaya muchenica smotrela na menya [...] mutnymi golubymi glazami...
‘The blonde martyr looked at me with her murky blue eyes’ (A. Belyanin, 1999)
- (2) Holodnye golubye glaza pristal'no i nedoverchivo smotreli na mal'chikov
‘Cold blue eyes were looking at the boys intently and suspiciously’ (A. Rybakov, 1955—1956)
- (3) Muzhskaya polovina mestnogo naseleniya — desyatok vkonec spivshihsy muzhikov s pustymi bleklo-golubymi glazami
‘The male half of our local population are a dozen drunkards with empty faded blue eyes’ (A. Marinina, A. Gorin).

There are also ‘disgusting blue eyes’, ‘dirty blue eyes’, ‘stupid blue eyes’ in the RNC, but nothing of the kind with the reduplicated colour term.

Consider other examples where colour term reduplication expresses positive aesthetic assessment of the colouring in humans and nature:

- (4) Glaza eyo blesteli, zuby byli po-prezhnemu belye-belye, volosy [...] eshchyo chyornye-chyornye
‘Her eyes were shining, her teeth were still white-white, hair still black-black’ (A. Rybakov, 1975—1977)
- (5) U neyo byli sinie-sinie glaza, i vokrug nih byli dlinnye resnicy
‘She had blue-blue eyes with long eye-lashes’ (V. Dragunskij, 1963) (body parts)
- (6) Zelenyj-zelenyj lug, sinee-sinee nebo, a tam, v nebe, chto-to oslepitel'no zolotoe
‘Green-green meadow, blue-blue sky, and there in the sky, something blindingly bright’ (B. Zahoder, 1960—1980)
- (7) Trava zelenaya-zelenaya, sosny shumyat vershinami
‘The grass is green-green, the tops of pine trees rustle’ (D.N. Mamin-Sibiryak, 1897) (landscape)

Therefore, reduplication construction in such examples can be interpreted as follows: ‘X is of a very Y colour, and the speaker feels something very good when she sees it’. The first component reflects the semantics of Russian syntactic reduplication construction (high degree), whereas the second component has the status of a conversational implicature, and is triggered by cultural norms and expectations. Usually, in the Russian culture, blue eyes of a very clear and bright colour are considered beautiful, very green colour of the grass points to its pleasing freshness, very blue sky means a sunny day, which is, in turn, normally perceived as nice and enjoyable weather. However, since it forms an implicature, the second component is sometimes cancellable: *U starukhi byli strashnye glaza, chernye-chernye* ‘She had scary eyes, black-black’.

Thus, colour term reduplication does not always produce the interpretation of beauty and positive emotions. Sometimes, it is just the opposite — reduplication increases negative aesthetic or emotional assessment. Consider the following examples:

- (8) *Nikolaj Apollonovich, staroobraznyj i kakoj-to ves' zloj, s zhelytym-zhelytym licom, s vospalennymi dokrasna vekami*
 ‘Nikolaj Apollonovich, old and mean-looking, with a yellow-yellow face, with inflamed red eyelids’ (A. Belyj, 1913—1914)
- (9) *Melkij dozhdik seet, kak iz sita, nebo seroe-seroe, nigde ne vidat' prosveta*
 ‘It was drizzling, the sky was gray-gray, without a glimpse of the sun’ (A. Allendorf, 1910)

In such examples, reduplication construction can be interpreted as follows: ‘X is of a very Y colour, and the speaker feels something very bad when she sees it’. Again, the second component is a conversational implicature. In these examples, the intensity of colour is interpreted negatively because of the corresponding norms and expectations concerning human appearance and surrounding nature. In the Russian language worldview, yellow is considered an unhealthy facial colour, while gray sky means rain and, thus, bad weather by the usual standards of a moderate climate.

Therefore, both human appearance and landscapes can be evaluated either positively or negatively in reduplicated colour term constructions. The interpretation depends on pragmatic factors, namely, on the standards of beauty, health, and on the understanding of the norm. If a certain colour is a desired characteristic of an object, the assessment is usually positive: ‘blue-blue eyes’, ‘black-black eyebrows’, ‘white-white teeth’, ‘blue-blue sea’, ‘green-green grass’. If a certain colour is an undesired characteristic of an object, the assessment is negative.

The most typical situations where colour reduplication is interpreted negatively include negative emotions, unpleasant sensations or illnesses: ‘blue-blue hands’ (as a result of cold), ‘yellow-yellow whites of the eyes’ (as a result of jaundice), ‘white-white/ gray-gray/ blue-blue/ green-green face’ (as a result of fear, disease, or death). Reduplication also carries negative assessment when colour terms describe decay in nature (‘yellow-yellow grass’) or situations that are not conducive to desirable human activities — e.g., bad weather (‘gray-gray sky’, ‘gray-gray day’), bad visibility (‘black-black night’), scary environment (‘black-black street’, ‘black-black house’).

In certain cases, a wider context is needed to establish the correct interpretation: e.g., ‘white-white face’ can be either a manifestation of beauty or a sign of illness or fear, ‘black-black eyes’ or ‘red-red lips’ can be either alluring or scary.

From the list of basic colour terms that allow reduplication, only *goluboj-goluboj* ‘light-blue’ is always interpreted with positive assessment, and *seryj-seryj* ‘gray’ always with negative assessment. *Ryzhij-ryzhij* ‘red, coppery, carrotty’ is perhaps the most neutral characteristic.

The hierarchy of reduplication is, thus, explained by semantic and pragmatic factors: in order to be reduplicated, a colour term has to be gradable, but also has to appear in the evaluation of beauty or norm in human appearance (eyes, hair, skin in particular) or in nature (sky, sea, grass in particular), as perceived by humans. This explains the prominence of *sinij* ‘medium to dark blue’ in the hierarchy of reduplication, as in Russian, it is the most typical characteristic of beauty in the colour of the eyes and of beautiful and hospitable natural surroundings in the colour of the sea and the sky.

3.3. Reduplication data from the parallel corpora

A natural question arises, as to whether the above-mentioned tendencies concerning the use of colour terms are universal or language-specific. While this paper considers Russian data, a certain cross-linguistic perspective can be provided by a brief examination of parallel corpora. Data from the Russian-English parallel corpus reveals that semantic tendencies underlying linguistic usage are shared by these two languages (and possibly possess wider cross-linguistic universality): e.g., **absolutely brown* in English is as strange as **korichnevyj-korichnevyj* in Russian. Yet the strategies involved in expressing high degree with colour terms are language-specific: thus, reduplication, so favored in Russian, is for the most part absent in English. Instead, English uses standard constructions and adverbial intensifiers typical for that language: ‘spotlessly white snow’, ‘snow-white gazelle’, ‘deep blue sky’, ‘marvelously green little lawn’, ‘very black lashes’, or else omits explicit colour intensification altogether.

However, in a few cases Russian reduplicated colour terms are rendered by the construction of repetition with a comma in English, or else, there is repetition in English originals that is translated into Russian with the use of reduplication:

- (10) “Just give me one of those roses in the bunch you are wearing, will you?” *The lady gave him a red, red rose* (O. Henry. *The Complete Life of John Hopkins* (1908)
 ‘Daite mne tol’ko rozu iz vashego buketa, ladno? Ona dala emu krasnuyu-krasnuyu rozu’ (O. Генри. *Один час полной жизни* (Н. Дарузес, 1950—1960)) (English original)
- (11) *Voobrazhayu: tikhii-tikhii, temnyi-temnyi sad, i v tishine edva slyshatsya glukhie rydaniya...* (А.П. Чехов. *Студент* (1894))
 ‘I imagine it: the still, still, dark, dark garden, and in the stillness, faintly audible, smothered sobbing...’ (Anton Chekhov. *The Student* (Constance Garnett, 1900—1930)) (Russian original)

But such cases are extremely infrequent — not more than several occurrences in the corpus. There are also several examples of parallelism where English repetition is rendered by repetition in Russian:

- (12) *A man having a lavish epileptic fit on the ground in Russian Gulch State Park. Blue, blue Crater Lake* (Vladimir Nabokov. *Lolita* (1955))
- (13) *Chelovek, b'yushchiysya v burnom epilepticheskom pripadke na goloi zemle, v shtatnom parke Russkoi Tesniny. Sinee, sinee Kraternoe Ozero* (Владимир Набоков. *Лолита* (В. Набоков, 1967)).

However, in this case, Nabokov's "Lolita" in its English original and Russian translation, authored by Nabokov himself, can hardly be considered representative of a general cross-linguistic tendency.

The infrequency of both types of parallelism (English repetition \Leftrightarrow Russian reduplication, English repetition \Leftrightarrow Russian repetition) is easily explained. For Russian, the construction of choice to express intensification with colour adjectives is the reduplication with a hyphen (*X-X*) and not the repetition (*X, X*). The primary meaning of the Russian repetition construction is emotional emphasis (and intensification of degree is secondary), whereas the primary meaning of reduplication is intensification of degree (and the emphasis has secondary status).

This correlates with the semantics of colour adjectives, and their usage in reduplication constructions with the meaning of intensification produces natural interpretations of bright colour, intense colour, or spotless colour. Consequently, in the Main Subcorpus of the Russian National Corpus the proportion of reduplicated colour terms to repeated colour terms (after the removal of "noise", such as repetition with the meaning of confirmation) is approximately 3 : 1. In other words, combinations like *belyj-belyj* 'spotlessly white', *chernyj-chernyj* 'pitch black', *red-red* 'bright red', *zelenyj-zelenyj* 'brilliant green' are three times as frequent as *belyj*, *belyj*, *chernyj*, *chernyj*, *krasnyj*, *krasnyj*, *zelenyj*, *zelenyj*. The suggested semantic explication of this reduplication construction is as follows:

- (14) *X is Y-Y* (*Sneg belyj-belyj* 'The snow is white-white') = 'X is very Y, and the speaker did not expect it'

On the other hand, the preferred fillers of the Russian repetition construction are adjectives denoting human properties, which tend to avoid reduplication, because their repetition produces a pragmatically more acceptable effect of emotional emphasis, and not pure degree intensification.

The general proportion of repetition to reduplication with "human" adjectives is 2 : 1, and adjectives expressing attitudes are top fillers in the former. Thus, combinations like *milyj, milyj* 'dear, dear' are twice as frequent in the corpus as combinations like *milyj-milyj* 'dear-dear'. The suggested semantic explication of this repetition construction is as follows:

- (15) *X is Y, Y* (*Moj milyj, milyj drug* 'My dear, dear friend', *On strashnyj, strashnyj* 'He is scary, scary') = 'X is Y, and the speaker feels something very good or very bad about it'

In English, the construction of repetition appears close in meaning to the Russian construction of repetition, rather than being an equivalent of both reduplication and repetition constructions. This is confirmed by the frequency data: there are few isolated examples of the English repetition construction with colour terms, but quite a few examples of its use with adjectives denoting human qualities, especially those expressing attitudes, with *dear, dear* being the most frequently repeated adjective. Interestingly, repetition occurs not only in the English translations, but in English originals as well:

- (16) “*Yes, rabbit. My good, good rabbit. Now we go* (Ernest Hemingway. *For Whom The Bell Tolls* (1940))
- (17) *And when the joke had been duly digested and they came back, she was sobbing, “Dear, dear Frona.”* (Jack London. *A Daughter of the Snows* (1902))
- (18) “*Wicked, wicked Darzee!*” said Nag, *lashing up as high as he could reach* (Rudyard Kipling. *The Jungle Book: Other Stories* (1894))
- (19) *It is a mild, mild wind, and a mild looking sky* (Herman Melville. *Moby-Dick* (1851))
- (20) “*Oh! thoughtless, thoughtless Lydia!*” cried Elizabeth when she had finished it (Jane Austen. *Pride and Prejudice* (1813))

Thus, English and Russian constructions with repetition of adjectives may, at least on the basis of this preliminary data, be considered as sufficiently close equivalents. Their primary fillers are adjectives denoting human properties, especially those expressing speaker’s attitude, such as ‘good’, ‘nice’, ‘dear’, ‘wicked’, ‘happy’, etc.

Their emphatic use in the construction of repetition appears to be a mark of a certain emotional state of mind, almost of affectation. They are frequently used in forms of address, which supports the analysis of their primary meaning as denoting a strong (often positive) emotion:

- (21) *Nu chego ty stesnyaeshsya, ty milyj, milyj, milyj, ya lyublyu tebya* ‘What are you shy of, you are nice, nice, nice, I love you’ (V. Makanin, 1977).

Their comparative usage in modern texts remains a subject for further study, as current findings are based on the limited material of the Russian-English National Subcorpus of the Russian National Corpus.

Generally, the fact that repetition of such adjectives is reasonably well-represented both in English originals and English translations of Russian texts may indicate a special type of semantic shift that repetition produces when applied to ‘attitude’ adjectives as opposed to other semantic classes. It adds a special emotional and emphatic value to an expression, and for that reason it might be more acceptable in English, which generally avoids repetition with other semantic classes of adjectives.

Lexicographically, the fact that certain adjectives favor reduplication and other intensification constructions, such as is the case with certain colour terms, appears worth mentioning in a dictionary, especially in a dictionary of a productive type. For that reason, it is suggested that respective information about complete syntactic reduplication with a hyphen, such as *belyj-belyj* ‘white-white’, intensified reduplication with the prefix *pre* ‘overly’, such as *belyj-prebelyj* ‘white-overly-white’, and constructions with comparative, such as *belee belogo* ‘whiter than the white’ should appear in the dictionary entries of corresponding adjectives.

3.4. Colour term reduplication in the language of poetry

Interestingly, certain tendencies in the functioning of reduplicated colour term constructions observed in the Main Subcorpus of the Russian National Corpus, do not seem to hold for the language of poetry. Indeed, the Poetic Subcorpus displays a nearly total lack of colour reduplications with a hyphen of the *belyj-belyj* type. Out of about 150 occurrences of repeated colour terms in the Poetic Subcorpus, only two are hyphenated:

- (22) *Vjetsja v topke plamen' belyj*
Belyj-belyj, budto sneg (N. Rubtsov, 1955—1957)
 'A white flame is curling in the furnace
 White-white, as if snow'
- (23) *Utro budet sinim-sinim,*
Sinim budet nebosvod (I. Utkin, 1935)
 'The morning will be blue-blue,
 Blue will be the sky'.

The rest of the occurrences employ repetition with a comma, which denotes emotional emphasis and is usually reserved for adjectives denoting human properties. Consider some well-known lines from the poetry of the Silver Age (there are only a few isolated examples of repeated colour terms in poetry before the turn of the century):

- (24) *Za oknom krylami veet*
Belyj, belyj Duhov den (A. Akhmatova, 1930)
 'Outside the window flutters wings
 White, white Holy Spirit Monday'
- (25) *Vidish den' bezzakatnyj i zhguchij*
I lyubimyj rodimyj svoj kraj,
Sinij, sinij, pevuchij, pevuchij,
Nepodvizhno-blazhennyj, kak raj (A. Blok, 1914)
 'You see a day without sunset and fiery
 And your beloved native country,
 Blue, blue, sonorous, sonorous,
 Blissfully motionless, as paradise'
- (26) *A belyj, belyj sneg do boli oči est* (O. Mandelstam, 1922)
 'And white, white snow is painfully gnawing at the eyes'
- (27) *Chernyj chelovek,*
Chernyj, chernyj,
Chernyj chelovek
Na krovat ko mne saditsya (S. Esenin, 1923—1925)
 'Black man,
 Black, black,
 Black man
 Sits down on my bed'

How can one explain this deviation from a strong tendency found in non-poetic language for colour terms to occur in the construction of reduplication with a hyphen?

It appears that there are two factors at play. First of all, the language of poetry, by virtue of the genre itself, is more expressive and involves more emotional emphasis than the language of prose. Thus, even in situations when the primary expected interpretation is that of degree, namely, in colour reduplication constructions, in poetry we are faced with their interpretation as constructions of emotional emphasis. Clearly, all the quoted examples carry strong sentiment. Even in cases where colour intensity is in the focus, as evidenced by the use of other degree constructions (underlined in the examples below), still the construction of choice is repetition with a comma, whose primary meaning is emotional emphasis:

(28) *A sneg dymitsya kruzhevom ryzhim,*
Ryzhim, ryzhim, ryzhej vina (Z. Gippius, 1918—1938)
 ‘And the snow is smoking as red lace,
 Red, red, redder than wine’

(29) *O temnyj, temnyj, temnyj put’*
Zachem tak temen ty i dolog (S. Parnok, 1922)
 ‘Oh dark, dark, dark path
 Why are you so dark and long’

Moreover, in poetic language, even terminological colour terms can be repeated in the comma construction:

(30) *Budut, trepetny i zorki,*
Begat’ pary po rose,
I na Krasnoj, Krasnoj gorke
Obvenchayutsya, kak vse (M. Kuzmin, 1916)
 ‘There will, tremulous and sharp-sighted,
 Couples run around while the dew is still on the ground,
 And at Red, Red Mountain,
 Will get married, as everybody’.

‘Red mountain’, or *Krasnaja goroka*, is a folk name of the first Sunday after the Orthodox Easter. Obviously, in this idiomatic combination, ‘red’ is not a colour term, yet it does get repeated, because, it seems, emotional emphasis can be added to any linguistic expression. Thus, one reason for the overwhelming prevalence of repetition of colour terms over their reduplication in poetic language hinges on the very nature of poetry with its heightened expressive power and emotionality. However, there is another reason why colour reduplication is practically absent in the Corpus of poetic language. There is a certain pragmatic quality in this construction that is for the most part incompatible with poetry. Namely, it is different from repetition with a comma not only in its semantics, but also in pragmatics and register.

As reflected in its semantic explication, reduplication also carries a certain emotional load, namely, the idea of surprise at being faced with such a high degree of a certain characteristic. When we say *belyj-belyj* ‘white-white’, *strashnyj-strashnyj* ‘scary-scary’, we are not only noting a very considerable degree of whiteness or scariness, we are also expressing our surprise and trying to convey it to the hearer. This particular pragmatic message is, as it turns out, mostly limited to a particular group of speakers and addressees; namely, this quality of breathless surprise is typical of children.

Accordingly, constructions with colour reduplication are found in the Subcorpus of Children's literature considerably more frequently than in the Main Corpus. There are 94 cases of colour reduplication with a hyphen in the Children's literature subcorpus (the total number of tokens is 5.8 mln), and 810 cases of colour reduplication with a hyphen in the Main Corpus, which includes Children's literature (the total number of tokens is 283 mln).

Thus, the absolute frequency of colour reduplication with a hyphen in the Children's literature subcorpus is 16.2 i.p.m, whereas in the Main Corpus it is only 2.8 i.p.m, i.e., over five times less. The fact that the construction with reduplication is, to an extent, a feature of children's speech or speech intended for children, may account for its rarity in the Poetic Corpus. The latter does not contain any children's poetry, and there is an apparent stylistic contradiction between the lofty style of the "adult" poetry represented there and the colloquial childish ring of the reduplication construction.

4. CONCLUSIONS

To sum up, our findings yield the following conclusions.

First, reduplication construction with a hyphen and repetition construction with a comma are two distinct entities in Russian. The former is characterized by prosodic unity, denotes a surprisingly high degree of a certain characteristic and is used with gradable adjectives. In different contexts, in particular, in combination with colour terms, it develops additional implicatures. The latter is pronounced as two distinct words, denotes primarily emotional emphasis, and is possible with non-gradable adjectives.

Colour terms tend to occur in the reduplication with the meaning of high degree: *belyj-belyj* 'white-white, very white, spotlessly white'.

However, not all colour terms are equally possible with reduplication: while certain terms, such as *fioletovyj* 'purple', cannot be reduplicated, others, such as *chernyj* 'black', *goluboj* 'light blue', *belyj* 'white' are perfectly possible in this construction. Moreover, certain color terms, such as *sinij* 'medium-to-dark blue', demonstrate unexpectedly high percentages of reduplicated forms. Their level of compatibility with reduplication construction partly depends on their gradability, which, in turn, somewhat parallels Berlin-Kay hierarchy of basic colour terms. However, there are additional pragmatic factors that influence the ability of colour terms to occur in the hyphenated reduplication construction. Namely, colour terms that co-occur with the names of culturally and cognitively salient objects, such as denotations of human appearance (face, hands, skin, eyes, hair) or landscape features (sea, sky, fire, grass) are more likely to be used in constructions of reduplication. Moreover, aesthetic or emotional evaluation of such objects ('blue-blue eyes', 'green-green grass') is also a factor that is conducive to their occurrence in the construction of reduplication.

The hierarchies of basic colour terms are to an extent language-specific: e.g., in Russian, *goluboj* 'light blue' and *ryzhij* 'carrot-red' have a claim for basicness, due to their salience as characteristics of human appearance and/or natural surroundings.

Reduplication of colour terms is to an extent register-specific: namely, it is almost absent in the language of poetry. Instead, in poetic language, comma repetition of colour terms (*belyj, belyj* 'white, white') with the meaning of emotional emphasis dominates

their reduplication with the meaning of high degree (*belyj-belyj* ‘white-white’). This deviation may be explained by the stylistic limitations of reduplication with a hyphen, which tends to be a feature of children’s literature, as well as by heightened emotionality of the language of poetry as compared to other language registers.

To sum up, our findings establish the importance of corpus methods in the study of colour terms and reduplication, demonstrate that the use and interpretation of lexical and syntactic items hinges both on semantic and pragmatic factors, and add to the understanding of semantics and pragmatics of Russian colour terms and reduplication construction.

© Valentina Apresjan, 2018

REFERENCES

- Apresjan, J. (2006). The foundations of systemic lexicography. Linguistic picture of the world and systemic lexicography. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.).
- Apresjan, V., Baisa V., Buivolova O., Kultepina O., Maloletnjaja A., Iskhakov T., Suchomel V. (2016). RuSkELL: Online Language Learning Tool for Russian Language. In T. Margalitadze, G. Miladze (eds.), *Proceedings of the XVII Euralex International Congress*, 292—299.
- Berlin B., Kay, P. (1969). *Basic Colour Terms: their Universality and Evolution*. UCP Press.
- Bulygina, T.V., Shmelev, A.D. (1997). Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki) (Linguistic conceptualization of the world (from the evidence of the Russian grammar)). Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”. (In Russ.).
- Davies, I., Corbett, G. (1994). The basic colour terms of Russian. *Linguistics*, 32(1), 65—90.
- Feldstein, R.F. (2016). On Russian concessive-adverstaive constructions with pronominal reduplication of the type “*Uzh chem-chem, a etim ego ne udivish*”. In *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* (The working papers of Vinogradov Russian Language Institute), 11, 329—342. Moscow.
- Gilyarova, K.A. (2015). Takaya devochka-devochka. Semantika reduplikatsii sushchestvitel'nykh v russkoi razgovornoj rechi i yazyke internet (Such a girl-girl. Semantics of noun reduplication in colloquial Russian and the Internet language). In *Dialogue'2015, Computer Linguistics and Intellectual Technologies*, 90—96. (In Russ.).
- Iomdin, L.L. (2003). Bol'shie problemy malogo sintaksisa (Big problems of the minor syntax). In *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog”*, 216—222. (In Russ.).
- Iomdin, L. (2010). Sintaksicheskie frazemy: mezhdru leksikoi i sintaksisom (Syntactic phrasemes: between lexicon and syntax). In Apresjan Ju. (ed.), *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: vzaimodejstvie grammatiki i slovarya* (Theoretical problems of the Russian syntax: interaction of grammar and lexicon). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 141—190. (In Russ.).
- Iomdin, L.L. (2013). *Chitat' ne chital, no...: ob odnoj russkoi konstruksii s povtoryayushchimisya slovesnymi elementami* (I haven't read it but...about one Russian construction with repeated elements). In *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog”*, 12 (19), 297—310. (In Russ.).
- Israeli, A. (1997). Syntactic Reduplication in Russian: A Cooperative Principle Device in Dialogues. *Journal of Pragmatics* 27, 587—609.
- Kilgarriff, A., Baisa, V., Bušta, J., Jakubíček M., Kovář V., Michelfeit J., Rychlý P., Suchomel V. (2014). The Sketch Engine: ten years on. *Lexicography*, 1 (1), 7—36.

- Kryuchkova, O.Yu. (2004). Voprosy lingvisticheskoi traktovki leksicheskoi reduplikatsii v russkom yazyke (The issues of linguistic interpretation of lexical reduplication in the Russian language). *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2(8), 63—83. (In Russ.).
- Lyashevskaya, O. N., Sharov, S. A. (2009). Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka (na materialah Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka) [Frequency Dictionary of Modern Russian Language (on the material of the National Corpus of the Russian language)]. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
- Paillard, D., Plungian, V. A. (1993). Ob odnom tipe konstruksii s povtorom glagola v russkom yazyke (On a type of constructions with the repetition of verbs in Russian). *Russian Linguistics*, 17 (3), 263—277. (In Russ.).
- Paramei, G. (2005). Singing the Russian blues: An argument for culturally basic colour terms. *Cross-Cultural Research*, 39, 10—38.
- Paramei, G. (2007). Russian 'blues': Controversies of basicness. In R.E. MacLaury, G.V. Paramei, & D. Dedrick (eds.), *Anthropology of colour: Interdisciplinary multilevel modeling*, 75—106. Amsterdam: John Benjamins.
- Plungjan, V. A., Rakhilina, E. V. (2010). Tushat-tushat — ne potushat: grammatika odnoi glagol'noi konstruksii (Tushat-tushat — ne potushat: the Grammar of one Verbal Construction). In Rakhilina E. V. (ed.), *Lingvistika konstruksii* (Construction Linguistics), 83—94. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
- Stefanowitsch, A., Gries S. 2003. Collostructions: Investigating the interaction between words and constructions. *International Journal of Corpus Linguistics*, 8(2), 209—43.
- Vilinbakhova, E. L. (2015). Stat'ya znachit stat'ya: ob odnom klasse tautologicheskikh konstruksii v russkom yazyke (An article means an article: on one class of tautological constructions in Russian). In *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialog"*, 1(14), 2, 638—649. (In Russ.).
- Wierzbicka, A. (1990). The meaning of colour terms: Semantics, culture, and cognition. *Cognitive Linguistics*, 1(1), 99—150.
- Wierzbicka, A. (2003). *Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. 2-nd edition. Mouton de Gruyter.
- Wierzbicka, A. (2005). There Are No "Colour Universals" but There Are Universals of Visual Semantics. *Anthropological Linguistics*, 47(2) (Summer, 2005), 217—244.
- Wierzbicka, A. (2008). Why There Are No 'Colour Universals' in Language and Thought. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, Vol. 14, No. 2 (Jun., 2008), 407—425.
- Wierzbicka, A. (2013). *Imprisoned in English. The Hazards of English as a Default Language*. Oxford University Press.
- Winawer, J., Witthoft, N., Frank, N.C., Wu L., Wade A.R. and L. Boroditsky. (2007). Russian blues reveal effects of language on colour discrimination. *Proceedings of the national academy of sciences*, 104 (19), 7780—7785.

Article history:

Received: 18 April 2018

Revised: 15 May 2018

Accepted: 29 June 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 апреля 2018

Дата принятия к печати: 29 июня 2018

For citation:

Apresjan, Valentina (2018). Russian Constructions with Syntactic Reduplication of Colour Terms: A Corpus Study. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 653—674. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-653-674.

Для цитирования:

Apresjan, Valentina. Russian Constructions with Syntactic Reduplication of Colour Terms: A Corpus Study // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 3. С. 653—674. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-653-674.

Bionote:

VALENTINA APRESJAN is currently working as an Associate Professor at the National Research University “Higher School of Economics” (School of Linguistics), as well as the leading researcher at Vinogradov Russian Language Institute (Sector for Theoretical Semantics). She received her Ph.D from the University of Southern California (Emotion conceptualization in Language, 1996), and her Dr. Habilitatus degree from Vinogradov Russian Language Institute (Formation and Interaction of Complex Meanings in Language, 2015). Valentina Apresjan taught at USC (1994—1996), Alpen-Adria-Universität Klagenfurt (2000), Russian State University of Humanities (2008—2010), Dartmouth College (2010—2012, 2016—2018). Her research interests include semantics, pragmatics, semantic typology, lexicography, constructions.

Contact information: valentina.apresjan@gmail.com, vapresyan@hse.ru

Сведения об авторе:

ВАЛЕНТИНА ЮРЬЕВНА АПРЕСЯН — профессор Школы лингвистики в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», а также ведущий научный сотрудник Сектора теоретической семантики в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Она защитила кандидатскую диссертацию по лингвистике в Университете Южной Калифорнии в 1996 году по теме «Концептуализация эмоций в языке» и докторскую диссертацию по специальности «Теория языка» в 2015 году в ИРЯ РАН. Она преподавала в Университете Южной Калифорнии, США, в Университете Клагенфурта, Австрия, в Дартмутском колледже, США. Ее исследовательские интересы включают семантику, прагматику, конструкции, семантическую типологию и лексикографию.

Контактная информация: valentina.apresjan@gmail.com, vapresyan@hse.ru

FINANCE AND ACKNOWLEDGMENTS

This work was supported by the grant of the Russian National Humanities Fund for 2016—2018, № 16-04-00302 “Preparation of the third issue of the Active dictionary of Russian” (principal investigator Yu.D. Apresyan).

I would also like to thank my anonymous reviewers, as well as the editors of this volume, for their valuable comments.

БЛАГОДАРНОСТИ И ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья написана при поддержке РФФИ, грант № 16-04-00302 2016—2018 «Подготовка третьего выпуска Активного словаря русского языка» (руководитель НИР Ю.Д. Апресян).

Я также благодарю анонимных рецензентов и редакторов выпуска за ценные комментарии к этой статье.

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-675-700

Еще раз о русских словах *свобода* и *воля*

А.Д. Шмелев

Московский педагогический государственный университет
Малая Пироговская ул., 1, Москва 119991

Аннотация

В статье рассматриваются русские слова *свобода* и *воля* и их производные (*свободный*, *вольный*, *вольность* и т.д.) как в синхронном, так и в диахроническом аспекте. Делается попытка развить и уточнить анализ этих слов, предложенный в работах Анны Вежбицкой (Wierzbicka 1997: 138—148, 154—155) и в моих работах (Шмелев 2003; 2013). В статье анализируется пространственное измерение семантики рассматриваемых слов, противопоставление этих слов до революции, их семантическое развитие в советское время и их современный семантический статус. Учитывается также роль метаязыковых комментариев носителей русского языка по поводу семантики этих слов. Особое внимание уделяется роли указанных слов в романе Александра Солженицына «В круге первом» и проблеме их перевода на другие языки. Кроме того, кратко рассматривается употребление этих слов в переводах на русский язык (по данным параллельных подкорпусов НКРЯ). Исходной точкой анализа служит положение, согласно которому переводные эквиваленты лингвистической единицы, извлеченные из реальных текстов, могут использоваться как источник сведений о ее семантике. Этот подход представляется особенно эффективным, когда мы имеем дело с лингво-специфичными словами. Переводы на русский язык даже более показательны в этом отношении: когда мы имеем дело с переводом с русского языка, выбор переводного эквивалента часто зависит от метаязыковой рефлексии переводчика, тогда как появление лингвоспецифичного слова в переводном тексте чаще всего отражает «наивный» выбор слов как часть «естественной» языковой деятельности.

Ключевые слова: лексическая семантика, лингвокультурология, ‘свобода’, лингвистические корпусы, перевод, Солженицын

Russian Words for ‘freedom’ Revisited

Alexei Shmelev

Moscow Pedagogical State University
1 Malaia Pirogovskaia St., Moscow 119991, Russia

Abstract

The paper deals with the Russian words referring to ‘freedom’ (*svoboda*, *volia*, and their derivatives *svobodnyj*, *vol’nyi*, *vol’nost’*, etc.) in both synchronic and diachronic aspects. I seek to elaborate and to refine the analysis given in some earlier publications (by Anna Wierzbicka and by myself). The paper analyzes the spatial dimension of the semantics of the words under consideration, the contrast between *svoboda* and *volia* before the Revolution, their semantic development during Soviet times and their current semantic status. It also considers metalinguistic comments on their semantics by Russian speakers. I make special reference to the role of these words in *The First Circle* by Alexander Solzhenitsyn and the problem of

their translation into other languages. In addition, I briefly consider the use of the words in question in the translations of various texts into Russian (with reference to the parallel corpora of the Russian National Corpus). The starting point for such an analysis is the assumption that one may regard translation equivalents and paraphrases of a linguistic unit extracted from real translated texts as a source of information about its semantics. This approach is particularly efficient in case of language-specific words that defy translation. Translations into Russian may be even more revealing in this respect: when Russian is the source language, the choice of a paraphrase depends on the translator's meta-linguistic reflection while an occurrence of a Russian language-specific expression in the target text, more often than not reflects a "naïve" choice of words as a part of "natural" linguistic activity.

Keywords: *lexical semantics, cultural linguistics, freedom, linguistic corpora, translation, Solzhenitsyn*

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как известно, в русском языке есть два слова, соотносимых с общим понятием «свободы»: **свобода** и **воля**. Сам факт наличия двух разных слов для выражения идеи «свободы», значение каждого из них и семантическое соотношение между ними издавна привлекали внимание писателей, философов, публицистов¹. Чаще всего высказывалась мысль, что **свобода** в общем соответствует по смыслу своим западноевропейским аналогам, тогда как в слове **воля** выражено специфически русское понятие, ассоциируемое с «широкими русскими просторами» (целый ряд высказываний такого рода я уже приводил в более ранних публикациях²). В соответствии с этой точкой зрения, по сравнению с **волей**, **свобода** в собственном смысле слова оказывается чем-то ограниченным, она не может быть в той же степени желанна для «русской души», сформировавшейся под влиянием широких пространств. Характерно рассуждение П. Вайля и А. Гениса о героине драмы Островского «Гроза»:

- Катерине нужен не сад, не деньги, а нечто неуловимое, необъяснимое — может быть, воля. Не свобода от мужа и свекрови, а воля вообще — мировое пространство.

Когда специально подчеркивается различие **свободы** и **воли**, нередко отмечается, что представление о **воле** плохо укладывается в философию либерализма, но зато ближе восприятию мира русского крестьянина. Иными словами, **свобода** предполагает законность и порядок, а **воля** — отсутствие каких-либо ограничений. Можно в связи с этим упомянуть еще одно рассуждение П. Вайля и А. Гениса на ту же тему:

- Радищев пишет о свободе — Пугачев о воле. Один хочет облагодетельствовать народ конституцией — другой землями и водами. Первый предлагает стать гражданами, второй — степными зверями. Не удивительно, что у Пугачева сторонников оказалось значительно больше.

¹ "Actually, the Russians have two excellent words for 'freedom': *svoboda*, a general and political term, and *volya*, existential, inner freedom, liberty, licence, the exercise of one's will." [Milner-Gulland 1997, p. 228].

² См., в частности, (Шмелев 1997: 486—487; 2000: 363—366). Разумеется, приводимые ниже высказывания по большей части сделаны не профессиональными лингвистами, а просто носителями языка, хотя подчас далеко не рядовыми. Поэтому некоторые из таких замечаний не могут не показаться «наивными» и преувеличивающими «специфичность» русского представления о **воле** и его связь с «широкими просторами».

Сходным образом рассуждал и Д. Орешкин, который писал в статье «География духа и пространство России», опубликованной в журнале «Континент» (1992, № 74):

- Свобода означает свод цеховых правил и признание того, что твой сосед имеет не меньше прав, чем ты. [...] «Свобода» — слово городское.
Иное дело воля. Она знать не желает границ. [...] Не говорите воле о чужих правах — она не поймет. [...] Слово степное, западному менталитету глубоко чуждое.

Далее, развивая мысль Фазиля Искандера, в соответствии с которой Пушкин — это «дом», а Лермонтов — «ключевая вода бездомья», Д. Орешкин продолжает:

- Пушкин [...] был скорее певцом свободы. Лермонтов — воли. И если дворянская политическая оппозиция в России всегда исходила из осознанной или интуитивной концепции свободы, то есть некоторого договора с самодержавием, регламента, конституции, парламента, то чаяния простого народа со всей определенностью тяготели к воле. Именно волю обещали Разин с Пугачевым.

В таких рассуждениях *свобода* воспринимается как общеевропейское или даже универсальное, общечеловеческое понятие.

Можно сослаться также на рассказ Тэффи «Воля», в котором различие между *свободой* и *волей* эксплицируется сходным образом:

- Воля — это совсем не то, что свобода.
Свобода — *liberté*, законное состояние гражданина, не нарушившего закона, управляющего страной.
«Свобода» переводится на все языки и всеми народами понимается.
«Воля» непереводима.
[...]
Свобода законна.
Воля ни с чем не считается.
Свобода есть гражданское состояние человека.
Воля — чувство.

Разумеется, утверждение об универсальности понятия ‘свободы’ или даже о том, что это понятие является «общеевропейским», представляет собою явное преувеличение. Ясно, что, когда Тэффи говорит, будто «„свобода“ переводится на все языки и всеми народами понимается», это не предполагает, что она действительно произвела проверку по всем языкам мира. Да и внутри европейского ареала можно видеть, что ни одно из двух английских слов *freedom* и *liberty* не совпадает по смыслу, скажем, с французским *liberté*³. Впрочем, в целом мысль,

³ Здесь можно сослаться на проведенный Анной Вежбицкой блистательный анализ английских слов *freedom* и *liberty* и их аналогов в ряде других языков, в том числе русских слов *свобода* и *воля*, латинского *libertas* и польского *wolność* (Wierzbicka 1997: 125—155). Можно упомянуть также, что А. Вежбицкая связывает семантическое развитие английского слова *freedom* с некоторыми общими изменениями культурных скриптов, характерных для англоязычной культуры (Wierzbicka 2006: 203).

содержащаяся в приведенных отрывках (и во множестве подобных), вполне понятна: для выражения абстрактного понятия общелиберального дискурса слово **свобода** подходит значительно больше, нежели русское слово **воля**. Это, разумеется, не случайно, и лингвистическое описание слов **свобода** и **воля** позволяет объяснить этот факт.

Существует целый ряд лингвистических публикаций, посвященных семантическим особенностям русских слов **свобода** и **воля**⁴. Однако, как кажется, в этих публикациях отражены не все аспекты функционирования этих слов в разных видах русского дискурса. Кроме того, для взвешенной оценки семантического ореола русских слов **свобода** и **воля** полезно обратиться к истории этих слов и стоящих за ними жизненных установок.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЛЕ

Как известно, слово **воля** восходит к общеиндоевропейскому корню со значением ‘желание’. В древности оно предполагало, среди прочего, возможность поступать в соответствии со своими желаниями, не считаясь с установившимся порядком, и противопоставлялось **миру**, предполагавшему гармонию, согласие и порядок — иными словами, **мир и лад**. Современные значения звукового комплекса **мир** (‘вселенная’, ‘отсутствие войны’, ‘крестьянская община’) можно рассматривать как модификацию этого исходного значения. Вселенная может рассматриваться как «миропорядок», противопоставленный хаосу, **космос**. Отсутствие войны также связано с гармонией во взаимоотношениях между народами. Образцом гармонии и порядка, как они представлены в русском языке, могла считаться сельская община, которая так и называлась — **мир**. Общинная жизнь строго регламентирована, и любое отклонение от принятого распорядка воспринимается как своего рода «беспорядок». Покинуть этот регламентированный распорядок и значит «вырваться на **волю**», получить возможность делать все, что хочется, поступать по своей **воле** (Шмелев 2003: 55—56).

Можно полагать, что в архаичной модели мира **мир** соответствовал привычной норме, а **воля** — непредсказуемым отклонениям от нормы (упомянем сопоставление **мира** и **воли** в историческом аспекте в статье (Топоров 1989: 43—52)). Оно соответствует архаическому противопоставлению космоса и хаоса, порядка и анархии; **мир** выступает как «свое», обжитое, устроенное пространство, а **воля** —

⁴ Помимо уже названных, стоит упомянуть статьи, печатавшиеся в разные годы в сборниках «Логический анализ языка», в частности (Кошелев 1991; Арутюнова 2003; Урысон 2004а), а также словарную статью «Нового объяснительного словаря синонимов» (Урысон 2004б). Заметим, что и в настоящее время продолжают появляться работы, в которых авторы описывают те или иные стороны функционирования русских слов **свобода** и **воля**.

Отдельного упоминания заслуживает словарная статья «Воля» в пятитомнике «Славянские древности» (Гура 1995). В ней отмечается связь **воли** в славянских народных культурах с социальным статусом субъекта **воли**: а именно, **воля** связывается с девичеством в его противопоставлении замужеству. Отсюда две почти противоположные коннотации **воли**: с одной стороны, она может ассоциироваться со свободной жизнью до брака, когда **вольная** девушка *гуляет*, где хочет, а с другой — с целомудрием и девственностью.

как пространство «чужое», неустроенное, но которое может быть желанным, поскольку «свое» пространство и господствующий в нем порядок начинает тяготить субъекта.

По-видимому, для церковнославянского, а впоследствии и русского языка использование для значений ‘покой, порядок, мирная жизнь’ и ‘вселенная; общество’ одного и того же звукового комплекса было результатом не стихийной семантической эволюции, а смелого переводческого решения Мефодия и Кирилла. Дело в том, что как в тексте Писания, так и в богослужебных текстах часто соплагаются греческие слова *εἰρήνη* ‘спокойствие, мирная жизнь’ и *κόσμος* ‘вселенная; миропорядок; человеческое сообщество’. В славянском переводе обоим греческим словам, четко различающимся по смыслу, было поставлено в соответствие одно и то же слово *мир*. Этот звуковой комплекс выражает оба смысловых комплекса и в современном русском языке, но соответствующие слова воспринимаются как омонимы⁵.

Указанные две группы значений примерно с XVII в. стали различаться и орфографически: в дореформенной орфографии, действовавшей до 1918 г., написание *миръ* соотносилось с отсутствием войны, спокойствием, мирной жизнью, а *міръ* — со вселенной или человеческим обществом. Распад слова *мир* на два омонима несколько изменил противопоставление *мира* и *воли*. Если *мир* как отсутствие войны, вражды, беспокойства (*миръ*) целиком остается в сфере *лада* и гармонии, то *мир* как Вселенная (*міръ*) или общественное устройство вовсе не обязательно связан с гармонией. Когда мы говорим о мироздании в целом, то напрашивается ассоциация с *простором*. Так, напр., говорят о *бескрайних просторах Вселенной*.

Но *простор* устойчиво ассоциируется не с *миром*, а с *волей*. Вот толкование соответствующего значения слова *воля* из словаря Даля: «данный человеку произвол действия; свобода, простор в поступках; отсутствие неволи, насилования, принуждения». Ассоциация *воли* и *простора* отмечалась многими авторами. Приведем рассуждение Д.С. Лихачева:

- Широкое пространство всегда владело сердцем русским. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы. Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, ничем не огражденным пространством.

С другой стороны, в русской культуре издавна укоренена и ассоциация *покоя* не с *миром* и *ладом*, а с *простором* и *волей*. Часто бывает так, что человек убегает из беспокойного, суматошного и неудобного мира *на волю* или *на простор*

⁵ Заметим, что переводческое решение Первоучителей не было единственно возможным. Данные других славянских языков показывают, что можно было бы найти ресурсы для различного перевода двух греческих слов. Так, в польском языке смысл ‘отсутствие войны, мирная жизнь’ передается словом *pokój*, а смысл ‘вселенная; человеческое сообщество’ — словом *świat*. Собственно, и русские аналоги *покой* и *свет* вполне употребительны в соответствующих значениях: *весь мир* ≈ *весь свет*; *На душе мир* ≈ *На душе покой*.

и там обретает желанный **покой**. Собственно, об этом и говорят знаменитые пушкинские строки:

- На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Простор тогда никак не мешает **покою**; наоборот, он служит своего рода гарантией, что **покой** не будет нарушен неожиданным вмешательством со стороны. Поэтому по-русски вполне естественно звучит некрасовская формула **покой и простор**. При этом **простор** дает не только ощущение покоя, но и желанную свободу. Это и создает базу для замены противопоставления **мира** и **воли** объединением **покоя** и **воли**.

Круг ассоциаций, которые возникли у слова **воля** и его производных, связан с широкими просторами, на которых можно делать, что душе угодно, поскольку нет каких бы то ни было законов и правил, стесняющих свободу (примечательно, что ограничение свободы описывается в русском языке словами, связанными с теснотой, напр. **притеснять**). Соответственно, и широкие просторы вызывают в сознании представление о **воле**, на котором можно **разгуляться**: ...*Нашли большое поле — / Есть разгуляться где на воле* (Михаил Лермонтов, *Бородино*). Не случайно в русском языке есть устойчивое выражение **на вольном воздухе**, означающее 'вне дома' или 'вне города':

- Илья Ефимович <...> любил, чтобы Чуковский читал и его гостям, в столовой или на вольном воздухе... (Лидия Чуковская)
- Мне и самому за городом на вольном воздухе играть веселее. (Самуил Маршак)

Мы помним, что многие черты характера Захара из романа Ивана Гончарова «Обломов» объяснялись тем, что он получил воспитание и приобретал манеры «не в тесноте и полумраке роскошных, прихотливо убранных кабинетов и будуаров, где черт знает чего ни наставлено, а в деревне, на покое, просторе и вольном воздухе». В этой цитате соединяются представления о **покое**, **просторе** и **воле**, которые противопоставляются **тесноте кабинетов и будуаров**.

Само выражение **на воле** отражает представление об открытом пространстве, в котором человек может передвигаться как ему угодно; при этом не предполагается наличие каких-либо расчерченных дорог. **Воля** противопоставляется закрытому помещению, в том числе жилью. Ср.:

- И та же смесь огня и жути
На воле и в жилом уюте...
Борис Пастернак

Однако более характерно противопоставление воли не **жилому уюту**, а **неволе**, т.е. помещению, в котором кого-то удерживают насильно: темнице, тюрьме, застенку. Само выражение **на воле** означает нахождение снаружи, вне этого закрытого помещения. Характерные сочетания — **отпустить на волю**, **выйти**

на волю, вырваться на волю. Именно это восприятие метафорически отражено в стихотворении Пастернака «Нобелевская премия»:

— Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.

Отсюда несимметричность в употреблении предлогов со словами **воля** и **неволя**: мы говорим **на воле**, но **в неволе**. Предлог **на** связан с представлением о **воле** как об открытом пространстве; предлог **в** — с представлением о **неволе** как о закрытом помещении.

При этом **воля** сохраняет представление о несовместимости с каким бы то ни было, даже разумным ограничением (Урысон 2004а: 699). Она по своей природе безусловна. Именно поэтому слово **воля** не может использоваться в контекстах, в которых речь идет о каком-то аспекте свободы: **свобода слова, свобода вероисповедания**, но не ***воля слова, *воля вероисповедания**. Говорить о воле неуместно, когда речь идет о снятии каких-то конкретных ограничений или помех, поэтому аномально **воля от** вместо **свобода от** (Wierzbicka 1997: 146).

Воля несовместима с порядком. Как писал В.Н. Топоров (1989: 51), она «всегда экстенсивна, дика, своенравна». И далее: «Воля — минутный выход, порыв, бегство от беды и несчастья, но она не воспитывает, не возвращает человека, не увеличивает духовности. [...] Алкание воли, порывы к ней понятны как физическая невозможность жизни среди тягот распадающегося и угнетаемого чуждыми силами мира, но эта тяга к воле деструктивна...»⁶.

История некоторых выражений, восходящих к **воле** в значении ‘ничем не ограниченная свобода’, заслуживает отдельного обсуждения. Так, слово **вольность** во второй половине XVIII и в XIX веке использовалось в значении ‘политическая свобода, независимость’ (напр., у Александра Грибоедова: *Он вольность хочет проповедать!*)⁷, а также для указания на особую льготу, преференцию (*Указ о вольности дворянства*). Однако оба этих значения устарели, и в настоящее время слово **вольность**, как правило, указывает на отступление от принятых норм или правил (*поэтическая вольность*) — особенно часто, когда подразумеваются нормы приличия.

Прилагательное **вольный** также использовалось (и отчасти продолжает использоваться) преимущественно в тех случаях, когда речь шла об отклонении от общепринятых норм или правил. Сочетание **вольный хлебопашец** указывало на крестьян, освобожденных от крепостной зависимости, в которой находилась основная часть крестьянства. **Вольный стих** (его следует отличать от «свободного стиха», или *vers libre*) — это стих, не подчиняющийся правилу равных стоп силлабо-тонического стихосложения. **Вольный перевод** — перевод, по смыслу

⁶ Ср. также: «Неограниченная воля как личная свобода человека часто оценивается негативно» (Гура 1995: 430). И там же А.В. Гура пишет, что **воля** может ассоциироваться с похотью, гульбой, разгулом, буйством, произволом, разбоем и даже с нечистой силой.

⁷ Здесь вероятно влияние польского слова *wolność*.

отклоняющийся от оригинала (нормой принято считать соответствие перевода оригинальному тексту). *Вольная трактовка* чьих-то слов предполагает определенное несоответствие тому, что изначально в эти слова вкладывалось. *Вольный стиль* плавания, *вольная борьба* отличаются тем, что не спортсмена не накладываются некоторые ограничения, принятые в других разновидностях плавания и борьбы. Сочинение на *вольную тему* противопоставляется сочинению на заданную тему, которую надо «раскрыть» в соответствии с принятыми правилами. *Вольные шутки* или *вольные позы* не подчиняются принятым правилам приличия⁸.

Именно отсутствие ограничений, налагаемых обществом, является определяющим для прилагательного *вольный*, и в этом оно наследует свойства производящего *воля*. Выражения *вольные звери*, *вольные птицы*, *вольный ветер* используются в силу того, что звери и птицы, а также ветер по своей природе не подчиняются каким-либо ограничениям (как известно, «ветру и орлу... нет закона»). Мы можем говорить о *вольном житье* в молодости, если полагаем, что молодые люди не связаны обязательствами и могут делать, что хотят, независимо от внешних ограничений. *Вольная жизнь* в лесу не ограничена внешними условиями и позволяет человеку делать то, что он хочет. Выражение *вольные беспризорники* основано на том, что они полностью выпадают из системы общественных ограничений.

Многие сложные слова с первой частью *вольно-* выражают ту же идею отклонения от принятых правил и ограничений: *вольнотрушитель* (т.е. человек, персона, посещающий высшее учебное заведение, но не имеющий прав и обязанностей обычного студента), *вольнонаемный* (т.е. ‘работающий по найму’, не состоящий на службе и тем самым свободный от налагаемых ею ограничений)⁹.

Об специфической эволюции прилагательного *вольный* и его производных в советское и постсоветское время речь пойдет в одном из следующих разделов.

3. СВОБОДА КАК АЛЬТЕРНАТИВА ВОЛЕ

Свобода может рассматриваться как альтернатива *воле*. «Воле, кроме смерти, которая тоже есть воля, существует лишь одна альтернатива — свобода. Она в отличие от воли конструктивное начало, коренящееся в мире, но не рвущееся из него „на волю“, а, напротив, углубляющееся внутрь...» (Топоров 1989: 51)¹⁰. *Свобода* и *воля* могут прямо противопоставляться. Как говорит Федя Протасов в «Живом труп» Льва Толстого в связи с цыганским пением, «Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля...».

⁸ Совсем особняком стоит воинская команда «Вольно!» ‘at ease’, указывающая на возможность частично расслабиться, а вовсе не на неограниченную свободу.

⁹ У устаревших слов *вольнодумство* и *вольнодумец*, указывающих на то, что человек не следует принятому в обществе образу мыслей, имеется коннотация критического отношения к господствующим порядкам.

¹⁰ Мысль, что *свобода*, в отличие от *воли*, обращена внутрь, встречается у целого ряда авторов — см., в частности (Арутюнова 97).

Свобода, как и **воля**, в русском сознании может связываться с **простором**. Показательно толкование слова **свобода** из словаря Даля (**простор** в нем упоминается трижды):

- ...Своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле. Свобода — понятие сравнительное; она может относиться до простора частного, ограниченного, к известному делу относящегося, или к разным степеням этого простора, и наконец к полному, необузданному произволу или самовольству.

Однако, в отличие от **воли**, **свобода** предполагает порядок, хотя порядок, не столь жестко регламентированный. Не случайно слово **свобода** этимологически связано со словом **свой**, т.е. в противопоставлении **своего**, освоенного и чужого, неосвоенного связывается именно со **своим** — т.е., в архаичных терминах, скорее с **миром**, чем с **волей** (заметим, что элемент **fri-* со значением личной принадлежности используется в германских языках для обозначения как свободы, так и мира [Топорова 1994: 105]). При этом, если **мир** в русской культуре концептуализовался как жесткая упорядоченность сельской общинной жизни, то **свобода** ассоциировалась скорее с жизнью в городе (недаром название городского поселения **слобода** этимологически тождественно слову **свобода**, отличаясь от него лишь вследствие диссимиляции губных согласных звуков). Но если сопоставление **свободы** и архаического **мира** предполагает акцент на том, что **свобода** означает отсутствие жесткой регламентации, то при сопоставлении **свободы** и **воли** часто делается акцент на том, что **свобода** связана с нормой, законностью, правопорядком («Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону, или совершенная возможность делать все, чего не запрещает закон», — писал когда-то Василий Жуковский). **Свобода** означает право делать то, что человеку представляется желательным, но это право ограничивается законами, защищающими права других людей¹¹; **воля** вообще никак не связана с понятием права. Не случайно словосочетание «**Народная воля**» стало названием террористической организации (в частности, именно на ней лежит ответственность за убийство императора Александра II)¹², а название **партия Народной свободы** относилось

¹¹ Этому не противоречит то, что, как отметила А. Вежбицкая со ссылкой на Владимира Вейдле и Андрея Амальрика, любая конкретная правовая норма может оцениваться носителями русской культуры как ограничение **свободы** (Wierzbicka 1997: 142).

¹² Террористическая организация «Народная воля» возникла в 1879 г. в результате раскола революционной группировки «Земля и воля». При этом название «Земля и воля» обычно передается по-английски как *Land and Liberty* (несмотря на существенные семантические отличия русского слова *воля* и английского *liberty*). Именно так — *Land and Liberty* — называется глава 11 фундаментального исследования (Yarmolinsky 1956). Напротив того, название организации «Народная воля» часто переводится как *People's Will*, в том числе в названии главы 12 указанной книги, хотя в ней признается: “The term *volya* means ‘freedom’ as well as ‘will’” (а на мой взгляд, *воля* в названии этой организации употребляется в значении ‘freedom’, а не ‘will’). Эти же переводы: *Land and Liberty* и *People's Will* — упоминаются во введении к книге (Offord 1986: xv), хотя на протяжении всей книги автор предпочитает оставлять указанные русские наименования без перевода и просто транслитерировать их.

к партии либерально мыслящих, хотя и радикально настроенных профессоров (другое название — *Конституционно-демократическая партия*, или «кадеты») ¹³.

Связь *свободы* с подчинением («подчиненностью одному закону», в соответствии с цитированным выше высказыванием Жуковского) объясняет невозможность употребления этого слова в ситуации, когда ни о каком подчинении не может быть речи. Дети могут пользоваться у родителей полной свободой, но нельзя, иначе как в шутку, сказать: «Родители пользовались у детей полной свободой».

На связь свободы с иерархичностью общества со всей определенностью указывал главный «рыцарь свободы» в истории русской общественной мысли — Николай Бердяев (в «Новом средневековье»). По Бердяеву, попытка устранить иерархию и подчинение приводит лишь к извращенной иерархии и тотальной несвободе, как это произошло в России при коммунизме (обращает на себя внимание сочетание *космический лад вселенной*, по существу скрывающее за собою то, что соответствует архаичному понятию *мир*):

- Мы живем в эпоху, когда неизбежен повсюду свободный возврат к иерархическим началам. Лишь иерархические начала свидетельствуют о космическом ладе вселенной. Ведь и коммунизм, антииндивидуалистический, антилиберальный, антидемократический и антигуманистический, по-своему иерархичен. Он отрицает формальные свободы и равенства новой истории и вырабатывает свою сатанократическую иерархию. Он стремится быть лжецерковью и лжесоборностью. И коммунизму нельзя уже противопоставлять антииерархические, гуманистические и либерально-демократические идеи новой истории, ему можно противопоставлять лишь подлинную, онтологически обоснованную иерархию, подлинную органическую соборность.

Тот факт, что *свобода* предполагает подчинение некоей общей норме, определяет относительный характер свободы. *Свобода* не предполагает возможности делать все, что заблагорассудится; невозможность выйти за пределы общепринятых норм не воспринимается как несвобода ¹⁴. Однако именно как несвобода воспринимается нарушение этих установленных норм со стороны тех, кто наделен властью. Вследствие того, что *свобода* связана с нормой, она сама по себе не приносит ощущения счастья и в обычных условиях воспринимается не как конечная цель устремлений, а лишь как само собою разумеющееся средство достижения такой цели. Однако страдания, причиняемые отсутствием свободы (*несвободой*) могут быть столь велики, что обретение свободы (*освобождение*) может переживаться как счастье и полагаться в качестве конечной цели устремлений. Поэтому ценность свободы обычно остро ощущается теми, кто ее лишен, и иногда прене-

¹³ О кадетской партии см., напр., (Stockdale 1999).

¹⁴ Обращает на себя внимание различие во взаимодействии с отрицанием у *свободы* и *воли*. Если *неволя*, как отмечалось выше, — это замкнутое пространство, из которого субъект не может выбраться на волю, то *несвобода* — это не пространство (нельзя находиться *в несвободе), а положение дел.

брегается теми, кто ею обладает. На это когда-то обратил внимание Вас. Розанов (в журнале «Русский вестник», 1894. № 1):

- Чувство свободы было радостно, пока она была тождественна с высвобождением, сливалась с понятием независимости; был некоторый гнет определенный, тесный, сбросить который было великим облегчением; эпическая борьба, наполняющая собою конец прошлого и первую половину нынешнего века, вся двигалась идеей свободы в этом узком и ограниченном значении: был феодальный гнет — и было радостно высвобождение из-под него; был гнет церкви над совестью — и всякая ирония над нею давала наслаждение. Тысячи движений, из которых сложилась история за это время, движений то массовых и широких, то невидимых и индивидуальных, все были движениями, разрывавшими какую-нибудь определенную путу, какою был стеснен человек, вернее, скреплен с человечеством. И когда эти тысячи движений окончены или близки к концу, побуждение, лежавшее в основе их, правда, носит то же название, но каков его смысл и какова точная цена для человека? Оно обобщилось, стало идеей в строгом смысле и, с этим вместе, потеряло для себя какой-нибудь предмет; с падением всяких пут, что, собственно, значит свобода для человека?

И далее Вас. Розанов продолжал:

- Она испытана, и не то, чтобы в испытании этом оказалась горькою — этого чувства не было; но она оказалась как-то пресна, без особенного вкуса, без сколько-нибудь яркой ошутимости для человека, который после того, как был вчера, и третьего дня, наконец, давно свободен, вдобавок к этому и сегодня свободен. После тысячелетней стесненности чувство свободы было бесконечно радостно; не оно собственно, но момент прекращения стеснения, т.е. ощущение почти физическое; после вековой свободы, когда и вчера ничего не давило меня, какую радость может дать мне то, что и сегодня меня никто не давит? Здесь нет положительного, что насыщало бы; только ничто не томит, не мучит, — но разве это то, что нужно человеку?

Это рассуждение Вас. Розанова вызвало возмущенный отклик Владимира Соловьева (в журнале «Вестник Европы», 1984, № 2), который даже назвал Розанова «Иудушкой» (с отсылкой к Порфирию Головлеву — персонажу романа Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»). Возражая Розанову, Владимир Соловьев писал:

- Что бы она бы ни значила с падением всяких пут, пока они не пали, идея свободы имеет очень определенное значение и предмет, — именно, она совпадает с потребностью того высвобождения из внешних пут, которое и сам Иудушка должен невольно признать желательным и радостным. Там, где нет никакого гнета и никаких пут, нет и вопроса о свободе; а там, где внешнее искусственное стеснение существует, там и свобода не есть отвлеченная «идея», а натуральная жизненная потребность. Но раз устремившись в свою сферу, т.е. в пустое место, Иудушка не скоро оттуда выйдет; ему непременно нужно поговорить об отрицательном характере свободы вообще. (...) Указывать на неощутимость прошедшего давления в ответ на вопрос о давлении настоящим, толковать о чьей-то вчерашней и вековой свободе, когда дело идет о тех, которые несвободны и сегодня, — вот подлинная Иудушкина манера. Его спрашивают, нужно ли выпустить на чистый воздух людей, задыхающихся в подвале, а он в ответ: что есть чистый воздух? это есть нечто пресное, безвкусное, хотя

и не горькое; в нем нет положительного, что насыщало бы; чистым воздухом никого не накормишь; разве это то, что нужно человеку и т.д. — Этаким бесстыдный пустослов!

Любопытно, что и Вас. Розанов, и Влад. Соловьев ассоциируют *свободу* не столько с выходом из тюрьмы и возможностью идти куда угодно, сколько с освобождением от пут и возможностью дышать чистым воздухом. Правда, Влад. Соловьев образно представляет освобождение как выход из душного подвала, но примечательно, что мучение людей, находящихся в этом подвале, он в первую очередь видит не в невозможности идти куда угодно, а в том, что подвал душный и люди в нем задыхаются. Это хорошо согласуется с наблюдением А. Вежицкой, в соответствии с которым русское слово *свобода* ассоциируется с возможностью дышать полной грудью [Wierzbicka 1997: 140—141]¹⁵.

При этом мы видим, что для обоих философов ценность *свободы* носит по преимуществу отрицательный характер: она ценна не сама по себе, а постольку, поскольку причиняет страдание ее отсутствие, т.е. *несвобода*. При этом мы говорим о несвободе в тех случаях, когда существующие ограничения выходят за рамки того, что мы готовы признать нормативным. Особенно мучительна бывает несвобода, когда она сопряжена не с ограничениями возможности действовать по-своему, делать все, что заблагорассудится, а с принуждением к тем или иным действиям, особенно если эти действия противоречат совести субъекта. Многие ограничения и запреты человек может даже не замечать, если у него не возникло желание совершить запрещенное действие; но, если человек вынужден делать то, чего не хочет, это не может остаться незамеченным. Здесь релевантно другое определение *свободы* по Жуковскому: «Что есть свобода? Возможность произносить слово „нет“ мысленно или вслух». Невозможность сказать «нет» тому, у кого человек находится в подчинении, и есть самое очевидное проявление несвободы.

Высокий ценностный статус слова *свобода* в русском языке хорошо виден по русской поэзии. Один из самых важных текстов в этом смысле — хрестоматийное пушкинское стихотворение «К Чаадаеву». Формулировка *пока свободою горим* из этого стихотворения известна практически каждому носителю русского языка. Не менее важно выражение Пушкина *тайная свобода*. Выражение *тайная свобода*, понятое в том смысле, что человек может быть внутренне свободен, несмотря на отсутствие внешней свободы, оказалось очень важным. Показательно, что Александр Блок его упоминает в своем знаменитом позднем стихотворении «Пушкинскому Дому».

Само слово *свобода* обладает мощным поэтическим потенциалом. Свобода воспевается во множестве русских стихотворений. Яркий пример — стихотворение Николая Огарева, которое так и называется «Свобода». Здесь интересно, что для автора высокой степенью суггестивности и огромной ценностью обладает само слово *свобода*. В последние годы это стихотворение обрело новую жизнь и часто поется на оппозиционных митингах (музыка Евгения Голубенко).

¹⁵ Ср. строку из стихотворения Варлама Шаламова: *Наш спор о свободе, о праве дышать...*

Довольно широко известна песня Юрия Шевчука (ДДТ) «Свобода». Сам автор говорил: «До 1990 года понятие „свобода“ было для меня чем-то светлым, нежным, чистым, хорошим, а в 90-е приобрело трагический оттенок. И в песню это все вошло. Мне недавно сказали, что Солженицын как бы передал мне привет: он сказал, что еще никогда не слышал, чтобы это слово было так спето или вообще произнесено. Это, конечно, высокая оценка. Я был очень рад».

Если говорить о русском роке, то, кажется, еще более популярна песня Валерия Кипелова «Я свободен» (1997, слова Маргариты Пушкиной в соавторстве с Кипеловым)¹⁶. В результате проведенного в 2015 году журналом «Русский репортер» социологического исследования текст песни занял 15-место в топ-100 самых популярных в России стихотворных строк, включающем, в числе прочего, русскую и мировую классику.

Слово *свобода* преимущественно употребляется в единственном числе, поскольку свобода воспринимается как нечто неделимое. Однако с некоторого момента получает распространение употребление слова *свобода* во множественном числе, когда оно начинает указывать на разные аспекты единой и неделимой свободы, как в примере из «Дневников» Ивана Бунина:

- И вдруг слышу голос стоящего рядом со мной бородатого жандарма, который говорит кому-то в штатском, что выпущен манифест свободы слова, союзов и вообще всех «свобод».

Сюда же относится употребление слова *свобода* с ограничивающим прилагательным (*гражданская свобода, личная свобода, политическая свобода*) или несогласованным определением: *свобода слова, свобода печати, свобода вероисповедания*. Многообразие различных аспектов *свободы* заставляет задуматься о том, какие из них более всего важны. Можно процитировать замечание Солженицына, высказанное в предисловии к русскому изданию книги проф. Леонтовича «История либерализма в России». Солженицын специально отметил содержащееся в этой книге «предупреждение, что личная свобода никогда не может осуществляться без имущественной, — отчего и не могут никакие виды социализма дать свободу». В этом же предисловии говорится: «Изложение этой книги заставляет нас также задумываться: не преувеличиваем ли мы значения политической свободы сравнительно с гражданской?»

Когда речь заходит о различных *свободах*, отношение к ним может быть скептическое; «свободы» могут упоминаться как часть политической программы, но ни одна из этих «свобод», как правило, не воспринимается как основополагающая ценность. Характерно замечание А.Ф. Керенского — главного вождя и идеолога русской революции — в эпизоде из книги Вас. Вит. Шульгина «Дни»:

- «...по вашему мнению, что нужно? Что вас удовлетворило бы?» На изборожденном лице Керенского промелькнуло вдруг веселое, почти мальчишеское выражение. «Что?.. Да в сущности немного... Важно одно: чтобы власть перешла в другие руки» (...) «Ну, а еще что надо?» — спросил я Керенского. «Ну, еще там, — он мальчишески, легкомысленно и весело махнул рукой, — свобод немножко. Ну там печати, собраний и прочее такое...»

¹⁶ На эту песню мне указала И.Б. Левонтина.

Конечно, требование «свобод» входило в программу революционеров, но не препятствовало тому, чтобы при их упоминании легкомысленно махнуть рукою и дважды употребить «маркер несущественной детали» — частицу *там* (Шмелев 2007).

Скептическое отношение к «свободам» стало довольно распространенным. Приведем еще несколько цитат из «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ):

- Но впоследствии мы приобрели так много всякого рода свобод, что между ними совершенно незаметно проскользнула и свобода шалопайствовать. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши (1863—1874)]
- Много у нас говорят о свободах, но глашатаи отвлеченных свобод не хотят для крестьянина самой примитивной свободы, свободы труда, свободы почина. [П.А. Столыпин. Речь о праве крестьян выходить из общины, произнесенная в Государственном совете 15 марта 1910 года (1910)]

Такие «свободы» могут восприниматься как «вольности», или привилегии, но не гарантировать подлинную свободу личности. Ср. следующий пример из НКРЯ:

- Средневековое общество знает множество «свобод», вольностей, то есть привилегий для лиц и корпораций, но ему совершенно незнакома свобода вообще, то есть свобода личности с ее последствиями. [А.К. Дживелегов. Начало итальянского Возрождения (1908)]

Отсюда возникает противопоставление этих частных «свобод» и «высшей свободы», как в известных строках из песни Булата Окуджавы «Прощание с Польшей»:

- Свобода — бить посуду? Не спать всю ночь — свобода? / Свобода — выбрать поезд и презирать коней?.. / Нас обделила с детства иронией природа... / Есть высшая свобода. И мы идем за ней.

Кроме того, возможно злоупотребление «свободами» или извращение понятия о них, и на это неоднократно указывали самые разные авторы (примеры из НКРЯ):

- Так в нынешнее лукавое время разных свобод, неправильно данных, неправильно понятых, иные и убийство не считают за грех, и прелюбодеяние, и грабительство... [Иоанн Кронштадтский. Дневники (1908)]
- ...законопроекты о «свободе» личности и прочих свободах так своеобразны, что скорее извращают самое понятие о свободах, чем его укрепляют. [А.И. Шингарев. Новая Дума и старые думы // Русская мысль, 1908]

Кроме того, после торжества революции некоторые авторы именно в требовании свобод (и «гражданских прав») увидели причину этого торжества, и это, конечно, не прибавляло симпатий к «свободам». Многим памятливы строки Максимилиана Волошина:

- ...не надо ль / Кому земли, республик, да свобод, / Гражданских прав? И родину напород / Сам выволоч на гноище, как падаль.

Такие «свободы», переходящие во вседозволенность и полное отсутствие каких-либо ограничений, приводят к тому, что через какое-то время устанавливается тирания, и от свободы как таковой ничего не остается, как это и случилось в России в 1917 г. и как об этом несколько раз писал Питирим Сорокин в эссе, вошедших в книгу «Заметки социолога»:

- Республика не исключает сильной власти. У нас же не было почти никакой. Снесены были всяческие ограничения свобод. Установлены были такие пределы личных прав человека и гражданина, каких не знала ни одна страна. Принудительная основа общественного порядка заменена была основой, покоящейся на доброй воле, на полной свободе говорить, действовать и поступать, как кому заблагорассудится. [Трагедия революции]
- Массовые аресты, повальные обыски, исключения из службы, самосуды и насилия, надзор и шпионство, ограничения свобод и роспуски дум, запреты и суровые угрозы, закрытия обществ и общин, все это, вплоть до лишения «виновных» хлебных карточек, практикуется новыми «властителями» с неограниченной щедростью. [О чем говорит террор большевиков]

Впрочем, это, по-видимому, универсальная черта любой революции. Снова процитируем «Заметки социолога» Питирима Сорокина — на этот раз о Французской революции:

- Французская революция начала с декларации прав, с полноты свобод и неотъемлемых прав гражданина, кончила консульской конституцией и такими законами о личных правах, которые эти свободы оставляли почти лишь на бумаге. [Возможна ли в России реакция?]

Иногда непосредственный переход от неограниченной свободы к «худшей из тираний» формулируется как следствие некоего общего закона, как в наблюдении Глеба Нержина — персонажа романа Солженицына «В круге первом»:

- Для математика в истории 17 года нет ничего неожиданного. Ведь тангенс при девяноста градусах, взмыв к бесконечности, тут же и рушится в пропасть минус бесконечности. Так и Россия, впервые взлетев к невиданной свободе, сейчас же и тут же оборвалась в худшую из тираний.

Итак, слово *воля* и его производные говорят об отсутствии привычных ограничений и каких бы то ни было норм и правил, тогда как слово *свобода* часто указывает на подчиненность нормам, правилам и ограничениям. Именно поэтому *вольный перевод* предполагает отсутствие ограничений, вытекающих из требования соответствия оригиналу, а *свободное владение языком* вовсе не предполагает игнорирования языковых норм и правил, а напротив указывает на то, что субъект следует этим нормам и правилам, и это не составляет для него труда: правила его не стесняют. *Вольная жизнь* в лесу предполагает отсутствие ограничений со стороны общества и необходимости следовать каким-либо законам, а жизнь в *свободных странах* ориентирована как раз на неуклонное следование законам.

В силу сказанного *свобода* может быть относительной. В частности, возможно высказывание: *Им предоставлялась определенная свобода*. Слово *воля* в таких контекстах невозможно. Поэтому именно в отношении *свободы* возникает вопрос о том, какие ограничения свободы представляются разумными.

4. СВОБОДА И ВОЛЯ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Не останавливаясь отдельно на истории каждого из слов, входящих в словообразовательные гнезда с вершинами *свобода* и *воля*, обратим внимание на некоторые особенности семантического развития этих слов и его производных в советское и постсоветское время.

Слово *свобода* и его производные регулярно использовались в языке советской пропаганды, характеризуя «свободную» советскую жизнь. В конституции СССР образца 1936 (так называемой «Сталинской конституции») декларировалось, что всем «гражданам СССР гарантируется законом: а) свобода слова, б) свобода печати, в) свобода собраний и митингов, г) свобода уличных шествий и демонстраций» (статья 125); правда, указывалось, что эти гарантии даются «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя», и тем самым подразумевалось, что, если власти решают, что использование указанных видов свободы не соответствует интересам трудящихся и не служат целям «укрепления социалистического строя», то «свобода» превращается в фикцию. Отдельная статья (124) была посвящена религиозной свободе, которая именовалась в ней «свободой совести». Статья заслуживает того, чтобы привести ее целиком:

- В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

Примечательно, что статья признавала «свободу антирелигиозной пропаганды», но не свободу религиозной пропаганды; тем самым миссионерская деятельность с самого начала оказывалась вне закона.

Идеологическая конструкция «свобода в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя» восходила к известному тезису Ленина, согласно которому «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Соответственно, подчеркивалось, что осуществление «свободы» всегда происходит в чьих-то интересах и отличие «свободы» в СССР от свободы в западных странах состоит в том, что в СССР она осуществляется «в интересах трудящихся», а в так называемых «капиталистических», или «буржуазных», странах «в интересах кучки богачей». Когда речь шла о «капиталистических» странах, слово «свобода» часто ставилось в кавычки и/или сопровождалось эпитетом «буржуазный» или «буржуазно-демократический». Подчеркивалось, что *свобода* в «буржуазном» понимании враждебна интересам трудящихся и потому неприемлема для советских людей, как в следующем примере из НКРЯ:

- Они хотят открыть форточку для буржуазной «свободы» печати, причем они не видят, что тем самым они оживляют антисоветские элементы, усиливают их напор на диктатуру пролетариата и открывают дорогу для буржуазной «демократии». [И.В. Сталин. Международное положение и оборона СССР (1927)]

При этом *свобода* оставалась основополагающей ценностью в независимом дискурсе. Название радиостанции «Свобода», вещавшей на Советский Союз через

шум глушителей, было выбрано совершенно не случайно. Тем самым слово **свобода** в целом сохранило и даже укрепило свой положительный ореол к концу коммунистического режима в СССР. Лишь изредка в нонконформистском дискурсе встречалось саркастическое употребление слова **свобода**, как в песне Александра Галича «Я выбираю свободу»:

— Я выбираю Свободу, / И знайте, не я один! / ...И мне говорит «свобода»: / — Ну что ж, — говорит, — одевайтесь, / И пройдемте-ка, гражданин.

Напротив того, слово **воля** в традиционном значении было не характерно для языка советской пропаганды, а его производные, рисуя **привольную** жизнь в Советском Союзе, вообще игнорировали существование Гулага. Показательна известная цитата из песни «Широка страна моя родная...» на слова Василия Лебедева (Кумача): *Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек.*

В речи советских заключенных слово **воля** обозначало весь мир за пределами системы тюрем и концлагерей, и в таком употреблении отразилось традиционное представление о **воле** как о внешнем, постороннем мире, находящемся снаружи. Не случайно слово **воля** в таком значении в основном употреблялось самими заключенными, а также говорящими, как бы становящимися на их «точку зрения»¹⁷. Особое место занимают производные **вольный** и жаргонное **вольняшка**, специфика которых состоит в том, что они обозначали **вольнораемных** сотрудников тюрем и концлагерей в их противопоставлении не только заключенным, но и сотрудникам, находящимся на службе в «органах». Поэтому значение этих слов не эквивалентно значению прилагательного **свободный**¹⁸.

При этом, поскольку, как уже говорилось, в языке советской пропаганды слово **воля** практически не встречалось, при необходимости обозначить «волю» в ее противопоставлении «местам заключения» в официальном дискурсе использовалось слово **свобода**. Так, приговор к заключению в тюрьму или концлагерь официально назывался **лишением свободы**. В 1930-е в «местах заключения» в качестве «средства наглядной агитации» использовались плакаты с лозунгом «На свободу с чистой совестью». Такое словоупотребление изредка проникало и в речь заключенных, но в целом оставалось для них нехарактерным. Следующая

¹⁷ Об этом упоминает А. Вежицкая (Wierzbicka 1997: 145).

¹⁸ В «Раковом корпусе» Солженицына врач Лев Леонидович, сообщивший больному Костоглозову, что побывал там, где вечно пляшут и поют, на вопрос последнего: «И по какой же статье?» — отвечает: *Я — не по статье. Я — вольный был.* В опубликованных переводах этой реплики на иностранные языки не отражена специфика русского слова **вольный** в данном типе употребления (слово прямолинейно переводится словами со значением ‘свободный’).

Ср. два английских и французский переводы:

“They didn’t get me for anything. I was a free man. I just worked there.” [Nicholas Bethell & David Burg]

“No charge. I was a free man.” [Rebecca Frank]

Non, je n’étais pas condamné. J’étais libre. [A. et M. Aucouturier, L. et G. Nivat, J.-P. Sémon]

цитата из воспоминаний Ирины Ратушинской¹⁹ обращает на себя внимание необычностью употребления слова **свобода** вместо ожидаемого **воля**:

- Законный вопрос: что в этой книге — правда, а что — художественный вымысел? Отвечаю сразу: вымыслу в этой книге места нет. У меня бы просто не хватило фантазии. Изменены только некоторые имена — не моих соизниц и не наших палачей, но тех людей, что нам сочувствовали и потихоньку помогали: почти всех уголовников, надзирательниц, некоторых офицеров. Так надо, чтобы с ними не расправился КГБ. По той же причине в нескольких местах изменена хронология событий: тогда невозможно понять, какими все-таки способами мы держали связь со свободой.

«В круге первом»

Здесь уместно остановиться на использовании слов **свобода** и **воля** и их производных в романе Александра Солженицына «В круге первом», в котором противопоставление **свободы** и **воли** играет текстообразующую роль²⁰.

Что касается до слова **вольняшка** и его производных, они использовались в речи заключенных преимущественно в ироническом ключе. Приведем примеры из романа Александра Солженицына «В круге первом»:

- по вольняшечьему недомыслию
- доверчивых лопоухих вольняшек
- Вольняшки не знают цены вещам!
- ...только зэк наверняка имеет бессмертную душу, а вольняшке бывает за суетою отказано в ней.
- преуспевающих, близоруких, не тертых, не битых вольняшек
- У вольняшек не было бессмертной души, добываемой зэками в их бесконечных сроках, вольняшки жадно и неумело пользовались отпущенной им свободой, они погрязли в маленьких замыслах, суетных поступках.

Нейтральное слово **вольный** использовалось как относящееся к воле в ее противопоставлении Гулагу: просто *вольные*, а также *вольные служащие*, *вольные сотрудники*, *вольная уборщица*, *вольная девушка*, *вольный дежурный*, *вольная библиотека*, «вольная» одежда и т.п. «Традиционные» употребления (такие как *вольный ветер*) являются в речи заключенных исключениями и тоже могут предполагать иронию, как в следующем высказывании одного из персонажей романа «В круге первом»:

- Честное слово, как будто вольный ветер подул! Пересылки! этапы! лагеря! движение!

На этом фоне в романе выделяется использование слова **вольный** с непосредственной отсылкой к пушкинской эпохе в словах Нержина:

- Вот именно этого вида счастья — мужского вольного лицейского стола, обмена свободными мыслями без боязни, без укрыва — этого счастья ведь не было у нас на воле?

¹⁹ На нее мне указала И.Б. Левонтина.

²⁰ Некоторые наблюдения на этот счет содержатся в моей статье [Шмелев 2013].

Здесь многое обращает на себя внимание: и слово *вольный* в «пушкинском» смысле (предполагающем, едва ли не в первую очередь, *обмен свободными мыслями без боязни*), и особенно то, что такая *вольность* прямо противопоставляется *воле*, поскольку *на воле* она невозможна.

Подлинной, духовной *свободы* на *воле* нет и быть не может. В частности, тюремщики сами несвободны. Отсутствие свободы *на воле* связано с повсеместно господствующим страхом: человек боится лишиться свободы и сам себя ее лишает. Здесь действует общий закон: пока человеку есть что терять, он не может чувствовать себя свободным. Зато в заключении он снова обретает *свободу*, поскольку бояться ему больше нечего:

- особенный тюремный лютей спор, каких не могло быть на воле с господствующим единым мнением власти
- ...только в тюрьме, а не на семейной воле, мужчина так свободен в мыслях, не связан в поступках и готов к жертвам!

Но выясняется, что и в тюрьме, а особенно на привилегированной «шарашке», человеку есть что терять. А поскольку кругом стукачи, выясняется, что подлинной свободы нет и здесь. Отсюда недоумение, выраженное (правда, по другому поводу) Пряничковым:

- Неужели и в тюрьме нет человеку свободы? Где ж она тогда есть?

Отсутствие подлинной *свободы* уподобляет шарашку *воле*, и не случайно сделанное в романе вскользь замечание о *вольных* условиях шарашки.

Однако оставалась надежда обрести *свободу* хотя бы в каторжном лагере, где терять будет уж точно нечего. Эта надежда была жива и у Нержина, и у Хороброва (обоих отправляли в каторжный лагерь):

- В лагерь он ехал с простодушной радостью, что хоть здесь-то будет говорить от души.
- ...едучи в лагерь, Нержин и сам ощущал, что возвращается к важному элементу мужской свободы: каждое пятое слово ставить матерное.
- В каторжный так в каторжный (...) Может, хоть там свобода слова, стукачей нет.

Здесь обнаружилась другая сторона упомянутого выше закона: да, пока человеку есть что терять, он не может чувствовать себя свободным, но:

- человек, у которого вы отобрали все — уже не подвластен вам, он снова свободен.

Итак, мы видим, что для романа «В круге первом» чрезвычайно важным оказывается различие *воли* и *свободы*. Понятно, что это различие чрезвычайно трудно отразить в переводах на языки, в которых нет лексических средств для разграничения ‘свободы’ и ‘воли’. Показательно, что в английском переводе этого романа, выполненном Г. Виллетсом, выражение *на воле* обычно переводится просто как *outside*, и это можно рассматривать как некоторую попытку передать рассматриваемое разграничение средствами английского языка²¹. Существо раз-

²¹ Как уже говорилось, в английском языке, в отличие, скажем, от французского и немецкого, тоже есть два слова для выражения смысла ‘свобода’, проанализированные А. Вежицкой [Wierzbicka 1997: 129—138]: *freedom* и *liberty*. Однако соотношение между ними и связанные с ними ассоциации совсем иные, нежели у слов *свобода* и *воля*, и поэтому их противопоставление никак не может помочь в передаче противопоставления *свободы* и *воли*.

личия состоит в том, что если **воля** целиком относится к внешним обстоятельствам и противопоставлена заключению, то **свобода** же по самому своему существу может быть только внутренней.

Впрочем, само понятие «внутренней свободы» в условиях тоталитарного гнета может интерпретироваться по-разному. Возражая Семену Телегину (псевдоним Герцена Копылова), высказавшемуся в том духе, что даже при внешнем подчинении насилию можно сохранять независимость мысли и в этом и заключается внутренняя свобода, Александр Солженицын писал:

- ...если шиш, показываемый тайно в кармане, есть внутренняя свобода, — что же тогда внутреннее рабство? Мы бы все-таки назвали внутренней свободой способность и мыслить и действовать, не завися от внешних пут, а внешней свободой — когда тех пут вовсе нет.

И продолжал, полемизируя с пониманием «внутренней свободы» в статье Телегина:

- А может быть и психиатры института Сербского той же «тройной моралью» живут и гордятся своею «внутренней свободой»?

Разграничение внешней и внутренней свободы оказывается ключевым для неконформистского дискурса советского времени. При этом по отношению к **внешней свободе** остается в силе парадокс, всплывший в споре Вас. Розанова и Владимира Соловьева: внешняя свобода желанна, поскольку мучительна внешняя несвобода, но сама по себе она нужна лишь постольку, поскольку позволяет реализовать наше призвание, вытекающее из **внутренней свободы**. Снова можно цитировать Солженицына:

- Сама по себе безграничная внешняя свобода далеко не спасает нас. Интеллектуальная свобода — очень желанный дар, но как и всякая свобода — дар не самоценный, а — проходной, лишь разумное условие, лишь средство, чтобы мы с его помощью могли бы достичь какой-то другой цели, высшей.

И Солженицын подробно развивает эту мысль:

- Внешняя свобода сама по себе — может ли быть целью сознательно живущих существ? Или она — только форма для осуществления других, высших задач? Мы рождаемся уже существами с внутреннею свободой, свободой воли, свободой выбора, главная часть свободы дана нам уже в рождении. Свобода же внешняя, общественная — очень желательна для нашего неискаженного развития, но не больше как условие, как среда, считать ее целью нашего существования — бессмыслица. Свою внутреннюю свободу мы можем твердо осуществлять даже и в среде внешне несвободной.

Отсюда вывод:

- Главная часть нашей свободы — внутренняя...

Свобода и самоограничение

Тем самым возникает у Солженицына интересное и отчасти парадоксальное сближение свободы и «самостеснения» — прямо вопреки характерному для русской языковой картины мира противопоставлению **свободы** и **тесноты**. Однако

важно, что речь идет не о внешнем притеснении, а именно о добровольном самоограничении, *самостеснении*:

- После западного идеала неограниченной свободы, после марксистского понятия свободы как осознанно-неизбежного ярма, — вот воистину христианское определение свободы: свобода — это самостеснение! самостеснение — ради других!

Таким образом, общее положение, согласно которому свобода невозможна без каких-то ограничений, дополняется у Солженицына тезисом, что важнее всего *самоограничение*:

- Исходные понятия — частной собственности, частной экономической инициативы — природны человеку, и нужны для личной свободы его и нормального самочувствия, и благодетельны были бы для общества, если бы только... если бы только носители их на первом же пороге развития самоограничились, а не доводили бы размеров и напора своей собственности и корысти до социального зла, вызвавшего столько справедливого гнева, не пытались бы покупать власть, подчинять прессу.

Само слово *самоограничение* не было изобретено Солженицыным: оно встречалось и ранее у самых разных авторов, хотя обычно не связывалось с понятием *свободы*. Впрочем, идея, что подлинная, духовная свобода реализуется через самоограничение, высказывалась и до Солженицына. Ср. цитату из записных книжек Достоевского:

- Самоограничение и воздержание телесное для свободы духовной, в противоположность материальному обличению, непрерывному и безграничному, приводящему к рабству духа.

Интересно в связи с этим замечание Зинаиды Гиппиус (в статье, опубликованной под псевдонимом Антон Крайний), в котором она прямо противопоставляет *свободе* «свободность», отрицающую всякое самоограничение. Примечательно, что эту «свободность» она видела в Вас. Розанове, который, как мы помним, довольно скептически отзывался о свободе (...разве это то, что нужно человеку?):

- ...слова самого большого «свободника» (в русском смысле), меньше всего «гражданина», — Розанова. Такая «свободность» понятна (...). В Розанове была ее квинтэссенция. Но от нее, в разбавленном виде, еще не отделались никакие русские люди, даже самые «общественные». И принимают эту «свободность» — за свободу. Розанов абсолютно не был способен ни на какое самоограничение. Свободу его «слова» ограничивала заботливая цензура, а вопроса о «свободе правды», которую внешние рамки почти не могут сдерживать, — этого вопроса Розанов бы даже не понял.

Многочисленные примеры из НКРЯ также связывают *свободу* или *освобождение* с самоограничением.

Итак, связь *свободы* с самоограничением, отличающая ее от *воли*, проявляется в том, что человек, получивший свободу, может сам установить себе определенные нормы поведения и следовать им, тогда как человек *на воле* не способен даже к разумному самоограничению.

После статьи Солженицына «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» мысль о самоограничении как необходимом условии свободы получила популярность и транслируется самыми разными людьми (со ссылкой на Солженицына или без ссылки). Вот цитата из повести Фазиля Искандера «Поэт»:

- Свободный человек — это человек, чуткий к свободе другого и потому непринужденно самоограничивающийся. Это непринужденное самоограничение и есть вещество свободы.

Из интервью Игоря Золотусского:

- Свобода слова зависит от внутренней свободы человека. Подлинная свобода — это самоограничение. Это когда можешь сказать плохому в себе «нет» и лишь хорошему — «да».

5. СВОБОДА И ВОЛЯ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

В позднесоветское и постсоветское время, когда Гулаг перестал пронизывать всю жизнь, рассмотренное значение слова *воля* стало сходиться на нет (продолжая, разумеется, использоваться в воспоминаниях, художественной литературе и т.п.); тем самым у слова *воля* актуальными остались только значение ‘желание’ и связанное с ним значение ‘способность добиваться цели’ (*сильная воля*). Что же касается до слова *вольный*, то в последнее время в какой-то степени возродилось его старое значение, восходящее к «пушкинской» эпохе. Так, вновь образованное *Вольное историческое общество* названо так с очевидной отсылкой к словопотреблению пушкинского времени. Прилагательное *вольный* в названии указывает на независимость от насаждаемых в современной России взглядов на историю и связанных с ними ограничений и одновременно содержит коннотацию, характерную для данного типа словоупотребления, — ‘выражающий критическое отношение к власти’.

Заметим, что в постсоветское время в «антилиберальном» дискурсе все чаще стали появляться тексты, ставящие под сомнение *свободу* как безусловную ценность. Впрочем, и в текстах такого рода чаще всего говорится о «ложной свободе», о подделке, об использовании слова *свобода* в манипулятивных целях; слово *свобода* ставится в кавычки. Просто говорить о «ненужности» свободы авторы таких текстов в большинстве случаев все же не решаются. Приведем несколько выдержек из статьи с характерным названием «Это ЛЖИВОЕ слово — СВОБОДА» (<http://nabat-alarm.narod.ru/svoboda.htm>):

- Свобода передвижения на автомобиле без правил дорожного движения (по встречной полосе, например), как правило — приводит к трагическим последствиям. Свобода делать полезные дела или свобода вредительства, свобода объективной информации или свобода лжи и мерзости — все это разные виды свободы. Свобода слова, ставшая свободой обманов, клеветы, оскорблений, насмешек и глумления, в частности, ведет к деформации общественного сознания, к оболваниванию людей, к искажению их представления о действительности, к обидам, конфронтации и даже к реальным войнам с гибелью множества людей.

- «Свободные цены» — наглядный грабёж населения, которое, например, в расплодившихся аптеках вынуждено «свободно» переплачивать вдвое-втрое (наценка 100—200%) за необходимые для жизни и здоровья препараты — т.е. в 2—3 раза больше цены производства лекарства вместе со всеми накладными расходами!
- Свобода внешнеэкономической деятельности, впрочем, спасла народ от повального вымирания, поскольку импорт продуктов наполовину обеспечил население едой; однако эта же свобода содействовала гигантскому ограблению и без того разоренной страны: воровской вывоз ценностей и капитала из России за последние 10 лет оценивается в среднем в полтриллиона долларов.

Мы видим, что слова *свобода* и *свободный* в тексте этой статьи часто ставятся в кавычки, а даже когда кавычек нет, по смыслу очевидно, что автор не считает то, о чем он говорит, подлинной «свободой». Здесь он вполне наследует советской традиции называть мнимыми «буржуазные свободы». Но показательно, что и в таком типе дискурса приходится считаться с положительным ореолом слова *свобода*: «мнимая» свобода противопоставляется свободе подлинной, которая остается важной ценностью.

Итак, как мы убедились, слово *свобода* обладает в русском языке чрезвычайно высоким ценностным статусом, причем в самых разных типах дискурса. В качестве негативно окрашенного это слово может использоваться лишь в абсолютно маргинальных текстах или в составе отдельных устойчивых выражений (таких, как *свобода нравов*). Хотя значение этого слова довольно сложно, однако оно обладает для обычных носителей русского языка некой непосредственной очевидностью. При этом слово *свобода* понимается более или менее одинаково и в обиходном употреблении, и в метафизических контекстах (хотя, разумеется, существуют многочисленные философские спекуляции на тему свободы). Поэтому слово *свобода* заслуженно занимает место ключевого концепта либерального дискурса. Напротив того, слово *воля* имеет ряд ограничений и не столь однозначно положительно окрашено.

6. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: *СВОБОДА И ВОЛЯ В ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ*

То, что перевод слов *свобода* и *воля* на языки, в которых нет соответствующего противопоставления, может в определенных случаях вызывать затруднения, понятно само собою (ср. Шмелев 2013: 135). При этом следует учитывать, что иногда давление русского оригинала приводит к тому, что перевод нарушает какие-то не слишком очевидные закономерности языка-рецептора. Так, в «Казаках» Льва Толстого обнаруживаем следующий пример:

- ...совершенно новое для него чувство **свободы от всего прошедшего** охватывало его...

А. Вежбицкая привела этот пример и передала смысл выделенного сочетания как *liberation from the past*, отметив, что перевод **freedom from the past* невозможен (Wierzbicka 1997: 139). Однако в опубликованном переводе Луизы и Эйлмера Мод использовано именно сочетание *quite a new feeling of freedom from his whole past*.

Любопытно, однако, проследить, как слова *свобода* и *воля* употребляются в переводах на русский язык, чем бывает обусловлен выбор переводчика. Исходной точкой анализа может служить положение, согласно которому переводные эквиваленты лингвистической единицы, извлеченные из реальных текстов, могут рассматриваться как источник сведений о ее семантике. Этот подход представляется особенно эффективным, когда мы имеем дело с лингвоспецифичными словами. Переводы на русский язык даже более показательны в этом отношении: появление лингвоспецифичного слова в переводном тексте чаще всего отражает «наивный» выбор слов как часть «естественной» языковой деятельности.

Стандартным переводом для европейских аналогов *свободы* и *воли* служит слово *свобода*. Это отвечает ощущению, эксплицированному целым рядом русских авторов, что именно *свобода* более всего соответствует европейским аналогам. В частности, именно *свобода* регулярно используется в переводах с английского языка как для *freedom*, так и для *liberty* (разумеется, за исключением устойчивого оборота *to take the liberty*, который чаще всего передается как *взять на себя смелость* или *позволить себе*). Появление в переводе слова *воля* оказывается маркированным, так что выявление таких случаев и установление мотивов, которыми предположительно мог руководствоваться переводчик может способствовать проверке и, возможно, уточнению результатов анализа этого слова, проведенного без обращения к параллельным корпусам.

При беглом взгляде на материал параллельных подкорпусов НКРЯ (англо-русского и французско-русского) мы обнаруживаем, что результаты проведенного анализа вполне согласуются с корпусными данными. Так, в переводных текстах о *воле* часто говорится, когда речь идет о том, что кто-то находился в замкнутом пространстве (чаще всего насильно удерживаемый там) и получил возможность оказаться вне этого пространства и идти куда угодно. Характерные обороты — *выйти на волю, вырваться на волю, отпустить на волю, вывести на волю*. Однако детальный анализ использования слов *свобода* и *воля* в переводах — дело будущего.

© А.Д. Шмелев, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова Н.Д. Воля и свобода // *Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка*. М.: Индрик, 2003. С. 73—99. [Arutyunova, N.D. (2003). Russian words for ‘freedom’. In Arutyunova, N.D. (ed.) *Logical analysis of language: conceptual fields of order and disorder*. Moscow: Indrik, 73—99. (In Russ.)]
- Гура А.В. Воля // *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 428—230. [Gura, A.V. (1995). A Russian word for ‘freedom’. In *Slavic antiquities: ethnological dictionary*, 1. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 428—230. (In Russ.)]
- Кошелев А.Д. К эксплицитному описанию концепта «свобода» // *Логический анализ языка. Культурные концепты*. М.: Наука, 1991. С. 61—64. [Koshelev, A.D. (1991). The concept of freedom explicated. In Arutyunova, N.D. (ed.) *Logical Analysis of Language. Cultural Concepts*. Moscow: Nauka, 61—64. (In Russ.)]

- Топоров В.Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // *Славянский и балканский фольклор*. М.: Наука, 1989. С. 23—60. [Toporov, V.N. (1989). The Iranian element in the Russian spiritual culture. In Tolstoi, N.I. (ed.) *Slavic and Balkan folklore*. Moscow: Nauka, 1989, 23—60. (In Russ.)]
- Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994. [Toporova, T.V. (1994). *The semantic structure of ancient German world model*. M.: Radiks. (In Russ.)]
- Урысон Е.В. Еще раз о СВОБОДЕ и ВОЛЕ // *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арutyunовой*. М.: Языки славянской культуры, 2004а. С. 694—703. [Uryson, E.V. (2004a). SVOBODA and VOLYA revisited. In Apresjan, Ju.D. (ed.) *Hidden meanings. Word. Text. Culture. Festschrift to honor N.D. Arutyunova*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 694—703. (In Russ.)]
- Урысон Е.В. СВОБОДА 1.1, ВОЛЯ 4.1 // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. М.: Языки славянской культуры; Wiener slawistischer Almanach, 2004б. С. 1003—1007. [Uryson, E.V. (2004b). Russian words for 'freedom'. In Apresjan, Ju.D. (ed.) *New Explanatory Dictionary of Russian*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; Wiener slawistischer Almanach, 1003—1007. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 481—495. [Shmelev, A.D. (1997). Russian lexicon as a reflection of the “Russian soul”. In Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (1997). *Linguistic conceptualization of the world (viewed through the Russian grammar)*. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”, 481—495. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. «Широта русской души» // *Логический анализ языка: Языки пространств*. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 357—367. [Shmelev, A.D. (2000). “Broad Russian soul”. In Arutyunova, N.D. & I.B. Levontina (eds) *Logical analysis of language: Languages of space*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 357—367. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. В поисках мира и лада // *Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка*. М.: Индрик, 2003. С. 54—72. [Shmelev, A.D. (2003). In search of peace and harmony. In Arutyunova, N.D. (ed.) *Logical analysis of language: conceptual fields of order and disorder*. Moscow: Indrik, 54—72. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. Частица *там* как маркер «несущественной детали» // *Язык как материя смысла. Сб. статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой*. М.: Азбуковник, 2007. С. 208—216. [Shmelev, A.D. (2007). The particle *tam* as a marker of an unimportant detail. In M.V. Lyapon (ed.) *Language as a matter of meaning. Festschrift in honor of N.Yu. Shvedova 90th birthday*. Moscow: Azbukovnik, 208—216. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. Историческая память слова в прозе Александра Солженицына: *мир и воля // Солженицынские тетради*. Вып. 2. М.: Русский путь, 2013. С. 115—135. [Shmelev, A.D. (2013). The historical memory of words in the prose of Aleksandr Solzhenitsyn: The Russian words *mir* and *volia*. *Studying Solzhenitsyn*. Issue 2. Moscow: Russkii put', 115—135. (In Russ.)]
- Milner-Gulland, Robin R. (1997). *The Russians*. Oxford; Malden, MA: Blackwell publishers.
- Offord, Derek (1986). *The Russian Revolutionary Movement in the 1880s*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stockdale, Melissa (1999). The Constitutional Democratic Party. In Geifman, Anna (ed.) *Russia under the last tsar: opposition and subversion, 1894—1917*, Malden, MA: Blackwell Publishers Ltd, 164—169.

Wierzbicka, Anna (1997). *Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Wierzbicka, Anna (2006). *English: Meaning and culture*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Yarmolinsky, Avrahm (1956). *Road to Revolution: A Century of Russian Radicalism*. New York: Macmillan.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 06 апреля 2018

Дата принятия к печати: 18 мая 2018

Article history:

Received: 06 April 2018

Revised: 14 May 2018

Accepted: 18 May 2018

Для цитирования:

Шмелев А.Д. Еще раз о русских словах свобода и воля // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 3. С. 675—700. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-675-700.

For citation:

Shmelev, Alexei (2018). Russian Words for ‘Freedom’ Revisited. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 675—700. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-675-700.

Сведения об авторе:

АЛЕКСЕЙ ШМЕЛЕВ — профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета, заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, профессор кафедры теории и истории языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, председатель Орфографической комиссии Российской академии наук. Его научные интересы охватывают целый ряд дисциплин, включая культурологию и лингвистику. Он опубликовал множество книг, последняя из которых — «Русская аспектология: в защиту видовой пары» (2015, в соавторстве с Анной Зализняк и Ириной Микаэлян).

Контактная информация: shmelev.alexei@gmail.com

Bionote:

ALEXEI SHMELEV is a Professor of Russian Linguistics at Moscow Pedagogical State University, the head of the Department of Linguistic Standards of Russian at the Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences and a Professor of Theoretical Linguistics at St. Tikhon's Orthodox University. His work spans a number of disciplines including cultural studies and linguistics. He is the author of numerous books, most recently, *Russkaja aspektologija: v zashchitu vidovoj pary* [Russian Aspectology: in Defense of the Aspectual Pair] (2015, co-authored with Anna Zalizniak and Irina Mikaelian).

Contact information: shmelev.alexei@gmail.com

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-701-710

Анализ терминов родства с помощью Естественного Семантического Метаязыка: подход Анны Вежбицкой

Е.Г. Которова

Зеленогурский университет

al. Wojska Polskiego 71A, 65-762, Zielona Góra, Polska

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
634050, Томск, Россия, проспект Ленина, дом 30

Аннотация

В данной статье дается краткий обзор некоторых из работ Анны Вежбицкой, посвященных рассмотрению терминов родства в разных лингвокультурах (Wierzbicka 2016a, 2016b, 2017). Анализируется предложенный А. Вежбицкой подход к описанию семантики терминов родства с помощью Естественного Семантического Метаязыка (ЕСМ), основанного на использовании лексических универсалий. Показаны преимущества данного подхода перед другими методами анализа, в частности то, как он позволяет преодолеть евроцентризм в рассмотрении систем родства в не европейских культурах.

Ключевые слова: *Вежбицкая, термины родства, Естественный Семантический Метаязык*

Analysis of Kinship Terms Using Natural Semantic Metalanguage: Anna Wierzbicka's Approach

Elizaveta Kotorova

University of Zielona Góra

al. Wojska Polskiego 71A, 65-762, Zielona Góra, Poland

National Research Tomsk Polytechnic University
30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russia

Abstract

This paper provides a brief overview of some of the works by Anna Wierzbicka devoted to the study of kinship terms in different languages and cultures (Wierzbicka 2016a, 2016b, 2017). The paper considers the approach of the Natural Semantic Metalanguage (NSM), proposed by Wierzbicka for describing the semantics of kinship terms based on the use of lexical universals and shows the advantages of this approach in comparison with other methods of analysis. It demonstrates advantages of this method over other methods of semantic analysis, including overcoming eurocentrism tendencies in the analysis of kinship terms.

Keywords: *Wierzbicka, kinship terms, Natural Semantic Metalanguage*

Исследование систем родства как универсального социокультурного феномена и терминологии родства как средства экспликации и кодирования данного феномена в течение многих лет занимало центральную позицию в социо-антропологическом и этнолингвистическом дискурсе. К середине 20-го века был собран значительный объем данных о различных типах иерархии родственных систем, существенно отличающихся друг от друга, в связи с чем встал вопрос о едином способе их описания. Ведущим методом долгое время оставался метод компонентного анализа (ср. Goodenough 1956; Lounsbury 1969; Wallace & Atkins 1969; Bierwisch 1969 и др.), суть которого состоит в том, чтобы представить каждый термин в виде специфического сочетания признаков (дифференциальных переменных), построенных по принципу смысловозначительных оппозиций. Совокупность выявленных таким образом признаков представляет собой структурную характеристику системы терминов родства в целом. Однако, уже в конце 20-го века универсальность и целесообразность компонентного анализа стали подвергаться сомнению, что послужило поводом для дискуссий (см., напр. Jones 2010).

Анна Вежбицкая одной из первых заговорила о том, что такой подход не позволяет вскрыть психологическую, концептуальную сущность каждой из систем родства: «Осмысление культуры требует большего, чем перевод исконных категорий данной культуры в малопонятный, узкоспециализированный научный язык. Оно предполагает также перевод исконных категорий в такого рода язык, который позволил бы (1) осознать значение, вкладываемое в данную категорию носителями языка, и (2) сделать это значение доступным для носителей других культур» (здесь и далее перевод наш. — *Е.К.*). (Wierzbicka 1986: 35, см. также Wierzbicka 1987). В рецензируемых статьях, как и в ряде других своих работ (см. Wierzbicka 1986, 1987, 1992, 2010, 2013), Вежбицкая предлагает свое решение данной проблемы и подкрепляет свои утверждения наглядными примерами.

Основная идея Вежбицкой состоит в том, что для описания семантики терминов родства следует применять Естественный семантический метаязык (ЕСМ). Такой подход, как полагает Вежбицкая, во-первых, способен преодолеть свойственный другим методикам анализа евроцентризм, когда в качестве точки отсчета принимаются системы родства, свойственные европейским культурам (и, в особенности, англосаксонской), а во-вторых, позволяет отказаться от использования методов естественных наук, то есть применения формул при обозначении терминов, которые, по ее мнению, затрудняют понимание семантики номенклатуры родства и свойства той или иной лингвокультуры (см. Wierzbicka 1986: 34—35; Wierzbicka 2016a: 63—64).

Важнейшими компонентами ЕСМ являются концептуальные примитивы и канонические контексты. Вежбицкая постулирует существование около шестидесяти базовых понятий или концептов, которые должны встречаться в виде слов (или частей слов) во всех языках мира. С помощью этих «семантических примитивов» можно эксплицировать все остальные понятия. В дополнение к списку концептуальных примитивов были разработаны правила, согласно которым эти элементарные единицы могут быть объединены для того, чтобы выразить опре-

деленный смысл. Семантические примитивы (атомы) могут образовывать «семантические молекулы», реализующие более сложные концепты, важные для того или иного семантического поля (см. Goddard & Wierzbicka 2002, 2014).

Подход к анализу терминов родства, основанный на использовании лексических универсалий и ЕСМ, изложен Вежбицкой в ряде статей, опубликованных в течение трех десятилетий (см. Wierzbicka 2017, 2016a, 2016b, 2013, 2010, 1992, 1987, 1986). В каждой из них она демонстрирует преимущества предлагаемого ей подхода, концентрируясь при этом на разных аспектах анализа. Для того, чтобы полнее раскрыть замысел автора данного подхода, были отобраны несколько статей, раскрывающих разные возможности применения авторской методики и представляющихся нам наиболее значимыми.

Прежде всего следует остановиться на работе Вежбицкой «New perspectives on kinship: Overcoming the Eurocentrism and scientism of kinship studies through lexical universals [Новые перспективы в изучении терминов родства: преодоление евроцентризма и сциентизма в изучении номенклатуры родства с помощью лексических универсалий]» (2016a), являющейся частью общего руководства по лингвистической антропологии, поскольку в ней в сжатой форме изложены основные принципы нового подхода к анализу терминов родства, предлагаемого автором.

В первой части главы говорится о том, что традиционный антропологический анализ с применением символов вида „F“, „M“, „S“, восходящих к английским словам «father», «mother», «sister» и подобным, страдает европейским (точнее, англосаксонским) этноцентризмом, поскольку во многих языках мира буквальных эквивалентов английским терминам не существует. С этой проблемой сталкиваются многие исследователи аборигенных языков, особенно остро отсутствие когнитивных корреляций ощущается при составлении переводных словарей (см., напр. Которова и Нефёдов 2016: 25—26). В целях преодоления евроцентризма Вежбицкая предлагает использовать дефиниции, сформулированные на основе ЕСМ, что позволяет, по ее мнению, «вдохнуть новую жизнь в изучение терминологии родства» (Wierzbicka 2016a: 63). ЕСМ может являться основанием для сравнения родственной терминологии в разных языках и культурах, он обеспечивает методологию исследования и выявления истинных значений терминов без обращения к европейской основе. Такой способ описания будет понятен не только специалистам, таким образом, он может успешно применяться как с целью универсального, так и с целью частного, автохтонного анализа.

Далее Вежбицкая коротко останавливается на основных постулатах и принципах Естественного семантического языка (см. выше). В качестве примера, иллюстрирующего возможности применения ЕСМ для выявления и описания семантики терминов родства, Вежбицкая приводит дефиниции слов «чья-либо мать» (someone's mother) и «чей-либо отец» (someone's father):

чья-либо мать

женщина; прежде чем кто-то родился

его тело в течение некоторого времени находилось внутри тела этой женщины

чей-либо отец

мужчина; за некоторое время до того, как кто-то родился
этот мужчина сделал что-то с помощью части своего тела с телом женщины
что-то произошло внутри тела этой женщины из-за этого
вследствие чего кто-то родился (ibid.: 66).

При этом автор обращает внимание на то, что в состав дефиниции не входят семантические элементы, обязательные для компонентного анализа, например, компонент «пол» (sex).

Во второй части главы Вежбицкая на нескольких примерах показывает отличия в концептуальной структуре поля родственной терминологии в европейских языках и языках аборигенов Австралии. Прежде всего, она обращается к анализу глаголов, относящихся к тематической группе терминов родства. Наличие такого рода глаголов в данном семантическом поле не характерно для индоевропейских языков, поэтому, например, носителю английского языка весьма трудно осознать концептуальное значение глагола — *bornang* австралийского аборигенного языка пининь кунвок (Bininj Gunwok). В некоторой степени его значение пересекается со значением архаичного английского глагола *beget* ‘порождать, быть отцом’, однако, оно значительно шире, поскольку охватывает родственные отношения не только между индивидуумом и его отцом, но и между ним и его старшими родственниками по отцовской линии, мужского и женского пола. Для правильного понимания такого рода глаголов, по мнению Вежбицкой, необходимо осознать, во-первых, важность концепта «отец отца» и «мать матери» в аборигенных языках, и во-вторых, возможность рассматривать некое лицо как кого-то, чей отец является отцом чьего-то отца (ibid.: 70). Такой тип мышления непривычен для носителей европейских языков. Так, по мнению Вежбицкой, носитель английского языка никогда не будет осмыслять отношения между принцем Уильямом, герцогом Кембриджским, и принцессой Анной с точки зрения того, что отец принцессы Анны был отцом отца принца Уильяма. Однако именно этот факт был бы важным для носителей языка пининь кунвок; при этом то, что мать принцессы Анны является также матерью отца принца Уильяма, не представляет для них интерес, так как перекрестные отношения («мать отца» и «отец матери») в данном культурном сообществе не значимы.

В заключение Вежбицкая еще раз подчеркивает, что, по ее мнению, непривычные, чуждые концепты, воплощенные в системе и структуре терминов родства той или иной культуры, могут быть истолкованы с помощью обычного языка. При этом речь идет не о стиле изложения, доступном читателю, а о необходимости ясного мышления и точного понимания.

Во второй своей работе “Back to ‘Mother’ and ‘Father’: Overcoming the Eurocentrism of kinship studies through eight lexical universals [Назад к «матери» и «отцу»]: преодоление евроцентризма в изучении терминов родства с помощью восьми лексических универсалий]” (2016b) Вежбицкая демонстрирует преимущества предлагаемого ей подхода при описании номенклатуры родства австралийских языков, обладающих принципиально иной структурой по сравнению с европейскими системами. Если при описании традиционными методами неизбежно

употребление англоязычных терминов и их символов (таких как М — мать, F — отец, В — брат, D — дочь, и др.), что делает такой анализ непонятным носителям других языков и культур, то в случае применения ЕСМ можно ограничиться при составлении дефиниции термина лишь двумя универсальными терминами-концептами — «мать» и «отец». Так, термины *kamuru* и *kuntili* из австралийского аборигенного языка питъянтъянтъяра (Pitjantjatjara), описываемые с помощью традиционной методики как MB — ‚дядя со стороны матери‘ и FZ — ‚тетя со стороны отца‘, Вежбицкая определяет следующим образом (Wierzbicka, 2016b: 415):

kamuru (“MB”)

кто-то может сказать о мужчине «это мой *kamuru*» если
этот кто-то может думать об этом мужчине следующим образом:
«его мать — мать моей матери, его отец — отец моей матери»

kuntili (“FZ”)

кто-то может сказать о женщине «это моя *kuntili*» если
этот кто-то может думать об этой женщине следующим образом:
«ее отец — отец моего отца, его мать — мать моего отца».

Преимущества новой модели, называемой Вежбицкой «модель описания номенклатуры родства с помощью обыденного языка (the ordinary-language model of kinship terminologies)» могут быть суммированы следующим образом (ср. Wierzbicka, 2016b: 416):

1. Эта модель основана на лексических универсалиях ‘мать’ и ‘отец’.
2. Эта модель не использует никаких других терминов родства (как, например, ‘родители’, ‘сиблинг’) кроме этих двух лексически универсальных терминов.
3. Дефиниции, основанные на этой модели, могут быть переведены на описываемый язык (будь то питъянтъянтъяра или какой-либо другой).
4. Модель явно ориентирована на характеристику отношений, так как базовые конструкции, употребляемые в ней, сформулированы как «кто-то является тем-то и тем-то по отношению к тому-то» и «кто-то может сказать о ком-то: ‚это мой тот-то и тот-то‘».
5. Модель является эгоцентричной, поскольку то, что одно лицо говорит о другом, произносится от первого лица: «это мой...».
6. Модель основывается на правиле: «кто-то может сказать [что-то о ком-то]... если...» (но это правило не является категоричными, то есть не принимает форму «если и только если»).
7. Эти правила формулируются в словах, соответствующих словам и фразам исконных языков, и они согласуются с тем, что известно о том, как фактически передаются знания об использовании терминов родства.
8. Модель позволяет нам фиксировать различия в прототипической перспективе по отношению к возрасту, которые никогда не учитывались в традиционном подходе.
9. Модель освобождает аналитика от необходимости дополнять описание типов терминов родства излишними комментариями, такими как «для мужского эго» и «для женского эго», и позволяет сформулировать единое определение для каждого значения.

В статье «The meaning of kinship terms: a developmental and cross-linguistic perspective [Значение терминов родства с точки зрения их развития и сравнения в разных языках]» (2017) автор ставит себе целью с помощью ЕСМ вскрыть специфику когнитивного наполнения внешне схожих терминов в разных лингвокультурах: «Лексическая семантика терминов родства важна для культурной антропологии, поскольку значения этих терминов наиболее достоверно показывают, как говорящие конкретного языка осмысливают свои социальные отношения. Родство действительно является одной из основ общественной жизни человека...» (Wierzbicka 2016b: 409). Для решения этой задачи привлекается материал английского, французского, немецкого, русского и польского языков. Другая важная задача, которую автор ставит в данной статье, — проследить изменение когнитивного наполнения терминов родства в процессе взросления и социального развития человека. Вежбицкая опирается в данном случае на наблюдения психологов и психолингвистов, полагающих, что ребенок обладает своим, логически последовательным, но своеобразным мышлением: «Разум ребенка демонстрирует признаки наличия собственной структуры, но его развитие зависит от обстоятельств» (Piaget 1928: 200). Результаты ее исследования подтверждают данный тезис.

В первой части статьи Вежбицкая прослеживает развитие семантики английских терминов родства *mother* (от *mummy* до *mother*, включая диалектный вариант *mama*), *father* (от *daddy* до *father*, включая диалектный вариант *papa* и его сокращенную форму *pa*), а также терминов *sister* и *brother*.

Термин *mother*, в зависимости от возраста употребляющего это термин индивида, может иметь следующие значения, каждое из которых раскрывается в терминах ЕСМ:

1. Период «Я и ты».
 - а) *Mummy* (мать говорит своему ребенку, например, *Mummy is here*)
 - б) *Mummy* (ребенок говорит своей матери, например, *Mummy do it*)
2. Период «Мама в качестве кого-либо»
 - а) *Mummy* (какой-либо член семьи, например, отец говорит своему ребенку *Where is Mummy?*)
 - б) *Mummy* (ребенок говорит какому-либо члену семьи, например, отцу *Where is Mummy?*)
3. Переход от *Mummy* к *my mummy*, *your mummy*, *his mummy*
 - а) *your mummy* (взрослый человек, не являющийся членом семьи, говорит ребенку о его матери)
 - б) *my mummy* (ребенок говорит о своей собственной матери)
 - в) *his mummy* (ребенок говорит о матери другого ребенка)
4. Переход от *my mummy* к *my mother*
 - а) *your mother* (взрослый человек говорит ребенку о его матери)
 - б) *my mother* (ребенок говорит о своей собственной матери)
 - в) *his mother* (ребенок говорит о матери другого ребенка)

Таким образом, в развитии семантики термина *mother* Вежбицкая выделяет следующие стадии:

- 1) от ‘Mummy’ как сочетания звуков до ‘Mummy’ в качестве имени,
- 2) от ‘Mummy’ в качестве имени до ‘Mummy’ в качестве слова,
- 3) от слова ‘Mummy’ до словосочетания ‘my mummy’,
- 4) от словосочетания ‘my mummy’ до словосочетания ‘my mother’.

При анализе терминов *sister* и *brother* Вежбицкая обращает внимание на то, что на ранних стадиях развития ребенок обозначает этим термином всех девочек и мальчиков соответственно. На следующей стадии приходит понимание того, что это только девочки (мальчики), чьи родители являются также его (ребенка) родителями. При этом сначала эти термины охватывают только младших сиблингов, и лишь на более поздней стадии — также и старших. При переходе в юношеский возраст данные термины применяются также для обозначения детей чужих родителей (*это сестра Джона, сына соседки*).

Во второй части статьи Вежбицкая обращается к сопоставительному анализу семантики коррелирующих терминов родства в разных языках (*mummy, mum, tatan, Mutti; grandmother, grandfather, grandma, grandpa, granny, nana, бабушка, дедушка, ded; uncle, дядя, дядюшка, wuj, wujek; aunt, auntie, тетя, тетушка, ciocia, ciotka*). Анализ также проводится на основе дефиниций терминов, сформулированных с применением ЕСМ. Для иллюстрации особенностей семантики разноязычных терминов привлекаются переводы классических произведений Марселя Пруста, Льва Толстого, Антона Чехова.

В качестве примера приведем дефиниции слов *grandmother* и *бабушка*. Семантику английского слова *grandmother* автор определяет с помощью семантических примитивов следующим образом (Wierzbicka 2017: 45):

someone’s grandmother

женщина, кто-то может сказать об этой женщине ‘this is my *grandmother*’
 кто-то может сказать это об этой женщине, если эта женщина является матерью его матери
 кто-то может сказать это об этой женщине, если эта женщина является матерью его отца.

Определение русского слова *бабушка* более сложно семантически, оно содержит дополнительные компоненты (Wierzbicka 2017: 48):

чья-либо бабушка

женщина, кто-то может сказать об этой женщине ‘это моя *бабушка*’
 ребенок может сказать это об этой женщине, если эта женщина является матерью матери этого ребенка
 ребенок может сказать это об этой женщине, если эта женщина является матерью отца этого ребенка [...]

 когда ребенок говорит это об этой женщине, то он говорит в это же время:
 ‘я чувствую что-то хорошее по отношению к этому человеку, и я знаю, что этот человек чувствует что-то хорошее по отношению ко мне’.

Таким образом, можно видеть, что русский термин наряду с совпадающей семантической содержит также и эмоциональную окраску, специфическую «детскую перспективу» по определению Вежбицкой. Интересно отметить, что наличие эмоциональной окраски у термина родства может способствовать тому, что данный термин чаще употребляется в функции обращения, так как таким образом

может выражаться симпатия и уважение к собеседнику (ср. Khalil, Larina & Suryanarayan 2018, Larina & Khalil 2018, Larina & Suryanarayan 2013, Yuryeva, Rudakova & Larina 2018).

В заключение анализа специфики терминов *grandmother*, *grandfather*, *grandma*, *grandpa*, *granny*, *nana*, бабушка, дедушка, дед предлагается такая сводная таблица:

Английский язык

grandmother, *grandfather*: нейтральная перспектива

grandma, *grandpa*: детская перспектива

granny: детская перспектива, плюс ожидание хороших чувств по отношению друг к другу

nana: перспектива маленького ребенка, плюс ожидание хороших чувств по отношению друг к другу.

Русский язык

бабушка, *дедушка*: перспектива ребенка, распространяющаяся также и на взрослых, в детстве ожидание хороших чувств по отношению друг к другу

дед: только перспектива взрослого

В последнем параграфе рассматривается семантика «противоположных» терминов, таких как *son* и *daughter*, *grandson* и *granddaughter* и т. п. в соотношении со словом *child* и выявляются симметричные и асимметричные черты в их значениях.

Подводя итог своему исследованию, Вежбицкая выражает надежду, что предложенная ею методика анализа терминов родства будет способствовать постижению сложных механизмов концептуализации действительности, отраженной в языке, и, таким образом, позволит описать разные способы мышления, свойственные тем или иным культурам: «Бесчисленные языки мира вымирают, и способы мышления, воплощенные в них, становятся безвозвратно утерянными для иных культур» (Wierzbicka 2016a: 76).

© Е.Г. Которова, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Bierwisch, Manfred (1969). Strukturelle Semantik. *Deutsch als Fremdsprache*, 62, 66—74.
- Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka (2002). Semantic primes and universal grammar. In Cliff Goddard and Anna Wierzbicka (eds), *Meaning and Universal Grammar — Theory and Empirical Findings*. Vol. I. Amsterdam: John Benjamins. 41—85.
- Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka (2014). *Words and meanings: lexical semantics across domains, languages and cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Goodenough, Ward (1956). Componential analysis and the study of meaning. *Language*, 32, 195—216.
- Jones, Douglas (2010). Human kinship, from conceptual structure to grammar. *Behavioral and Brain Sciences*, 33, 367—416.
- Keen, Ian (1985). Definitions of kin. *Journal of Anthropological Research*, 41, (1), 62—90.

- Khalil, Amr, Tatiana Larina, and Neelakshi Suryanarayan (2018). Sociocultural competence in understanding forms of address: case study of kinship terms in different cultural contexts. *EDULEARN18 Proceedings. 10th International Conference on Education and New Learning Technologies*. Palma de Mallorca, Spain. 2—4 July, 2018.
- Larina, Tatiana & Neelakshi Suryanarayan (2013). Madam or aunty ji: address forms in British and Indian English as a reflection of culture and cognition. In Monika Reif, Justina A. Robinson, Martin Putz (eds.) *Variation in Language and Language Use: Linguistic, Socio-Cultural and Cognitive Perspectives Series* “Duisburger Arbeiten zur Sprach- und Kulturwissenschaft/ Duisburg Papers on Research in Language and Culture” (DASK). Peter Lang. 2013, 190—217.
- Larina, Tatiana & Amr Khalil (2018). Arabic forms of address: sociolinguistic overview. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* EpSBS, Volume XXXIX — WUT 2018: Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects. Future Academy, 229—309. doi: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.44>.
- Lounsbury, Floyd (1969). The structural analysis of kinship semantics. In Stephen A. Tyler (ed.) *Cognitive Anthropology*. New York, London etc.: Holt, Rinehart and Winston, 193—311.
- Piaget, Jean (1928). *Judgment and reasoning in the child*. New York: Harcourt, Brace And Company.
- Read, Dwight W. (1984). An Algebraic Account of the American Kinship Terminology. In *Current Anthropology* 25, (4), 417—440.
- Wallace, Anthony F. C. & John Atkins (1969). The meaning of kinship terms. In Stephen A. Tyler (ed.) *Cognitive Anthropology*, New York, London etc.: Holt, Rinehart and Winston, 345—369.
- Wierzbicka, Anna (1986). Semantics and the interpretation of cultures: The Meaning of 'Alternate Generations' Devices in Australian Languages. In *Man. New Series*, 21 (1), 34—49.
- Wierzbicka, Anna (1987). Kinship semantics: Lexical universals as a key to psychological reality. In *Anthropological Linguistics*, 29 (2), 131—156.
- Wierzbicka, Anna (1992). *Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. Oxford & New York: Oxford University Press, 1992.
- Wierzbicka, Anna (2010). Lexical universals of kinship and social cognition. In *Behavioral and Brain Sciences*, 33, 403—404.
- Wierzbicka, Anna (2013). Kinship and social cognition in Australian languages: Kayardild and Pitjantjatjara. In *Australian Journal of Linguistics*, 33, 302—321.
- Wierzbicka, Anna (2016a). New perspectives on kinship: Overcoming the Eurocentrism and scientism of kinship studies through lexical universals. In Nancy Bonvillain (ed.) *The Routledge handbook of linguistic anthropology*. New York: Routledge, 62—79.
- Wierzbicka, Anna (2016b). Back to ‘Mother’ and ‘Father’: Overcoming the Eurocentrism of kinship studies through eight lexical universals. In *Current Anthropology*, 57, (4), 408—429.
- Wierzbicka, Anna (2017). The meaning of kinship terms: a developmental and cross-linguistic perspective. In Zhengdao Ye (ed.) *The Semantics of Nouns*. Oxford: Oxford University Press, 19—62.
- Yuryeva, Julia, Ekaterina Rudakova, and Tatiana Larina (2018). Sociolinguistic and sociocultural features of language use: forms of address in British English and Spanish. *EDULEARN18 Proceedings. 10th International Conference on Education and New Learning Technologies*. Palma de Mallorca, Spain. 2—4 July, 2018.
- Которова Е.Г., Нефёдов А.В. Проблема представления этнокультурных реалий в словаре миноритарного языка (на примере кетской лексики) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 3. С. 24—32 [Kotorova, Elizaveta & Andrei Nefedov (2016). The problem of presenting ethnocultural realia in a minority language dictionary (the case of Ket). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 3, 24—32].

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 мая 2018

Дата принятия к печати: 05 июня 2018

Article history:

Received: 18 May 2018

Revised: 29 May 2018

Accepted: 05 June 2018

Для цитирования:

Которова Е.Г. Анализ терминов родства с помощью Естественного Семантического Метаязыка: подход Анны Вежбицкой // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика* = *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 3. С. 701—710. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-701-710.

For citation:

Kotorova, Elizaveta (2018). Analysis of Kinship Terms Using Natural Semantic Metalanguage: Anna Wierzbicka's Approach. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 701—710. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-701-710.

Сведения об авторе:

ЕЛИЗАВЕТА ГЕОРГИЕВНА КОТОРОВА — доктор филологических наук, профессор, Зеленогурский университет (Польша), Институт германской филологии, заведующая кафедрой лексикологии и прагмалингвистики / Национальный исследовательский Томский политехнический университет, профессор отделения иностранных языков. Сфера научных интересов: прагмалингвистика, лексическая семантика, контрастивная лингвистика, проблема межъязыковой эквивалентности, языки аборигенов Сибири (кетский язык).

Контактная информация: e-mail: e.kotorova@gmail.com

Bionote:

ELIZAVETA G. KOTOROVA is Dr., Professor at the University of Zielona Góra (Poland), Institute for German Studies, Head of the Department for Lexicology and Pragmalinguistics / Professor at the Department of Foreign Languages at National Research Tomsk Polytechnic University. Her research interests include Pragmalinguistics, Lexical Semantics, Contrastive Linguistics, Interlingual Equivalency, Ket Language.

Contact information: e-mail: e.kotorova@gmail.com